

Александр Долгирев

Лживая весна

Александр Сергеевич Долгирев

Лживая весна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30075696

SelfPub; 2018

Аннотация

Германия 33-го года. Жизнь, наконец, устаканилась после Первой мировой войны и экономических потрясений 20-х годов. Молодой и энергичный канцлер обещает скорые перемены. Однако прошлое не отпускает так просто. Оно раз за разом возвращается в жизнь полицейского детектива Хольгера Вюнша, который оказывается вынужден следовать за ним не только в своих ночных кошмарах, но и в новом расследовании. Старое дело из старых недобрых времен теперь снова открыто. Иногда события, погребенные под толстым слоем времени, способны воспрянуть из забвения и кардинально изменить жизнь.

Содержание

Посвящается Марине, без которой ничего бы не получилось.

Мне двадцать семь, и мне некуда идти. Я здесь не потому, что меня ждут, а потому, что ждали другого. Если она мне не поможет – я пропал...

Глава 1

Новая метла

Серое здание мрачного вида выделялось среди окружающих домов. Дело было не столько в размере, сколько в массивности, монументальности его очертаний. Хольгер Вюнш хорошо знал это здание. Он знал, что за входной дверью будет вестибюль, все еще хранивший на себе следы довоенной роскоши. В вестибюле будет работать консьерж Пауль, тоже, будто сошедший со старых открыток. Прямо из вестибюля наверх будет вести широкая гранитная лестница. Поднявшись по ней на второй этаж и пройдя направо мимо трех кабинетов, можно было оказаться перед массивной деревянной дверью. Дальше этой двери мысли Хольгера не распространялись – за ней его ждала работа, и он еще не знал какая.

Поравнявшись с парадным входом, Вюнш бросил взгляд на табличку по правой стороне: она гласила «Главное управление полиции Баварии».

Хольгер докурил папиросу, зашел в здание, перекинулся парой слов с Паулем, поднялся по лестнице и подошел к той самой массивной деревянной двери справа. На этой двери тоже была табличка. «Полицайоберрат¹ криминальной полиции Мюнхена» – гласила она.

Вюнш вошел в приемную шефа и сел на один из двух стоявших друг напротив друга диванов. Кроме него в комнате никого не было, даже секретаря Глаубе. Через пять минут дверь кабинета шефа открылась и оттуда вышла молодая женщина с сосредоточенным лицом. «Лет 25-27, судя по внешности, скорее всего посетитель, хотя и рановато для приема» – автоматически подумал Вюнш. Женщина, вопреки мысли Хольгера, села на стул, который всегда, сколько помнил Вюнш, занимал секретарь Глаубе. Она начала что-то быстро набирать на небольшой печатной машинке, стоявшей на секретарском столе. На Вюнша она не обратила внимания. Не желая и дальше терять время, Хольгер сам обратился к женщине:

– Оберст² Иберсбергер у себя?

Женщина вздрогнула от неожиданности – похоже, она просто не заметила Вюнша. После некоторого замешательства она спросила:

– Да, у себя. А вы записаны на прием?

¹ Полицайоберрат – Один из высших чинов немецкой полиции, является начальником какого-либо отдела.

² Оберст – здесь сокращенная форма от «Полицайоберратт».

Хольгер этого не знал, о чем и сообщил секретарше:

– Не знаю. Я – оберкомиссар³ Вюнш. Вышел после лечения, и пришел к господину Иберсбергеру, собственно, за делом. Надеюсь, он не занят?

– Да, простите, я здесь недавно, еще никого не знаю, проходите, конечно. Смущение смягчило линии ее лица и убавило ей пару лет. «Очень милая черта» – подумал про себя Вюнш, а вслух сказал:

– Не извиняйтесь, фройляйн⁴, вы и не могли меня знать, я долго отсутствовал. Фройляйн...?

– Кренц.

– Мне очень приятно, фройляйн Кренц.

Хольгер не стал более смущать секретаршу и, получив разрешение войти после стука, нырнул в кабинет шефа.

– Хольгер, как я рад тебя видеть! Как твое плечо?

Иберсбергер был в своем духе: начальник Вюнша был человеком склонным к открытым проявлениям радости и энтузиазма, а проявлял он их по любому поводу. Странная черта для полицейского, тем более из криминальной полиции, однако, не раз и не два именно неистребимый оптимизм помогал, ранее следователю Иберсбергеру довести дело до конца, а сейчас помогает оберсту Иберсбергеру быть

³ Оберкомиссар – средний чин в немецкой полиции. Следователь, руководитель следственной группы.

⁴ Фройляйн – обращение к незамужней женщине. В повседневной жизни, обычно, обращение к любой молодой женщине или девушке.

уважаемым начальством и любимым подчиненными. Часто людей вводил в заблуждение его характер, однако под широкой улыбкой и весьма объемистым животом скрывался герой Войны, награжденный Железным крестом первого класса за уничтожение английского танка на Сомме, человек глубокого ума, один из лучших аналитиков баварской, а возможно и всей республиканской полиции. Два года назад Иберсбергера назначили исполняющим обязанности начальника криминальной полиции после ухода на пенсию имперского динозавра Галтова, да так и оставили. Оберст был на год старше Вюнша и вполне мог идти еще выше по карьерной лестнице в полиции, особенно если найдет общий язык с новой властью.

– Неплохо, Калле...

Полгода все управление мучилось – как называть старого доброго Карла-Хайнца Иберсбергера, ставшего вдруг начальником, пока сам Иберсбергер не решил этот вопрос в пользу «Калле», правда, так к себе разрешал обращаться только тем, кто помнил его еще следователем.

– ...Плечо побаливает, но врач сказал, что работать смогу, так что вот пришел за делом. А у тебя как дела?

– По-разному... Перед выборами был проклятый ад, нацисты и коммунисты на улицах каждый день сходились, и каждый день оставляли за собой раненых, а то и трупы, но ты это и сам видел. А теперь попробуй какому-нибудь молодчику-штурмовику предъявить обвинение – они теперь власть.

Хотя, нужно отдать им должное – после выборов стало по тише, да и сами Штурмовые отряды⁵ помогают порядок поддерживать на улицах.

Как всегда, Калле на вопрос «Как жизнь?» рассказывал о работе.

– Да ты садись, что стоишь, как мебель? Пока не начали о делах, хочу похвастаться. С этими словами оберст достал из глубокого ящика рядом с рабочим столом печатную машинку.

– Кончились ваши и мои мучения, Хольгер! Теперь вся документация – внутренняя и межведомственная, должна быть в печатном виде. Никаких тебе больше рукописных деклараций, и форм для заполнения!

Хольгер присоединился к широченной улыбке Иберсбергера. Сколько Вюнш работал в полиции – всегда наиболее раздражающей и утомительной частью работы было большое количество писанины. Огромное количество форм для заполнения от руки, которые нужно было сдавать еженедельно, а иногда и чаще, вызывало раздражение. На некоторых из этих форм до сих пор стояли старые, еще довоенные гербы.

Для Калле, через которого бумаг проходило намного больше, чем через Хольгера и многие из них требовали именно рукописи, это было дополнительным мучением. Одной из немногих физических отметин, оставленных Войной

⁵ Штурмовые отряды – нерегулярные военизированные формирования. Выступили «мускулами» национал-социалистов во время прихода к власти.

на Иберсбергере, была травма руки, полученная в 1917-м – на правой руке отсутствовали указательный палец и верхняя фаланга среднего, а оставшиеся пальцы слушались своего хозяина через раз. Он научился работать левой рукой, но при большом количестве письма почерк Калле, и так неловкий, превращался в трудноинтерпретируемые каракули, которые приходилось либо править ему, либо расшифровывать остальным.

– Пока еще многие пользуются старыми формами, но я требовал себе у начальства печатную машинку.

– Отличная новость! А то от всей полицейской романтики остались только испачканные чернилами руки.

– Да, отличная... Хорошо, разговоры разговорами, но пора тебе приниматься за работу, и тут у меня для тебя не очень хорошая новость.

Хольгер насторожился. Иберсбергер встал и подошел к небольшой картотеке, стоявшей слева от стола. Он явно заранее отложил дело, поскольку не искал в картотеке, а сразу взял его и вернулся за рабочее место:

– Новое начальство спустило вниз приказ проверить нераскрытые дела. Не все конечно, только громкие или с открывшимися обстоятельствами, и мимо тебя эту чашу не пронести. Все ребята, к своим основным делам получили еще и по такому «висяку». А тут дело такое, что сверху приказали привлечь свободного следователя, и ты, я вижу, уже догадался, кто является этим свободным следователем.

Хольгер взял в руку папку – как и бывает обычно у «висяков», папка была тонкой. «Ладно, возможно, после простоя это и не плохо...» – подумал он.

– Что хоть за дело?

Калле прищурился, а после усмехнулся и вдруг спросил:

– Хольгер, а где ты был в 22-м году?

– Мясо рубил в Киле.

– Своя лавка?

– Нет, помощником мясника.

– Неплохо устроился, платили натурой?

– Ну да, не марками же. Ты же помнишь те времена, Калле... Марки люди вместо бумаги в сортирах использовали. А так гарантированное мясо. Считаю, счастливо жил. А ты где был?

– Только сюда пришел, здесь паек давали и одежду.

– Тоже неплохо...

Оба немного помолчали, погруженные в воспоминания.

Первым из омута памяти вынырнул Хольгер:

– А ты к чему про 22-й год спросил?

– Да просто интересно стало, ничего серьезного.

– Ладно, Калле, проработаю это дело в меру своих сил...

Отчетность как обычно?

– Да, раз в неделю. И последнее, Хольгер: у нас новенький, зовут Франц Майер. Молодой парень, но образованный. Такие скоро нас всех под себя подомнут, но опыта нет совсем, поэтому хочу прицепить его к тебе, раз есть возмож-

ность проверить его на старом деле.

– А как же Ковач?

Рудольф Ковач был отличным опытным следователем и постоянным напарником Вюнша.

– У Ковача дело с двойным убийством и, судя по всему, он еще не скоро освободится.

– Понятно. Хорошо, я сделаю, что смогу. Можно идти?

– Да, иди и будь аккуратен, дело сложное, есть риск разбередить старые раны. Удачи, Хольгер.

– И тебе, Калле.

Глава 2

Дело № 44518

Выйдя от шефа, Вюнш попрощался с фройляйн Кренц. Она улыбнулась и эта улыбка, как и смущение ранее, сбавили ей несколько лет. Хольгер направился в свой кабинет, ему нужно было ознакомиться с делом. Вюнш был в приподнятом настроении: он снова был на работе, он снова был нужен, он снова был в движении, а не кис дома в одиночестве, слушая музыку да читая.

Бездействие угнетало Хольгера. Еще пока он рос, Ханс Вюнш – берлинский почтовый служащий и Хелена Вюнш (урожденная Мюллер), всю жизнь посвятившая заботе о муже и детях, намучились с третьим из четырех своих детей и единственным мальчиком. Маленький Хольгер мало того,

что рос непоседой и сорванцом, был еще и очень упрям в своих делах – если он вбивал себе в голову какую-нибудь идею, то переубедить его становилось почти невозможно. В значительной степени эти черты были свойственны Вюншу и сегодня. Поэтому новое дело, пускай и «висяк», вызывало в нем желание работать и жить, а также прогоняло из его разума, обосновавшуюся там было, хандру.

«Кабинет» был крошечной комнатушкой, в которой помещался небольшой письменный стол и, опять же небольшой, шкаф для бумаг. В одном углу была вешалка, в другом – мусорное ведро. Имели место быть также пара стульев: один, массивный и крепкий, для Хольгера, второй для его посетителей. На большее простой детектив рассчитывать не мог, но Вюнш не жаловался. Это и так был самый просторный личный кабинет в его жизни.

Хольгер деловито осмотрел свое рабочее место: проверил, заперт ли шкаф, задвинуты ли ящики стола. На столе было убрано. Как только его отпустили из больницы, Хольгер зашел на работу и, как следует, прибрался в кабинете. Поэтому теперь он мог сразу приступить к новому делу. Перед Вюншем лежала довольно старая, но при этом не растрепанная папка. На папке стояла печать Баварской полиции и пометка из полицейского архива документов, также на ней было написано «Дело № 44518».

Через несколько часов Хольгер закрыл папку и, как следует потянувшись, закурил. Он пытался осмыслить то, что

только что прочитал.

«Итак: четвертого апреля 1922-го года на ферме в километре от небольшого поселка Кайфек, который, в свою очередь, находился в семидесяти километрах к северу от Мюнхена, аккурат между Ингольштадтом и Шробенхаузенем были обнаружены шесть убитых.

Пострадавшими были: Андреас Грубер 1859-го года рождения, местный фермер и хозяин фермы; Цицилия Грубер 1849-го или 1850-го года рождения – его жена; их дочь Виктория Габриель 1887-го года рождения; дети Виктории семилетняя Маргарита и двухлетний Йозеф, а также горничная Мария Баумгартнер 1878-го года рождения».

Все жертвы были убиты либо вечером тридцать первого марта, либо в ночь на первое апреля 1922-го года. Этот вывод был сделан на том основании, что тридцать первого марта около пяти часов дня на ферму была доставлена новая горничная – Мария Баумгартнер, а первого апреля Маргарита Габриель не пришла в школу. С вечера тридцать первого марта и до четвертого апреля Груберов либо Марию Баумгартнер никто не видел. Второго апреля Груберы не пришли в местную церковь на воскресную службу.

Здесь была первая странность, так как в течение трех дней с первого по третье апреля на ферме определенно кто-то был: первого апреля из печной трубы шел дым, который видели соседи. Кроме того, двое из опрошенных соседей утверждали, что видели, как в доме несколько раз зажигался свет.

Вечером второго апреля Михаэль Плек – местный столяр, видел возле принадлежавшей Груберам кромки леса свет от фонаря. На его оклик фонарь был потушен. В то же время почтальон, каждодневно доставлявший Груберам корреспонденцию, был вынужден бросать ее в окно кухни, так как дверь ему не открывали. За все это время никто не видел домашний скот Груберов или их собаку.

Так же обращали на себя внимание показания продавца с рынка в Шробенхаузене, который утверждал, что тридцать первого марта в разговоре с ним Андреас Грубер упомянул о том, что накануне ночью слышал странный шум в доме и видел свет фонаря в лесу рядом с фермой, а утром обнаружил следы, ведущие от леса в дом. Далее, согласно показаниям того же торговца, Андреас обыскал дом и участок, обнаружил следы проникновения, но не нашел самого взломщика, не было никаких его следов и в помещениях, кроме того, ничего не пропало.

Тела были обнаружены четвертого апреля в половину пятого дня. Механик Альберт Хофнер приехал в усадьбу к девяти утра, заранее договорившись с Андреасом Грубером о встрече. Он утверждал, что слышал собачий лай, но никого не видел. Дверь Хофнеру, как и почтальону, никто не открыл. Он ждал хозяев до десяти утра, после этого нашел в пристройке двигатель, о починке которого и договорился с Андреасом. Согласно показаниям Хофнера, он отремонтировал двигатель до половины третьего, несколько раз запустил

его для пробы, но за все это время не видел в доме признаков жизни.

После этого Хофнер отправился к Лоренцу Шлиттенбауэру. Шлиттенбауэр имел интимную связь с дочерью Груберов Викторией за некоторое время до убийства, и именно он приходился отцом младшему ребенку Виктории Йозефу. Хофнер отчитался Шлиттенбауэру о проделанной работе, сообщив также об отсутствии людей на ферме.

Далее, согласно показаниям Шлиттенбауэра, ему показалось подозрительным, что за весь день в усадьбе не появился никто из хозяев и около четырех часов дня, прихватив с собой четверых человек, он отправился в Хинтеркайфек (так среди местных жителей называлась долина, где находилась ферма). Не увидев никого не на участке, ни около дома, Шлиттенбауэр со своими людьми зашел в незапертый сарай, где, практически прямо у входа, обнаружил тела Андреаса и Цицилии Груберов, Виктории Габриель и ее дочери Маргариты. Далее со слов Шлиттенбауэра описывалось положение тел: они были свалены в кучу у порога двери сарая и частично забросаны сеном. Тела Марии Баумгартнер и двухлетнего Йозефа Грубера были найдены в доме: тело Марии в ее комнате, а Йозефа в коляске в детской.

Согласно протоколу следствия: сообщение об убийстве полиция Мюнхена получила в 18:15 четвертого апреля. Первые полицейские прибыли на ферму в 21:30 того же дня.

Второй странностью было состояние места преступления:

несмотря на явно насильственный характер смерти шести человек, в том числе четверых взрослых, в доме не было никаких следов борьбы, взлома или кражи, напротив, царил образцовый порядок. Хольгера изрядно расстроило отсутствие в деле детального акта осмотра места преступления, а так же описи предметов, обнаруженных в доме и сарае. Выводы о состоянии места преступления можно было сделать лишь на основании свидетельских показаний и отчетов следователей.

Важным моментом было то, что в доме были обнаружены сбережения на сумму тысяча восемьсот сорок золотых марок, облигации и шкатулка с золотыми украшениями (акт экспертизы стоимости драгоценностей к делу приложен не был). В детской на кровати был обнаружен раскрытый кошель, в котором было семьдесят четыре марки. Однако именно ограбление было первой версией следствия.

Из-за темноты четвертого апреля был проведен лишь поверхностный осмотр. Пятого апреля в шесть утра работа возобновилась.

Шпиц Груберов был найден привязанным в хлеву. Он был жив, но имел следы побоев, кроме того, был обезвожен. Там же – в хлеву – был найден в полном порядке скот Груберов. На полу был рассыпан корм, но навоз, при этом, никто не убирал.

Осмотр нежилых помещений показал, что кто-то действительно жил на ферме в течение некоторого времени после убийства, возможно, еще утром четвертого апреля. На чер-

даке в северной части дома, прямо над двигателем, который чинил механик Хофнер, были найдены следы кратковременного проживания: примятая солома, объедки и мусор. Пол этого чердака был частично разобран, и в помещение с двигателем свисала веревка. Кусок такой же веревки был найден в подсобном помещении рядом с хлевом. Кроме того, было обнаружено множество следов и кровавых брызг, ведущих из сарая в дом на кухню, затем в спальню горничной, и далее в детскую комнату. Была обнаружена, также, дорожка следов, ведущая из дома, но терявшаяся в лесу. В заключении было высказано предположение о том, что такие следы могли быть оставлены сапогами армейского образца.

В тот же день, пятого апреля, прибыли два кинолога с собаками. Собаки взяли след подозреваемого, но возле кромки леса потеряли его.

Делом занимался следователь мюнхенской полиции Георг Рейнгрубер. Имени этого Хольгер не знал, судя по всему, этот следователь ушел до 1927-го года (в этом году в Баварию перевелся Вюнш). Уже седьмого апреля по его запросу, с согласия Баварского Управления МВД было опубликовано сообщение о награде в сто тысяч марок за любую информацию об убийстве. Это сообщение о награде было подшито к делу в виде копии запроса Рейнгрубера и, дополнительно, в виде газетной колонки. «А вот опись предметов в доме они составить не удосужились», – не без злорадства подумал Хольгер.

Шестого апреля на ферму из Мюнхена прибыли судебный

медэксперт Стефан Баптист Аумюллер и юрист Генрих Ней. В тот же день, прямо на месте, было проведено вскрытие тел. Вюнш нигде в деле не нашел указания на работу дактилоскописта в доме, судя по всему, отпечатки пальцев не снимались.

В отчете об аутопсии были сделаны выводы о том, что: Андреас Грубер получил один сильный удар, полностью рассекший правую половину лица, и ставший причиной смерти. Цицилия Грубер имела семь ран острым тяжелым предметом по правой стороне, приведших к множественным переломам черепа, которые и стали причиной смерти. На черепе Виктории Габриель было найдено девять крестообразных ран, которые стали причиной смерти. Кроме того, правая сторона лица Виктории была разбита тупым предметом, а на шее имелись следы удушения. Дочь Виктории Маргарита пострадала сильнее всех. Череп был разбит несколькими ударами острым тяжелым предметом, возможно, тем же предметом, которым были нанесены травмы Цицилии Грубер. Также на шее Маргариты были обнаружены резаные раны, вызвавшие обильное кровотечение. С правой стороны от носа девочки, на щеке, имелось странное овальное ранение. Предмет, оставивший его, установить не удалось. Подбородок был разбит тупым тяжелым предметом, возможно, тем же предметом, следы от которого были найдены на лице Виктории.

Хольгер отвлекся от размышлений, вдруг осознав, что

сжимает свое правое колено так сильно, что оставляет синяки. «Спасибо за дело Калле, удружил! Психа подкинул...» – Вюнш тяжело вздохнул. Хольгер уже имел дело с групповыми убийствами и разного навидался и в окопе, и в полиции, но тот, кто с такой жестокостью убил этих людей был настоящим зверем. Как-бы не хотелось сейчас Вюншу выкинуть эту папку в мусорное ведро и выпить столько пива, сколько потребуется для того, чтобы больше не видеть у себя перед глазами искалеченное тело девочки, нужно было продолжать. Он вновь закурил и прикрыл глаза:

На шее Маргариты остались следы ее пальцев, видимо, она пыталась зажать раны. В правой руке найден вырванный клочок волос, судя по цвету – Виктории. В заключении Аумюллером был сделан вывод, что девочка была жива после нанесения травм в течение некоторого неустановленного периода времени, а непосредственной причиной смерти стала кровопотеря от ран на шее.

Андреас был одет в кальсоны и исподнюю рубашку, Маргарита – в сорочку, Виктория и Цицилия были найдены одетыми в повседневную одежду. Это косвенно подтверждало версию о том, что убийства были совершены вечером или ночью.

Согласно отчету Аумюллера, время смерти жертв найденных в сарае было между одиннадцатью часами вечера тридцать первого марта и пятью часами утра первого апреля, точнее сказать было нельзя из-за того, что тела долгое время

пробыли сваленными в кучу, начался процесс разложения, а также из-за недостаточности оборудования, имевшегося в распоряжении Аумюллера.

Аутопсия двух жертв, найденных в доме, показала, что Мария Баумгартнер получила две глубокие крестообразные раны: в правой височной, и в затылочной части тяжелым острым предметом, возможно, тем же, которым были нанесены раны Виктории. Эти раны и стали причиной смерти. Двухлетний Йозеф погиб от двух сильных рубящих ударов в правую височную область головы.

В отчете Аумюллер указывает время смерти между часом ночи и четырьмя часами утра. Однако к отчету прилагалась докладная записка, подписанная Аумюллером и заверенная Неем, в которой судмедэксперт высказывал мнение о том, что Мария и Йозеф были убиты позднее, чем жертвы, обнаруженные в сарае.

В приложении доктор описывал убийцу как физически сильного мужчину среднего роста, левшу. Большого судмедэксперт, исходя из имевшихся у него данных, сказать не смог или, по крайней мере, не был достаточно уверен, чтобы включить в отчет. Так же к делу прилагалась справка, в которой говорилось, что головы были отделены от тел для дальнейших следственных мероприятий, однако больше о них нигде не упоминалось, и их дальнейшая судьба была для Хольгера загадкой.

Далее шли отчеты о ходе следствия за подписью детекти-

ва Рейнгрубера. Он прибыл на ферму пятого апреля утром. В первичном осмотре места преступления не участвовал. Посла вторичного осмотра Рейнгрубер вызвал из Мюнхена кинологов и начал опрашивать соседей.

Груберы характеризовались жителями Кайфека и окрестностей отрицательно – жили изолированно, избегали контактов с соседями, никого к себе не приглашали, несмотря на зажиточность, хозяйство вели сами. Прислуга в доме не задерживалась, рабочих нанимали только в посевной сезон и в сезон сбора урожая.

Андреас Грубер, по словам соседей, был человеком деспотичным и жестким, часто провоцировал конфликты, кроме того, имел половую связь со своей дочерью Викторией. Согласно показаниям Тобиаса Волькенштейна – владельца соседней фермы, он несколько раз наблюдал, как Андреас и Виктория заходили в сарай поздним вечером и выходили лишь под утро. Показания других местных жителей косвенно подтверждали показания Волькенштейна. Сразу несколько опрошенных указывали, что сын, а возможно и дочь Виктории, были от ее отца. Отношение к Цицилии Грубер – жене Андреаса было даже более отрицательным, чем к нему самому. Сама Цицилия характеризовалась как тихая, спокойная женщина, весьма необщительная, отрицательно же воспринималось ее терпимое отношение к инцесту между супругом и дочерью.

Отношение к Викторией было более положительным. Со-

гласно показаниям, она была молчаливой и спокойной, но при этом достаточно активно участвовала в общественной жизни, пела в хоре местной Церкви Святого Венделина и много времени проводила в поселке. Местный священник Михаэль Хаас рассказал о том, что в 1915-м году Виктория призналась ему на исповеди, что отец насилует ее с шестнадцати лет. Святой отец Хаас пошел на нарушение тайны исповеди и в том же 1915-м году Андреаса осудили на год каторжных работ. По предположению отца Хааса, после отбытия каторги кровосмесительные отношения между Андреасом и его дочерью возобновились, однако прямых доказательств этого у него не было.

Виктория была вдовой Карла Габриеля 1888-го года рождения, погибшего на Войне. Однако вместе супруги практически не жили потому, что через несколько недель после свадьбы Габриель уехал в деревню Лааг к родителям. Именно Карл Габриель был записан отцом Маргариты, родившейся в начале 1915-го года.

Мария Баумгартнер пробыла в Кайфеке совсем недолгое время и потому охарактеризовать ее никто не мог.

В тот же день Рейнгрубер взял показания у Лоренца Шлиттенбауэра, бывшего одним из тех, кто обнаружил тела. Он указал, что сожительствовал с Викторией с 1919-го по 1920-й годы, и что именно он был записан отцом Йозефа. Однако, по словам самого Шлиттенбауэра, он испытывал серьезные сомнения в том, что Йозеф был его сыном. Лоренц

рассказал, что симпатизировал Виктории и, несмотря на репутацию Груберов, был готов признать отцовство при том условии, что Виктория выйдет за него замуж, однако Андреас Грубер запретил этот брак. Вскоре Андреас был арестован по подозрению в инцесте, однако, по словам Шлиттенбауэра, Виктория убедила его все же признать отцовство, хотя это и было крайне обременительно для Шлиттенбауэра. Так как Лоренц не был женат на Виктории, он обязан был выплачивать алименты за Йозефа вплоть до его совершеннолетия. В результате обвинение с Андреаса Грубера были сняты. Шлиттенбауэр указал, что ночь с тридцать первого марта на первое апреля провел в сарае на собственной ферме, о чем он предупредил своих домочадцев. Кроме того, Лоренц рассказал, что трогал тела в сарае сразу после обнаружения. По его словам, он хотел проверить, есть ли среди них Йозеф.

Всего за пятое апреля было опрошено тридцать девять человек, правда, из-за большой спешки в первый дни расследования протоколы допросов не велись, и показания были записаны со слов детектива Рейнгрубера и полицеймейстеров⁶ Носке и Рауша, помогавших детективу с опросами. По итогам следственных действий пятого апреля Рейнгрубер составил докладную записку, в которой писал о положении тел, характере повреждений, кратко описывал некоторые свидетельские показания, указал, что поиск с собаками результа-

⁶ Полицеймейстер – один из рядовых чинов немецкой полиции. Большинство уличных патрульных по званию именно полицеймейстеры.

тов не дал.

По итогам следственных действий им был сделан вывод о том, что преступник или преступники совершили нападение вечером тридцать первого марта или в ночь на первое апреля. После этого в течение некоторого времени (предположительно до третьего апреля) он или они оставались на ферме. В качестве предполагаемого орудия убийства указывалась мотыга, найденная рядом с телами в сарае. Возможными мотивами Рейнгрубер считал ограбление и личную месть, так же он отдельно указывал на возможность совершения преступления серийным убийцей или просто психически больным человеком. По мнению Рейнгрубера, круг подозреваемых был очень широк, в него, помимо безымянных бродяг и бандитов, входили Лоренц Шлиттенбауэр и, даже, Карл Габриель. Также Рейнгрубер предлагал объявить вознаграждение за информацию о преступлении и просил создать следственную группу из четырех-пяти детективов для повышения интенсивности следствия.

В течение следующей недели следственной группой было установлено, что Карл Габриель в составе 13-го резервного пехотного полка был отправлен на фронт восьмого декабря 1914-го года, а уже двенадцатого декабря 1914-го года погиб под Аррасом. В результате прямого попадания в окоп осколочного снаряда погибли три человека, еще четверо получили ранения разной степени тяжести. Погибшие, среди которых был и Карл Габриель, захоронены в братской могиле в

тот же день.

Вместе с деньгами на ферме удалось обнаружить документы на право владения участком и домом. Согласно документам, Андреас и Цицилия Грубер владели фермой с апреля 1886-го года. Одиннадцатого марта 1914-го года все права на ферму были переоформлены на Викторию и Карла Габриеля. Усадьба принадлежала на три четверти Виктории и на одну четверть Карлу. В связи с этим примечательным выглядело то обстоятельство, что в качестве домашнего адреса при отправке на фронт Габриель указал дом своих родителей в Лааге. Проверка этого адреса показала, что дом сгорел за два года до убийства, а его последний владелец – Ульрих Габриель (брат Карла) тогда же уехал в неизвестном направлении. Поиски Ульриха Габриеля результатов не дали. После смерти Карла Габриеля его часть собственности в Хинтеркайфеке стала принадлежать их общей с Викторией дочери.

Также было установлено, что никто из Груберов не имел счета в банке, вероятно, все деньги и ценности хранились в доме.

Свидетельские показания отца Хааса подтвердились полностью. Андреас Грубер действительно был осужден за кровосмесительные отношения с дочерью на год каторжных работ.

Свидетельские показания Лоренца Шлиттенбауэра подтвердились в большей своей части. Под сомнением оказалось его алиби на время убийства, так как никто не видел его

в ночь с тридцать первого марта на первое апреля, однако он действительно сообщил своему сыну и сожительнице, что собирается заночевать в своем сарае. Кроме того, Георг Зигль – один из свидетелей, нашедших тела, указал, что Шлиттенбауэр проявил подозрительное спокойствие во время находки и когда переворачивал тело Андреаса на спину. Однако эти показания не подтверждались другими свидетелями, нашедшими тела вместе с Зиглем и Шлиттенбауэром.

Опрос возможных очевидцев продолжался. Именно в эти дни были взяты показания у Вилли Рора – торговца из Шробенхаузена, которому Андреас Грубер сообщил о странных следах возле своего дома.

Было установлено, что Мария Баумгартнер страдала от физического недуга (колченогости) и часто меняла место работы из-за своей крайне острой реакции на малейшие замечания или шутки об ее болезни.

Педиатр из Шробенхаузена, наблюдавший Йозефа, сообщил, что мальчик часто болел и сильно отставал в развитии.

По подозрению в убийстве были задержаны трое: Харальд Ланге 1895-го года рождения, Доминик Кройц 1881-го года рождения и Готлиб Мерловиц 1890-го или 1892-го года рождения.

Харальд Ланге родился в Бремене, был путешествующим торговцем. Находился в Кайфеке тридцать первого марта. Согласно показаниям Юргена Хаупшмидта – жителя Кайфека, Ланге спрашивал у местных жителей об усадьбах, нахо-

дящихся за поселком. На допросе сообщил, что действительно был в этот день в поселке, но в связи с поздним часом (согласно показаниям Ланге, было около половины пятого) решил вернуться в Мюнхен. Убедительного алиби не представил, на основании чего был задержан восьмого апреля. Обвинение не предъявлено. Отпущен через два дня в связи с тем, что фрау Штрумбергер сообщила, что ночь с тридцать первого марта на первое апреля Ланге провел у нее. Кроме того, Ланге не соответствовал описанию убийцы, данному судмедэкспертом Аумюллером: Ланге был ростом около метра девяносто, а убийца не превышал среднего роста.

Доминик Кройц из Нюрнберга работал таксистом в Ингольштадте и тридцать первого марта доставил Марию Баумгартнер к усадьбе. Он подтвердил, что был рядом с усадьбой около пяти часов дня тридцать первого марта, сообщил, что помог Марии Баумгартнер выгрузить вещи и донес ее саквояж до входной двери. Внутри дома не был. Ничего подозрительного не заметил. Вернулся в Ингольштадт около восьми часов вечера. Задержан седьмого апреля на основании того, что в таксопарке отмечено возвращение Кройца в десять вечера. В течение всего допроса вел себя нервно. Кроме того, полностью соответствовал описанию Аумюллера: рост Кройца один метр семьдесят два сантиметра, ярко выраженный левша, на следственном эксперименте удерживал пистолет системы Маузер С96 с пристегнутой кобурой-прикладом (без патронов – 1 кг 750гр) в вытянутой левой руке в течение

около получаса без видимых усилий. Отпущен тем же вечером в связи с тем, что дежуривший тридцать первого марта сотрудник таксопарка сообщил об ошибке в журнале прибытия – вместо 20:00 он по ошибке написал 22:00. Кроме того, время между пятью и десятью часами вечера, не соответствовало времени смерти жертв. Свою нервозность Кройц объяснил тем, что вечером седьмого апреля он должен был выступать на митинге НСДАП⁷ – местной партии, активистом которой он являлся.

Готлиб Мерловиц из Кенигсберга, безработный. Ранее дважды судим: в 1910-м за воровство, осужден на два года, в 1914-м году за подделку документов и уклонение от призыва – на пять лет. Задержан десятого апреля, по заявлению некоего Мартина Крюгера, сообщившего, что в разговоре с ним Мерловиц хвалился тем, что это он совершил массовое убийство в Хинтеркайфеке. На допросе в совершении убийства не признался, сообщил, что ночь с тридцать первого марта по первое апреля провел в обществе Ингерды Хоффман. Алиби полностью подтвердилось. Не отпущен, переквалифицирован по обвинению в нанесении побоев, а также удержании против воли Ингерды Хоффман в период с третьего по пятое апреля.

К двенадцатому апреля единственным реальным подозреваемым оставался Лоренц Шлиттенбауэр. Против него

⁷ Национал-социалистическая Немецкая рабочая партия (нем. *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei* (NSDAP); сокр. НСДАП.

было: отсутствие подтвержденного алиби, явный мотив и свидетельские показания Георга Зигля. За него: тесное сотрудничество со следствием, правдивость при даче показаний, положительная характеристика от соседей и несоответствие антропометрическим данным предполагаемого убийцы (Шлиттенбауэр был правой).

Отчеты за следующие три недели не имели особой ценности. Как и за следующие три месяца. Дело разваливалось. Убийца не взял ничего из вещей, поэтому отследить их перепродажу было нельзя. Не оставил очевидных следов, а те, что оставил давным-давно остыли. Главный подозреваемый был спокоен как слон и явно ничего не боялся. Опросы возможных свидетелей продолжались. Задержания разнообразных бродяг, нищих и отсидевших были продолжены, но все задержанные были от дела еще дальше, чем Ланге, Кройц и Мерловиц.

Убийца вошел, убил шестерых человек как овец на бойне, жил на ферме еще, как минимум, три дня, а после этого просто растаял в воздухе.

Когда в одной из записок Рейнгрубера была высказана мысль о том, что преступник мог быть не левой, а человеком с одинаково развитыми руками, стало ясно, что дело не раскрыть. Следственная группа распалась еще раньше – к осени 1922-го года.

После этого времени к делу была подшита газетная вырезка от двадцать третьего мая 1923-го года. В ней говори-

лось о том, что усадьба и все постройки снесены. «Что делает исследование места преступления бессмысленным» – добавил про себя Хольгер. Последними материалами в деле были показания ветеранов, описывавших гибель Карла Габриеля. Они были взяты в период с тринадцатого по семнадцатое марта 1925-го года. После этих показаний в деле была только резолюция полицейюберрата криминальной полиции Мюнхена Галтова о передаче дела в полицейский архив и серый картон внутренней стороны папки.

Чем больше Хольгер вникал в это дело, тем больше уважения он испытывал по отношению к Георгу Рейнгруберу. Детектив продолжил работать, даже когда стало понятно, что это «висяк» и, по-видимому, возвращался к делу несколько раз позднее. Разыскать Рейнгрубера было необходимо, если Вюнш хотел сдвинуться с места. Впрочем, планирование дальнейших действий без Майера было бессмысленным, а его все не было. Хольгер посмотрел на часы – было без пятнадцати минут три.

Глава 3

Разговоры и рассуждения

Не успел Хольгер оторвать взгляд от часов, как в дверь постучали. Вюнш закрыл папку с делом и перевернул ее задней стороной вверх.

– Войдите.

Дверь приоткрылась и в нее просунулась белокурая голова.

– Здравствуйте, вы – оберкомиссар Вюнш?

– Да, это я. А вы, видимо, Франц Майер.

Хольгер скорее утверждал, чем спрашивал. Дверь распахнулась, и взгляду Вюнша предстал молодой парень, одетый в серый пиджак и серые же брюки. Франц Майер был строен до худобы, имел аккуратные черты лица, длинный прямой нос, выраженные скулы. Светлые, почти белые волосы были тщательно причесаны. «Юный Зигфрид⁸» – подумал Вюнш. Единственным, что отличало внешность Франца от персонажей, изображаемых на пропагандистских плакатах НСДАП, были большие карие глаза за стеклами очков. Голос Майера, в противовес внешности, был низким:

– Можно сесть?

– Да, пожалуйста.

Сев, Франц то и дело бросал оценивающие взгляды на Хольгера и на кабинет. «Нервничает» – догадался Вюнш.

– Оберст Иберсбергер направил меня на расследование дела №44518. Он сказал, что этим делом занимаетесь вы, и что я могу найти вас здесь.

– Как не странно, он не соврал, – Хольгер попытался разрядить обстановку шуткой.

– Как поживает славный город Страсбург?

⁸ Зигфрид – один из главных персонажей «Песни о Нибелунгах» – основного эпического произведения германской культуры.

Вюнш пробовал наугад: выговор однозначно выдавал в Майере эльзасца, а манеры – городского жителя. Страсбург и Мюльхаузен были, по большому счету, единственными крупными городами в Эльзасе. Страсбург был больше, поэтому Хольгер сделал ставку на него. Шанс ошибиться был велик, но, в конце концов, Вюнш ничем не рисковал, а напряжение снять нужно было как можно быстрее.

– Неплохо... А как вы догадались, что я оттуда?

– Вы читали о методе дедукции, Франц?

Майер улыбнулся:

– Ааа, понял, вы по моему акценту догадались!

«Совсем мальчишка» – подумал Хольгер. Франц немного расслабился, и теперь можно было приступить к делам:

– Оберст рассказывал вам что-нибудь об этом деле?

– Да, предупредил, что дело старое и сложное.

– Это верно – дело старое и сложное. Откровенно говоря, для первого дела оно не слишком подходит, впрочем, когда-нибудь вам все равно придется столкнуться с чем-нибудь подобным.

Майер молча кивнул. Недавняя улыбка не оставила следа на его лице – теперь он был серьезен и сосредоточен. Вюнш продолжил:

– Я дело уже изучил и имею определенные соображения. Предлагаю такой план действий: я отдаю вам дело, – Хольгер подвинул папку к Майеру – вы изучаете его и составляете план расследования: найти... проверить... опросить... –

в таком духе, а завтра с утра мы встречаемся здесь и сверяем наши записи и соображения.

Майер вновь молча кивнул. «А еще меня молчуном считают» – усмехнулся про себя Хольгер, а вслух спросил:

– Вам выделили рабочий стол?

– Да, на третьем этаже, в пятьдесят шестом кабинете.

– Хорошо. Теперь еще один важный момент: есть ли у вас другие обязанности или вы освобождены только для этого расследования?

– Не знаю. Я здесь неделю только. До того как меня отпустили к вам, участвовал в задержании, двух обысках и нескольких допросах. Везде, в основном, молчал и слушал. Будут ли меня привлекать далее к подобной работе, я не знаю.

– Ну, тогда завтра, на утреннем собрании это станет ясно. В общем, задача вам ясна?

Франц снова кивнул, не сказав ни слова.

– Хорошо, тогда не задерживаю вас.

Майер встал и взял со стола папку. Хольгер протянул ему руку. Рукопожатие Франца, вопреки фигуре, оказалось сильным и уверенным.

– До завтра, Франц.

– До свидания, оберкомиссар Вюнш.

Хольгеру было немного совестно, что он отдал Майеру дело, не введя в курс. Для неопытного человека обстоятельства этого преступления могли стать шоком, но если Франц хо-

чет стать хорошим следователем, ему предстоит научиться справляться с подобными историями.

Все еще пребывая в размышлениях о своем новом коллеге, Вюнш достал из ящика стола потертый журнал в твердом переплете. Такие журналы часто использовались в качестве книг посетителей или гроссбухов. Хольгер не записывал туда своих посетителей и не подсчитывал смету – он использовал этот жургал для ведения рабочих записей о расследовании. Когда Вюнш заканчивал дело, он проводил жирную черту под написанным, отмечал результат, дату и переходил на следующую страницу. Хольгеру было необходимо вести записи для себя. Записи, которые не проходили бы через проверку чужим мнением и оставались бы просто его мыслями, выраженными на бумаге. Это составляло дополнительный труд, но помогало систематизировать то, что вертелось у него в голове. За шесть лет работы Хольгера следователем это была третья подобная книга, и она уже была заполнена наполовину.

Вюнш написал на новом развороте «Дело № 44518», ниже подписал для себя: «Массовое убийство в Кайфеке в 1922 году» и сегодняшнюю дату – 15 апреля 1933 года. «Почти ровно одиннадцать лет, странно, что я только сейчас обратил на это внимание» – Хольгера немного раздосадовало то, что он упустил это обстоятельство из виду.

Первое, что нужно было сделать теперь, когда Вюнш непосредственно приступил к делу – это составить примерный

план расследования, чтобы отталкиваться от него хотя бы на первых порах.

Итак, первое: нужно разыскать следователя Георга Рейнгрубера и других полицейских, участвовавших в расследовании, в том числе полицмейстеров, первыми прибывших на ферму вечером четвертого апреля. Задача эта представлялась весьма сложной, так как Рейнгрубера могло уже не быть в живых, а даже если он был жив, то вполне мог не помнить деталей расследования.

Не лучше дела обстояли и с другими сотрудниками полиции. В деле указывалось, что первыми на место преступления прибыли полицмейстеры Носке и Рауш из Ингольштадта. Хольгер не знал этих имен, что, впрочем, не было удивительным. Пятого апреля на ферму приехал оберкомиссар Рейнгрубер и еще несколько нижних чинов. Носке и Рауш, очевидно ночевавшие в Кайфеке, поступили в распоряжение Рейнгрубера и помогали ему проводить осмотр усадьбы и опрашивать местных жителей.

В следственную группу входили, помимо Рейнгрубера, комиссары⁹ Юнгер и Хольц, а также оберкомиссары Вебер и Шварценбаум. Дитриха Юнгера и Йозефа Шварценбаума Хольгер знал. Юнгер два года назад перевелся куда-то в Вестфалию – куда точно, Вюнш не помнил. Йозеф Шварценбаум же был заслуженным следователем и оказывал большую помощь Хольгеру в первые годы работы. В 1930-м его

⁹ Комиссар – средний чин в немецкой полиции. Следователь.

проводили на пенсию и, насколько было известно Вюншу, Шварценбаум до сих пор жил в Мюнхене.

Следующим пунктом плана стало нахождение медэксперта Аумюллера, проводившего вскрытие жертв. Сложность этой задачи заключалась в том же, что и в первом пункте. Однако Аумюллер мог запомнить детали, которые по каким-либо причинам не включил в свой отчет, да и его соображения по поводу убийства могли бы быть небезынтересны. Поиски юриста Нея, заверявшего заключение Аумюллера, казались Хольгеру пустой тратой времени и сил. Ней прибыл на ферму вместе с Аумюллером, но в тот же день уехал в Мюнхен, где и подписал через два дня отчет эксперта. Больше он в деле не фигурировал.

Следующее, что следует сделать – это обратиться в Баварское отделение Рейхсархива¹⁰ и найти все, что связано с фермой и Груберами. Если им с Майером повезет, удастся найти фотографии усадьбы и членов семьи. Отсутствие фотокарточек в деле изрядно удивило Хольгера. Он вполне мог понять, что четвертого апреля вечером у Носке и Рауша просто-напросто не было с собой фотоаппаратуры, но то обстоятельство, что в течение всего следствия не делалось фотографий тел и места преступления, вкупе с отсутствием описи предметов, оставляло Вюнша практически в неведении относительно обстановки в доме и на участке. К делу не

¹⁰ Рейхсархив (рус. Государственный архив). Немецкий государственный архив – центральный архив документов в Германии в 1919-1945 годах.

были подшиты даже схема дома и карта местности. Вюнш мог попытаться восстановить облик фермы и обстановки по словесным описаниям, но этого было решительно недостаточно для создания полной картины. Крайне неудачным обстоятельством явилось и то, что дом был снесен еще десять лет назад. Поэтому тяжелая и, возможно, бесплодная работа в архиве была необходима. «Скорее всего, именно этим на первых порах займется Франц. Вряд ли он будет этому рад...»

Пункт четвертый: посещение Кайфека и того места, где была ферма, а также повторные опросы местных жителей, в первую очередь Лоренца Шлиттенбауэра и священника, имя которого вылетело из головы Хольгера. Вюнш надеялся, что они оба или хотя бы кто-то один из них все еще проживают в поселке, а даже если это было не так, спрашивать об их дальнейшей судьбе нужно было там. Пусть фермы и не было больше, участок все равно имело смысл осмотреть, особенно если работа в архиве ничего не даст.

Хольгер отложил ручку, подумал минуту, глядя в исписанный лист, снова взял ручку и дописал пятый пункт: «Перепроверить судьбу Карла Габриеля – мужа Виктории». Эта задача представлялась Хольгеру наиболее простой. Было лишь два варианта подтвердить либо опровергнуть гибель Габриеля: первый (простой) – подать запрос в Народный союз Германии¹¹. Запрос от полиции должны обработать срав-

¹¹ Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями – немецкая

нительно быстро. Второй (более сложный) – взять показания у сослуживцев Габриеля и других свидетелей его смерти. Рейнгрубер уже озаботился этим в 1925-м году, поэтому к этому варианту Вюнш прибегать не планировал, кроме как в случае открытия новых обстоятельств, ставящих гибель Карла Габриеля под сомнение.

У Хольгера было еще несколько идей, но он пока не был готов включить их в план действий. Внимательно перечитав написанное, Вюнш обнаружил, что его план в значительной степени повторяет расследование следственной группы Рейнгрубера. Это было не удивительно. Тогда, в 1922-м году, группа провела тщательную работу, исследовала все видимые возможности, но потерпела неудачу. Теперь к факторам, которые затрудняли следствие, добавилось еще и неумолимое время, стирающее любые следы. У Хольгера были серьезные сомнения в успехе этого расследования, но он не собирался опускать руки раньше времени: «Делай, что должен...»

Вюнш устало потер глаза. Он и не заметил, как сгустились сумерки, и уже некоторое время работал впотьмах. На часах было почти ровно шесть.

Глава 4

гуманитарная общественная организация, которая была создана в 1919-м году. Задачей Народного союза является забота о захоронениях немецких солдат за пределами Германии, а также сбор данных о немецких воинских захоронениях за рубежом.

Вечер

В голове Хольгера поселилась боль. Усталость, работа при плохом освещении и весенняя лихорадка погоды сложились в отвратительную какофонию в его черепе. Сам Вюнш старался убедить себя, что дело в голоде, ведь последний раз он ел с утра. Хольгер убрал книгу обратно в ящик и оделся. Перед выходом он обернулся на свой кабинет. В нем все было так же как утром. Вюншу нравилось оставлять кабинет прибранным, эта привычка позволяла ему избегать замусоривания и захламления места, где он проводил значительную часть своей жизни.

Спускаясь по лестнице, Хольгер в очередной уже раз удивился тому, какие изящные черты интерьера и детали оформления имело внутри здание, столь серое и мрачное снаружи. Вюнш подошел к стойке, за которой сидел Пауль, чтобы расписаться в книге посещений. Пауль, как это часто бывало, начинал задремывать к концу своей смены. Скоро на этот пост придет Вилли Штрунц – полная противоположность сухонького и благообразного Пауля. Перекинувшись парой фраз со встретившимися коллегами, Хольгер вышел на промозглую улицу.

В десяти минутах ходьбы от Управления находилось совершенно обаятельное заведение, где Вюнша уже ждали кружка темного пива и свиные ребрышки с вареным картофелем.

Он подошел к красивому зданию в национальном баварском стиле. На старомодной вывеске над дверями было изображено ружье, под которым располагалось название: «У охотника». Пройдя через двойные двери, Хольгер попал в освещенный, просторный зал.

– Добрый вечер, господин Вюнш. Как ваши дела? Вам сегодня как обычно?

– Добрый вечер, господин Харрер. Бывает лучше, бывает хуже... Нет, сегодня я буду свиные ребрышки – я в прошлый раз в них просто влюбился! И, господин Харрер, не могли бы вы дать мне таблетку аспирина?

– Хорошо, господин Вюнш. Ваш любимый столик свободен.

– Спасибо, господин Харрер.

Как всегда, господин Харрер, каким-то одному ему известным способом, определял приближение постоянных клиентов и шел встречать их к входу в свою пивную.

Харрер действительно раньше был охотником. Высоченный, немного нескладный шваб стрелял себе дичь и не о чем не волновался. В Войну служил в егерских войсках в Восточной Пруссии, но уже в августе 14-го года под Танненбергом русский казак перебил ему ногу саблей. Ногу спасти удалось, но из-за сильной хромоты Харрера комиссовали. Хромой Харрер попытался вернуться к своему ремеслу, да только в лес далеко с больной ногой не уйдешь. Поэтому он перебрался в Мюнхен и успел скопленные от продажи шкур

деньги вложить в покупку пивной до того, как на банкнотах начали словами прописывать миллиардные номиналы¹². Через несколько лет Харрер женился на офицерской вдове. С тех пор о его охотничьем прошлом напоминало только ружье над барной стойкой.

Впрочем, пусть Харрер и был владельцем пивной, дела вела его жена – фрау¹³ Марта. Вюнша здесь особенно привечали после того, как три года назад он, по просьбе фрау Марты, немного потолковал с одним бухгалтеришкой, которому Харрер доверился еще при покупке пивной. Тот захотел наложить лапу на часть доходов и предъявил Харреру документы, якобы подписанные им, по которым этому бухгалтеришке отходила половина прав на пивную. Разговор, в ходе которого Хольгер рассказал незадачливому мошеннику, что подделка документов является серьезным преступлением, наказанием за которое может быть даже нечто худшее, чем просто тюремное заключение, убедил того, что лучше уползти обратно в свою нору.

Была и еще одна причина, по которой Вюнш приходил сюда ужинать едва ли не каждый день: здесь никогда не было политических митингов и разборок. Близость полицейского управления отпугивала даже национал-социалистов, ко-

¹² Во время гиперинфляции в 1919-1923-м годах в Германии на банкнотах достоинством свыше одного миллиарда марок номинал обозначали не в цифрах, а прописью. Например: «десять миллиардов марок».

¹³ Фрау – обращение к замужней женщине. В повседневной жизни, обычно, обращение к любой женщине средних лет и старше.

которые уже многие мюнхенские пивные превратили в трибуны для своих митингов и съездов.

Помимо всего прочего, здесь было отличное пиво и великолепная кухня, что не могло не радовать неженатого Хольгера.

Любимое место Вюнша находилось справа от входа, в углу между окном и стеной. Хольгер просил и Харрера, и фрау Марту не держать для него столик специально, но они, судя по всему, все равно это делали, потому что он не мог вспомнить случая, чтобы вечером этот столик был занят.

В зале было мало посетителей. Люди еще только начинали подтягиваться с работы, но скоро пивная должна была заполниться. Хольгер любил порой откинуться на спинку стула и посматривать на людей в зале и за окном. Когда он пребывал в подобном настроении, то мог сидеть часами и понемногу напиваться.

Харрер принес стакан воды и таблетку аспирина на отдельном блюде.

– Спасибо большое.

– Тяжелый день, господин Вюнш?

– Не без этого. – Вюнш выпил таблетку и выдавил из себя улыбку.

– Тогда, может, кружечку светлого до ужина, господин Вюнш?

– Я сопротивлялся изо всех сил, но вы убедили меня, господин Харрер. Несите вашу кружечку.

И кружка светлого, и отменные ребрышки, и последовавшая за ними кружка темного вернули Вюншу хорошее самочувствие и настроение. Он на время выкинул из головы дело №44518 и просто наслаждался жизнью. В такие моменты легкого опьянения и сытости весь мир казался Хольгеру гигантским куском янтаря, в который он вглядывается, рассматривая каждую трещинку, каждую ямку и бугорок и все они по-своему прекрасны, и – абсолютно точно – неповторимы. За окном шел дождь. «Когда я пойду домой, мне будет мокро, холодно и противно... зато сейчас мне здесь тепло, сухо и очень красиво...»

Хольгер выдернул себя из умиротворенного созерцания и посмотрел на часы – было восемь. Пора было собираться домой. Как бы не было здорово сидеть в «Охотнике» и пить пиво, завтра ему нужно было быть со свежей головой и с острым восприятием.

Хольгер бросил еще один взгляд в окно и вдруг увидел идущую под дождем девушку. Она была одета в теплое пальто, но с непокрытой головой, однако казалось, совсем не замечала дождя. Каштановые волосы совсем промокли, но девушку больше беспокоили листы бумаги, которые она пыталась защитить от воды. Листы выглядели размокшими, а попытки девушки безуспешными. На ее левой руке была красная повязка с изображением заключенной в белый круг черной свастики.

Вюнш узнал эту девушку – это была фройляйн Кренц, но-

вый секретарь Иберсбергера. Теперь, под дождем, он не дал бы ей больше девятнадцати лет. Она не посмотрела в окно, за которым сидел Хольгер. Девушка стремительным шагом прошла вдоль фасада пивной и вскоре скрылась в дождевом мороке, оставив лишь странное ощущение в душе Вюнша.

Вскоре и сам Хольгер оказался под дождем. Он жил в сорока минутах ходьбы от работы и в получасе от пивной. Несмотря на близость дома, за время пути Вюнш изрядно вымок. Зонтов он не любил, а пальто и фетровая шляпа с сильным дождем порой не справлялись.

Жил Хольгер в двухкомнатной квартире на первом этаже отдельно стоящего старинного дома. Первое время в Мюнхене Вюнш ютился у своего бывшего сослуживца – Детмара Эрлиха. Для трехкомнатного дома в пригороде семь душ были слишком тяжелым испытанием и как только у Хольгера появились деньги, он снял себе квартиру в городе, недалеко от работы. Домовладельца Вюнш видел раз в неделю по субботам, когда тот руководил уборкой квартир. Плата была высокой, но зато не нужно было ездить на работу каждый день на автомобиле.

Немного отдышавшись после прогулки под дождем и переодевшись, Хольгер включил радиоприемник, стоявший в гостиной – зазвучал романтический мотивчик, слишком приторный на вкус Вюнша. После этого он сел на скрипучий диван и, вытянув ноги на пуфик, принялся читать вечернюю газету. Дождь стучал по окнам, а в газете нельзя было разо-

братъ ни слова. «Все, больше ни одной строчки сегодня!» – пообещал себе Вюнш. Завтрашний день сменит сегодняшний чуть менее чем через три часа, но Хольгер не собирался ждать этой перемены.

Расслабленная песенка о юноше и цветке, росшем на горе, закончилась, и зазвучали аккорды, которые Вюнш узнал бы всегда. Его полусонное сознание уносилось этой музыкой по реке, наполненной воспоминаниями. После открывающего проигрыша зазвучали сильные мужские голоса:

*Deutschland, Deutschland über alles,¹⁴
über alles in der Welt,
wenn es stets zu Schutz und Trutze
brüderlich zusammenhält...*¹⁵

Перед внутренним взором Хольгера предстали уходящие из Берлина на запад эшелоны. Стояло лето, люди были одеты легко, у всех были флажки, все улыбались, женщины махали белоснежными платками. Они все смотрели на молодых мужчин, садившихся в поезда, и Хольгеру чудилось, что все они смотрят прямо на него. И вдруг где-то на перроне –

¹⁴ Песнь немцев. Одна из наиболее популярных патриотических песен Германии. Написана в 1841-м году. Гимн Германии с 1922-го года. В современной ФРГ государственным гимном является третья строфа Песни немцев. Ниже построчный перевод.

¹⁵ Германия, Германия превыше всего, Превыше всего в мире, Если она для защиты и отпора Всегда братски держится вместе...

он точно не видел где – заиграл настоящий оркестр и люди начали петь. Они пели о том, что Германия превыше всего и Хольгер тоже пел, и по его лицу текли слезы. Ему было девятнадцать, он очень мало знал о смерти и совсем ничего о жизни. А люди протягивали им через окна маленькие имперские флажки, какие-то свертки, открытки и цветы. Поезд тронулся, и фигуры людей слились друг с другом в черно-бело-красную полосу. Песня звучала вслед поезду, который увозил Хольгера и его полк в ад.

*Von der Maas bis an die Memel,
von der Etsch bis an den Belt,
Deutschland, Deutschland über alles,
über alles in der Welt!..*¹⁶

Четыре года страха, боли и смерти, сплавившихся в шлак. На пряжках ремней было написано: «С нами Бог», но Хольгер сомневался, что Богу было дело до Западного фронта.

К декабрю 14-го из его взвода на передовой остались восемь человек, а к следующему декабрю он перестал считать погибших, раненых, отравленных и пропавших. Боль от гибели товарищей нарастала, пока не становилась невыносимой, а после внезапно исчезала, оставляя зияющую, невосполнимую пустоту на месте сердца и души. Вскоре у них

¹⁶ От *Мааса* до *Мемеля*, От *Эча* до *Бельта*. Германия, Германия превыше всего, Превыше всего в мире!..

остались лишь холодный разум и инстинкты.

Хольгеру казалось, что во всей имперской армии он был единственным, кто ни разу не был серьезно ранен. Еще в 14-м в Бельгии толстая деревянная щепка оцарапала ему щеку. Пройди она чуть правее – и пробила бы его глупую голову насквозь, а так, просто оставила на левой щеке тонкий, длинный шрам. Фельдфебель¹⁷ Краузе мощным рывком оторвал Хольгера, готового обделаться от страха, от земли, встряхнул как следует, чтобы привести в себя и, мельком осмотрев царапину, проорал:

– Стоять, Счастливчик!

Хольгер хорошо запомнил этот момент. Через три дня очень похожая щепка воткнулась фельдфебелю Краузе точно в висок, убив его на месте. До конца Войны он будет в госпитале в качестве пациента еще только раз – в 16-м году на переформировании в тылу, с вросшим ногтем.

*Deutsche Frauen, deutsche Treue,
deutscher Wein und deutscher Sang
sollen in der Welt behalten
ihren alten schönen Klang,...*¹⁸

¹⁷ Фельдфебель – младший офицерский чин в немецкой армии, примерно соответствует нашему старшему сержанту

¹⁸ *Немецкие женщины, немецкая верность, Немецкое вино и немецкие песни - Да сохраняют они по всему миру Своё старое доброе имя,...*

Фронт исполинским зверем дернулся в последний раз в предсмертной агонии и рассыпался. Не было больше Германской империи, и имперской армии. Сколько радости было в поездах из Франции и Польши возвращавших солдат домой. Люди набивались в вагоны, ехали на крышах, свисали из окон – что угодно, лишь бы убраться с проклятой Войны.

Когда они вернулись, нигде не пели про то, что Германия превыше всего. Почти ничего не пели. Красные стреляли в фрайкор¹⁹, фрайкор вел себя в немецких городах как армия вторжения, а в Прибалтике замерзали, вцепившись зубами в землю, последние верные Германии войска, не желая признавать гибель Империи.

Тогда Хольгера, закончившего Войну с Железным крестом, и занесло ветром зимних дорог в Киль. Там ему довелось много общаться с моряками, которые пустили Флот открытого моря²⁰ на дно, но не сдали его англичанам. Слушая их рассказы, он жалел, что не оказался там в тот момент, чтобы уйти на дно вместе с последними осколками молодости. Вспомнилось Хольгеру и молочно-белое лицо Клары Мари-

¹⁹ Фрайкор – нерегулярные военные формирования, существовавшие в Германии на протяжении полутора веков с конца XVIII века. После Первой мировой войны комплектовались в основном демобилизованными солдатами и офицерами.

²⁰ Флот открытого моря – основные силы немецкого надводного ВМФ, которые в течение всей Войны были блокированы английским флотом. Большинство кораблей Флота открытого моря было пущено ко дну своими командами, чтобы избежать передачи кораблей англичанам.

енхофф и две недели между их первой встречей и ее смертью от испанского гриппа.

*uns zu edler Tat begeistern
unser ganzes Leben lang. —
Deutsche Frauen, deutsche Treue,
deutscher Wein und deutscher Sang!...*²¹

Ад Войны сменился чистилищем мира. Хольгер не был с красными, потому что они называли его милитаристом и убийцей. Не был он и с фрайкором, потому что они постоянно говорили об Империи, кайзере Вильгельме, реванше и возрождении старого мира. Вюнш хорошо помнил, что именно Империя швырнула его поколение в топку Войны, а открытку с портретом Вильгельма он достал из нагрудного кармана в тот самый момент, когда узнал, что кайзер предал народ, страну и армию, которым клялся в верности и бросил их на произвол истории. Но в Прибалтику Хольгер отправлял все крохи, которые не уходили у него на выживание. В 20-м году даже отправился туда добровольцем, но не успел – Балтийский ландесвер²² сдался – ветряные мельницы одер-

²¹ *Да будут они вдохновлять нас к благородству! всю жизнь нашу напролёт. Немецкие женщины, немецкая верность, Немецкое вино и немецкие песни!...*

²² Балтийский ландесвер – вооруженные формирования, созданные на основе нескольких полков бывшей Имперской армии, на территории Латвии, Литвы и Эстонии. Сражались за создание немецкого государства на территории компактного проживания немцев в Прибалтике.

жали победу.

После этого жизнь стала бесконечной чередой сражений за существование. Где-то весной 1921-го года Хольгер нашел первую после демобилизации постоянную работу. К этому времени Железный крест и потертая военная форма прочно стали показателями профнепригодности для, непонятно на чем разжиревших за годы Войны, фабричных магнатов. Однако Хольгеру удалось устроиться помощником мясника. Господин Шуленберг принял Вюнша на тяжелую и низкооплачиваемую работу, когда у Хольгера в кошеле лежала последняя бумажка.

Потом, когда деньги, выпущенные в начале месяца, к его концу не стоили и бумаги, на которой были напечатаны, и валялись на улицах, Хольгер имел хотя бы постоянный паек, причем мясной, и крышу над головой. «Ух... проклятая халупа» – содрогнулся он при воспоминании о той дыре. Так и прожил Вюнш до 1924-го года, пока Рурские шахтеры боролись с французской оккупацией, Капп пытался захватить Берлин, а нацисты шли на пулеметы в Мюнхене.

*Einigkeit und Recht und Freiheit
für das deutsche Vaterland!
Danach lasst uns alle streben
brüderlich mit Herz und Hand!...²³*

²³ *Единство и право и свобода Для немецкой Отчизны! Давайте все стремиться к этому Братски, сердцем и рукой!...*

А в 24-м Хольгеру повезло. Неожиданно и очень сильно, прямо как на фронте. Он встретил на улице гауптмана²⁴ Цорна. Когда гауптман, получивший у солдат за длинную шею и общий облик прозвище «Гусь», обратился к Вюншу, тот даже не сразу его узнал.

После Войны Цорн, как и многие, оказался на перепутье, но ему помогло то, что его брат работал в полиции в Касселе. «Во времена беспорядка, люди, поддерживающие порядок, в большой цене» – так объяснил Цорн Хольгеру свое решение стать полицейским. К 24-му году гауптман в отставке Цорн, дорос до звания оберкомиссара полиции Шлезвига-Гольштейна. «А ты хочешь снова послужить Германии, Счастливчик?» – спросил Цорн в дрянной пивной рядом с тогдашней берлогой Вюнша в тот же вечер. Хольгер очень хотел.

*Einigkeit und Recht und Freiheit
sind des Glückes Unterpfand;
blüh im Glanze dieses Glückes,
blühe, deutsches Vaterland!*²⁵

Через три года упорной работы он сдал экзамены на ко-

²⁴ Гауптман – офицерское звание в немецкой армии, примерно эквивалентно нашему капитану.

²⁵ *Единство и право и свобода — Это счастья залог. Процветай в блеске этого счастья, процветай, немецкая Отчизна!*

миссара и ушел с улиц. Сразу же после этого Хольгер перебрался из ветреного, прибрежного Киля в более теплую Баварию, в Мюнхен.

Последние шесть лет сливались у Вюнша в одно целое. Тяжелая, местами отвратительная работа, которая, наконец-то, достойно оплачивалась и давала ему то, чего он никогда во взрослой жизни не имел – благополучие. Были и свои трудности, например: полтора месяца назад преступник при задержании ударил Вюнша ножом в левое плечо, скорее всего, целил в сердце – не попал. Хольгеру пришлось долго потом объяснять перепуганному Ковачу и врачам, почему он смеется и никак не может перестать – Вюнш получил первое серьезное ранение в своей жизни.

«Песнь немцев» закончилась, а в голове Хольгера все крутилась последняя строчка «...*blühe, deutsches Vaterland*».

- Проклятый хитрец Калле! «А где ты был в 22-м году?» Вот поэтому он и начальник: один вопрос и теперь я голову себе разобью, лишь бы раскрыть это дело!

Из радиоприемника заиграла «Песня Хорста Весселя», написанная погибшим несколько лет назад штурмовиком, но Вюнш уже ее не слышал – он провалился в глубокий сон без сновидений.

Глава 5

Несколько первых шагов

Следующим утром Хольгер вошел в здание Управления, когда стрелки его часов показывали без пятнадцати минут восемь. Сегодня ему нужно было быть на общем брифинге, где Калле расскажет следователям криминальной полиции о происшествиях, новых делах и распределит их среди детективов. Но прежде чем отправиться на брифинг, Вюншу нужно было провести одну важную беседу.

– Пауль, а вы же здесь давно работаете...

– Так точно, с 1912-го года, оберкомиссар Вюнш.

Хольгер был изрядно удивлен этому обстоятельству. Он знал, что Пауль был такой же важной частью этого здания, как несущие стены и переборки, поддерживающие крышу, но не думал, что речь идет о столь давних временах. Впрочем, это было ему на руку.

– Тогда, вы, должно быть, помните следователя по имени Рейнгрубер?

– Конечно, помню, оберкомиссар Вюнш.

– Я сейчас работаю с одним делом и мне очень нужен господин Рейнгрубер для... консультации по этому делу. Вы не знаете, где я могу его найти?

– Всего с одним... – будто про себя протянул Пауль. – Простите, но где господин Рейнгрубер сейчас – я не знаю. Он ушел на пенсию в 26-м году ровно за год до вашего прихода, и больше я его не видел. Но, говоря откровенно, я бы не стал рассчитывать на консультацию господина Рейнгрубера, даже если вам удастся его найти.

– Отчего же, Пауль?

– Дело в том, что господин Рейнгрубер – как бы сказать? – ушел не в лучшей форме.

– Вы имеете в виду возраст?

Слышать, что возраст может быть оправданием для ухода на пенсию от Пауля, было не просто странно, а по-настоящему нелепо.

– Нет, господин Вюнш. Просто последние пару лет своей работы господин Рейнгрубер все время был возбужден и, как будто, не интересовался ничем, что происходило вокруг. Мне кажется, это и стало одной из причин его ухода.

Говоря эти слова, Пауль приблизился прямо к Хольгеру так, будто их кто-то мог услышать.

– Что же, очень жаль, но спасибо вам за помощь, Пауль. Позвольте воспользоваться вашей памятью еще раз: я хотел бы переговорить с детективами Вебером и Хольцом, может быть, вы и этих господ вспомните?

Пауль бросил быстрый взгляд на лицо Вюнша, будто подзревая того в чем-то, а после ответил:

– Господин Хольц проработал недолго. По-моему, около года, со второй половины 1921-го до конца 22-го года. Я слышал, что он вступил в НСДАП, но ничего конкретного сказать не могу. А вот господин Вебер работал в убой... простите, в криминальной полиции долго, еще до Войны пришел, потому что уже работал здесь при моем появлении. Правда, переговорить с ним у вас не получится потому, что он умер

в 1925-м году, зимой, кажется...

Хольгер чертыхнулся про себя. Все складывалось по худшему сценарию: Рейнгрубер ушел из-за нервных проблем, и, если и жив, то может оказаться не в состоянии помочь, Хольц непонятно где, как и Юнгер, а Вебер умер. Вся надежда теперь была на Йозефа Шварценбаума...

– А вы расследуете то ужасное убийство на ферме? Как же она называлась? Кайфек... кайфек... Хинтеркайфек! Верно?

Пауль выдернул Вюнша из размышлений своим вопросом.

– Нет, Пауль, что вы? На допросе подозреваемый в ограблении назвал их имена.

– Аaaa, понятно! Ну, тогда надеюсь, что смог помочь вам в расследовании, господин Вюнш.

Хольгер ни на йоту не верил, что Пауль проглотил историю о подозреваемом в ограблении.

– Да, конечно, спасибо вам, Пауль. Удачного вам дня!

– И вам, оберкомиссар Вюнш.

«Вот он Пауль: умный, хитрый, по косвенным вопросам вспомнил дело одиннадцатилетней давности» – Хольгер всегда догадывался, что под личиной рассеянного старичка скрывается человек большой наблюдательности и умственных способностей, собственно, именно поэтому Вюнш и завел с Паулем этот разговор. Мысленно он ему аплодировал.

Хольгер быстрым шагом поднялся по лестнице, буквально

чувствуя внимательный взгляд Пауля на своей спине. «Итак, теперь брифинг».

Брифинг обыкновенно происходил в большой аудитории на третьем этаже. Все следователи криминальной полиции не занимали и половины мест в этом просторном помещении и при Галтове брифинги проходили в более скромной комнате, располагавшейся дальше по коридору. Однако, одним из первых решений Карла-Хайнца Иберсбергера после «прихода к власти», еще когда он был только исполняющим обязанности, было перенесение брифингов и совещаний в эту, зимой очень плохо протапливаемую, аудиторию.

До начала совещания было еще десять минут, и Хольгер с удовольствием пообщался с коллегами. Были вопросы относительно ранения, но не очень много. И на этом фронте Вюнш считался счастливчиком. Только за те шесть лет, что Хольгер проработал в Баварии, погибли двое его коллег, еще один ушел на пенсию инвалидом, а счет огнестрельных, колотых, резаных и прочих ран шел на десятки, и лишь у Хольгера – судьбе назло – ничего.

После того злополучного ранения серьезно переживал Рудольф Ковач, который вбил себе в голову, что был виноват в том, что не предугадал действий сумасшедшего, бросившегося с ножом на двух вооруженных полицейских. Однако несколько пивных вечеров вернули гармонию в сработанный тандем – Вюнш и Руди Ковач работали вместе уже два года.

Больше всего разговоров, как, наверное, и во всей Герма-

нии, было про Ван дер Люббе²⁶ – тот то ли сдал тех трех болгар, то ли, наоборот, брал всю вину в поджоге Рейхстага на себя. «Ага, полуслепой... Забрался в Рейхстаг и поджег его с помощью своего же пиджака» – версия о том, что Ван дер Люббе был один, не находила поддержки у многих. Не проясняло ситуацию и то, что с этим делом сразу очень плотно работали новые власти. Первыми задержали Ван дер Люббе штурмовики, допросы проводил лично Геринг, а газеты строили воздушные замки.

Майер тоже был здесь. Хольгер поздоровался с ним, но не стал спрашивать про дело.

В комнату вошел Калле. Все разговоры сразу стихли. Несмотря на то, что отношения оберста со многими опытными полицейскими могли показаться панибратскими, субординация в рабочих моментах была абсолютной. Даже Галтов – настоящий имперский чиновник, к концу своего руководства начал позволять некоторые вольности, вроде опоздания на совещание на пару минут или курения. Настоящий солдат – Иберсбергер прекрасно понимал, что он по-прежнему на поле боя, а значит, несмотря на дружеские отношения со многими своими подчиненными, приказы должны исполняться беспрекословно. Калле встал за кафедру, на которой было неизвестной рукой написано белой краской число 713,

²⁶ Маринус Ван дер Люббе – обвинялся в поджоге здания Рейхстага, который привел к передаче рейхсканцлеру Гитлеру чрезвычайных полномочий. Осужден и казнен. Амнистирован в 2008 году.

и начал свою ежедневную речь:

– Доброе утро, господа. Сегодняшняя ночь оставила нам шесть трупов и двенадцать ограблений. Помимо этого, поданы два заявления о призывах к государственному перевороту – это по той директиве, которую ввели после поджога Рейхстага. Могу вас поздравить: дела об антигосударственной деятельности у нас скоро заберут. Власти создают какой-то новый орган – в проекте называется «тайная государственная полиция», сокращенно «ГЕСТАПО»²⁷, однако, когда мы сможем передать им все эти дела против коммунистов – сказать не могу, пока работайте...

«Двадцать новых заявлений за ночь – Мюнхен, ты ли это!» – столь малое количество происшествий было весьма удивительно для Вюнша.

После этого началось распределение новых дел и указания относительно сроков расследования нынешних.

– ... Майер, поможешь Рольфу. Ночью задержали австрийца. С той стороны обвиняется в убийстве. Нужно провести допрос. После того, как закончите, освобождаешься от всех дел и переходишь к работе над делом № 44518.

Хольгер вновь был удивлен – на «висяк» 1922-го года бросили не одного, а сразу двух освобожденных следователей, правда, один из них был салагой. «Скорее всего, Калле спустили сверху приказ освободить для этого дела двоих, и он просто решает эту задачу с наименьшими потерями...»

²⁷ Тайная государственная полиция (нем. **GE**heime **STA**ats**POL**izei).

–... Вюнш, работаешь над № 44518. Ты – главный следователь по этому делу. Отчеты мне на стол каждую пятницу.

«Это я уже слышал...»

После брифинга Вюнш подошел к Майеру и успел ему сказать, чтобы тот после допроса искал его в кабинете.

Спустившись в свой кабинет, Хольгер вновь раскрыл объемистую записную книгу и записал на полях мелким шрифтом: «мощная поддержка сверху – кто?». Кто мог сразу двух следователей отправить расследовать дело, которое уже давно мертвым грузом лежало в архиве? Кто имел для этого достаточно сил и, самое главное, зачем тот, кто эти силы все же имел, тратил их на расследование убийства в Хинтеркайфеге? Ответа на эти вопросы Вюнш не имел.

После этого Хольгер переписал свой план следствия на отдельный лист бумаги (возможно, план придется отдать Майеру), а кроме того, Вюнш не хотел выносить свою книгу для записей лишней раз из Управления, а общаться с Францем, возможно, придется вне пределов этого здания. Теперь, наконец, можно было начинать работать.

Отдел кадров Баварской полиции располагался на первом этаже здания Управления по левой стороне от главной лестницы. От центрального входа небольшую дверь со стеклянной вставкой – одну из немногих таких во всем Управлении – было почти не видно. Насколько знал Вюнш, в отделе кадров служили всего четыре или пять чиновников. Подойдя к двери, он через стекло увидел, что в просторном, но темном

помещении был лишь один человек. Вюнш постучал и, дождавшись утвердительного кивка, вошел в комнату. Целью Хольгера в отделе кадров был архив сотрудников полиции, который охватывал период с прошлого века и до сегодняшнего дня.

– Здравствуйте, я оберкомиссар Вюнш из криминальной полиции.

Хольгер показал свои документы.

– Мне нужна информация о некоторых полицейских, служивших здесь ранее. Вы можете мне помочь?

Немного растрепанный человек в очках посмотрел на Вюнша, будто не понимая значения сказанных им слов. Через пару секунд взгляд прояснился и он сказал:

– Да, пожалуй, могу. Присаживайтесь, оберкомиссар Вюнш. Кто конкретно вам нужен?

– В середине 20-х годов в криминальной полиции работал детектив Георг Рейнгрубер. Насколько я знаю, он ушел в 26-м году по возрасту.

На заваленном листами, папками и записками столе чиновник, судя по табличке – его звали Ханс-Георг Либуда – нашел какой-то обрывок и начал записывать. Хольгер продолжил:

– Так же меня интересуют господа Юнгер, Хольц и Вебер. Они тоже ранее работали в криминальной полиции. Дитрих Юнгер перевелся в 31-м году. Имен господ Хольца и Вебера я не знаю. Все, что мне известно – это, что господин Хольц

проработал недолго в 21-м – 22-м годах, а господин Вебер работал в Баварской полиции еще до Войны и умер в 25-м году. Кроме того, в начале 1920-х годов Баварская полиция сотрудничала с судебным медицинским экспертом Стефаном Баптистом Аумюллером – меня интересует его адрес, если это возможно. И еще – тогда же в Ингольштадте служили двое полицмейстеров, Носке и Рауш, их личные дела тоже были бы очень полезны.

Адрес Йозефа Шварценбаума Вюнш знал и так.

– Хорошо. Однако по какой причине вы запрашиваете информацию об этих людях?

– Расследование преступления.

– Номер дела?

– 44518.

«Видимо, так просто доступ к архиву отдела кадров мне не предоставят» — Хольгер ожидал такого поворота. Либуда подошел к большому стеллажу, заставленному толстенными книгами. Взяв одну из них, он вернулся за стол.

– Хорошо, оберкомиссар Вюнш. Распишитесь здесь.

Вюнш взял у чиновника перьевую ручку и расписался в указанной колонке. После этого свою подпись оставил Либуда. Закрыв книгу, он отнес ее обратно на стеллаж и, обернувшись к Хольгеру, сказал:

– Вам придется подождать некоторое время.

После этого чиновник подошел к небольшой дверце, которую Вюнш заметил далеко не сразу как вошел, и скрылся

за ней.

«Проверка на качество работы отдела кадров – если архив в порядке, то поиск займет немного времени, нужно будет лишь пройтись по алфавиту, а вот если дела не сортируются, то у господина Либуды будет тяжелый день». Информация о полицейских должна была найтись обязательно, в том числе и о Носке с Раушем, а вот об Аумюллере могло ничего и не быть.

Шли минуты. Хольгер не знал, куда себя деть и от скуки стучал пальцами по столу, пытаясь наиграть «Лунную» сонату Бетховена – получалось не убедительно. Минут через двадцать дверца отворилась, и Либуда вошел, держа в руках стопку папок.

– Поработать с ними в моем рабочем кабинете вы, конечно, не разрешите?

– Сожалею, оберкомиссар Вюнш, но таков порядок.

– Понимаю. А место вы можете мне выделить?

Либуда показал Хольгеру на чистый стол без таблички. «Скорее всего, специально для таких случаев» – предположил Вюнш.

– Хорошо, я схожу за своей записной книгой и минут через пять вернусь.

Хольгер вновь зашел в свой кабинет, забрал книгу и набросал записку Майеру о том, что его можно найти в отделе кадров. Работа с личными делами могла занять много времени, а Хольгер не хотел разминуться с Францем. Вюнш запер

кабинет. Подсунул записку между дверью и косяком, мимоходом глянув на часы. Была половина одиннадцатого.

Глава 6

Старые полицейские

Хольгер вернулся в отдел кадров, кивнул Либуде и сел за свободный стол. Для начала он осмотрел все, что передал ему чиновник. Шесть личных дел – как и рассчитывал Хольгер, дела Рейнгрубера, Юнгера, Хольца, Вебера, Носке и Рауша лежали перед ним. Помимо этого Либуда передал толстенную папку, надпись на которой гласила: «Привлеченные к расследованию сторонние специалисты. 1920-1930 годы». «Очевидно, здесь нужно искать Аумюллера» – сделал вывод Вюнш.

Хольгер открыл личное дело Георга Рейнгрубера. С фотокарточки на него смотрел седой мужчина с массивной головой, густыми бровями и суровым лицом, которое даже пенсне не делало мягче. «Георг Клаус Рейнгрубер. Год рождения – 1866.» – прочитал Вюнш под фотокарточкой.

Из дела следовало, что Георг Рейнгрубер закончил Дрезденский университет по специальности «право» в 1893-м году. Работал детективом по экономическим преступлениям в полиции Саксонии в 1897-1905-м годах. После этого перешел в криминальную полицию Саксонии, где служил до 1916-го года. С 16-го по 26-й служил в Баварии детективом

криминальной полиции в звании оберкомиссара. Женат. С 1926-го года на пенсии.

Рейнгрубер был хорошим следователем – имел много поощрений от начальства и в Саксонии, и в Баварии, медали по выслуге, но до руководящих постов не дорос. В краткой характеристике были выделены такие черты оберкомиссара Рейнгрубера как: работоспособность, исполнительность, твердость характера, личная смелость, а также вспыльчивость и самоуверенность. В целом характеристика была положительной.

В медицинском листе внимание Хольгера привлекли пометки об огнестрельных ранениях в 1907-м и 1918-м годах.

В дисциплинарном листе было три записи: первая, от семнадцатого мая 1899-го года, гласила о том, что комиссар Рейнгрубер нанес телесные повреждения подозреваемому Себастьяну Трещу, за что подвергнут общественному порицанию, однако об удержании зарплаты или понижении в звании ничего не было. Видимо, дело замяли.

Две других записи относились к 24-му и 26-му годам. В 1924-м Рейнгрубер во время допроса набросился на подозреваемого с кулаками. После этого он был отстранен от дел на месяц с удержанием зарплаты. В 1926-м году Рейнгрубер установил слежку за неким Клаусом Дреммлером. Дреммлер не фигурировал в деле, которым тогда занимался Рейнгрубер, кроме того, не было получено разрешение полицей-оберрата Галтова на слежку. Рейнгрубера отстранили и заве-

ли на него дело о превышении полномочий, но вскоре дело было закрыто.

Через месяц после этого инцидента Георг Рейнгрубер подал в отставку. На ноябрь 1926-го года проживал по адресу: Перманедерштрассе, дом шестнадцать.

Вюнш закрыл папку и откинулся на спинку стула. «Отличный полицейский. Его уважали сослуживцы, любило начальство. Убийство в Хинтеркайфеке, судя по его личному делу, не стало заметной отметиной в его судьбе».

Единственное, что бросало тень на репутацию Георга Рейнгрубера, это странные дисциплинарные проблемы в последние годы службы. Если ситуация с избиением подозреваемого не была такой уж редкостью – срывались порой даже самые выдержанные и опытные полицейские, то превышение полномочий, да еще и в отношении человека, не проходящего по делу – это вполне могло закончиться увольнением, а то и сроком. По-видимому, историю не стали раздувать и отправили Рейнгрубера на пенсию.

Но главным в личном деле Рейнгрубера для Хольгера было указание адреса бывшего следователя. Теперь, пускай этот адрес и мог быть весьма устаревшим, у Вюнша хотя бы было с чего начинать поиски.

Хольгер хотел было закурить, но наткнулся на предупреждающий взгляд Либуды и засунул пачку папирос обратно в карман. Многие в последнее время отрицательно относились к курению в помещении. Судя по всему, источником

этой моды был Адольф Гитлер – лидер НСДАП и новый государственный канцлер, который, по слухам, не терпел запаха дыма и боролся с табакокурением в своем окружении.

Хольгер успел протянуть руку к делу Мартина Вебера, когда в дверь постучали. Через стекло Вюнш увидел Франца Майера. Либуда разрешил тому войти.

– Господин Либуда, это мой коллега Франц Майер, он работает над тем же делом. Разрешите ему присоединиться к моим изысканиям?

– Да, оберкомиссар Вюнш. Только попрошу вас отметить-ся, господин Майер.

Пока Либуда и Франц занимались бюрократическими процедурами, Хольгер задал мучивший его уже больше часа вопрос:

– Господин Либуда, а где ваши коллеги?

– Из Рейхсархива пришел запрос. В их умные головы кто-то вложил идею составить родословные граждан. Какая-то новая программа национал-социалистической партии. Пока только у нас в Баварии этим занимаются. Да вот только людей в Баварском отделении архива столько нет, чтобы подобные объемы документов быстро обработать, поэтому запрашивают кадровиков и архивных работников со всех государственных учреждений от библиотек до отдела кадров Полицейского управления. Ума не приложу – зачем это надо? И ведь приказ идет по линии МВД, а не от самого архива, так что не отвертись. Поэтому, пока эта история не закончит-

ся, работаем в отделе кадров посменно.

Хольгер кивнул в знак понимания проблем чиновника и обратился к подошедшему Майеру:

– Подключайтесь, Франц. У меня здесь личные дела полицейских, участвовавших в расследовании. Рейнгрубера я уже отсмотрел. Берите дело и обращайтесь внимание на странности. Особое внимание адресам. У вас есть на чем писать?

Майер утвердительно кивнул и достал из внутреннего кармана пиджака небольшую записную книжку.

– Хорошо, тогда приступайте.

«Итак...» – вновь концентрируясь на работе, проговорил про себя Хольгер – «...Мартин Вебер 1863-го года рождения. Место рождения: Нюрнберг».

С Вебером было проще всего. Как и говорил Пауль, Мартин Вебер работал в криминальной полиции Баварии с 1895-го года по 1923-й. Высшего образования не имел, прошел курсы подготовки на комиссара после пяти лет службы в нижних чинах в 1890-1895-м годах здесь же, в Мюнхене. Был заслуженным полицейским, характеризовался положительно.

Умер в ноябре 25-го года в Мюнхене. Копия свидетельства о смерти была подшита к медицинскому листу. Причина смерти – остановка сердца. К тому моменту он уже больше двух лет был на пенсии. Досадно, что в данном случае память Пауля не подвела. Мартин Вебер был тупиком для Вюнша.

Следующим на очереди был Дитрих Юнгер. Хольгер знал Дитера²⁸ лично.

Юнгер был неплохим полицейским, но недостаточно хладнокровным и уравновешенным, на взгляд Вюнша. Дитер был вспыльчив и порой не мог контролировать свой гнев, а это для человека, каждый день сталкивающегося с отбросами жизни, было крайне неудобной чертой.

Зато он был смелым – когда Хольгер пришел в 1927-м году, по Управлению все еще ходили легенды о том, как Юнгер в одиночку задержал двух и застрелил еще одного головореза из банды, на счету которой было восемь убийств.

Тем не менее, тяжелый характер приводил Дитера к постоянным проблемам в работе и конфликтам с коллегами. В итоге он попросил о переводе.

На фотокарточке Хольгер вновь увидел начавшие забываться черты: широкий лоб, аккуратно причесанные черные волосы, длинное лицо, тонкие усики, за которые Юнгеру дали прозвище «Итальянец» (он, почему-то, очень обижался).

Дитрих Александр Юнгер 1895-го года рождения. Уроженец Дортмунда. Награжден: Железным крестом 2-го класса в 14-м году и 1-го класса в 1915-м. Комиссован в начале 16-го года после контузии. «Никому ведь не рассказывал об этом» – вдруг подумал Хольгер. Он не был близким другом Юнгера, но общался с ним довольно свободно, и Дитер ни разу за все время их знакомства не рассказывал о своем уча-

²⁸ Дитер – сокращенная форма имени Дитрих.

стии в Войне и Железный крест никогда не носил. Контузия вполне могла объяснить вспышки ярости Юнгера, если бы он удосужился хоть кому-нибудь о ней сказать.

В полиции Дитер работал с 1917-го года, в 19-м получил звание комиссара. В 1931-м году перевелся в Восточную Пруссию в Кенигсберг. «А мне почему-то запомнилось, что в Вестфалию...» В деле значилось, что Юнгер был женат, но о его жене Вюнш тоже ничего не знал.

Когда Хольгер открыл следующую страницу, он заскрипел зубами так сильно, что Франц услышал это, отвлекся от работы и, не сказав ни слова, пристально посмотрел на него.

– Бывший коллега умер, а я и не знал... – выдавил Хольгер из себя объяснение.

Франц вернулся к работе, к счастью, не став задавать вопросы, а Вюнш еще некоторое время смотрел перед собой, прежде чем вернулся к личному делу Юнгера.

К делу была подшита копия наградного листа, в котором говорилось, что двадцать пятого августа 1931-го года комиссар Дитрих Юнгер погиб при исполнении служебных обязанностей. Как потом прочитает в копии заключения о смерти Хольгер – смерть наступила после попадания в тело пяти пуль типа 7,63×25мм Маузер. Два попадания были смертельными.

Далее было что-то по поводу повышенного пенсионера для его вдовы, но Вюнш в этот момент думал о том, что никто в Управлении, за возможным исключением Калле, не знает

о смерти Юнгера. Хольгер тут же одернул себя и продолжил работать. Так или иначе, Дитер Юнгер тоже был тупиком.

Майер тем временем отложил дело Ганса Носке и принялся за Вольфрама Хольца. Вюнш подвинул к себе личное дело Иоахима Рауша.

Рауш имел широкое крестьянское лицо. Короткие светлые волосы и маленькие глаза дополняли образ типичного зажиточного фермера средних лет. Рауш родился в 1888-м году в Хинтерлофаге-на-Дилле в Гессене: – «значит, действительно из крестьян».

Служил на Восточном фронте в войсках снабжения, имел поощрительные грамоты, боевых наград не имел. С 18-го года и до сего дня служил полицмейстером в Ингольштадте. «Наконец-то, хоть в чем-то повезло». Характеризовался хорошо: исполнительный, трудолюбивый, надежный. Судя по всему, Рауш занимал свое место и выше лезть не собирался, так как за годы работы не получил повышения даже до обермейстера²⁹. Ранений при исполнении не получал, награждался по выслуге лет.

К этому моменту Йозеф Шварценбаум и Иоахим Рауш были единственными живыми людьми, связанными с делом, местоположение и статус которых были точно установлены. Теперь необходимо было найти Аумюллера. Отдел кадров

²⁹ Обермейстер – один из нижних чинов в немецкой полиции. Выше полицмейстера, но ниже комиссара. Обермейстерами обычно являются командиры специальных групп, начальники участков и постов полиции.

Полицейского управления не вел отдельных дел на привлеченных к расследованию консультантов, однако держал информацию о них на типовых карточках. На такой карте указывалось имя, адрес на момент привлечения к расследованию, род деятельности и номера дел, в расследовании которых участвовал данный консультант. «И на том спасибо» – подумал Хольгер, он изрядно опасался, что данные о привлеченных специалистах просто-напросто не хранятся.

Карточки, вопреки надписи на папке, были рассортированы не по годам, а по алфавиту. Вскоре Вюнш извлек из папки карточку Стефана Аумюллера.

Аумюллер имел частную практику в Мюнхене и привлекался в качестве судебного медицинского эксперта к расследованию четырех дел, в том числе и дела № 44518. Хольгера настораживало то, что в последний раз Аумюллера привлекали к расследованию полиции еще в 26-м году. Адрес, оставленный им, давно мог устареть. Тем не менее, посетить ПринцЛюдвигштрассе дом три, где в 1926-м году проживал доктор Аумюллер, имело смысл.

У Вюнша затекла спина и ужасно хотелось курить. Результаты были весьма противоречивы, их нужно было обдумать и обсудить с Майером, а Дитер Юнгер еще явится Хольгеру в ночных кошмарах. Но сейчас Вюншу было на это все равно – все, что ему хотелось, это выйти на воздух, закурить, прогуляться к «Охотнику» и выпить кружку пива, а уже после этого думать о дальнейших действиях. Он сложил свои

записи, сдал дела господину Либуде и, сказав Францу, что будет ждать его у главного входа, покинул отдел кадров.

Глава 7

Идеи Майера

– Вы не голодны, Франц?

– Нет, оберкомиссар Вюнш, но я бы не отказался от чашки кофе.

– Хорошо, тогда предлагаю обсудить наши дела в «Охотнике». Это отличная пивная здесь неподалеку и кофе там тоже подают.

Хольгеру внезапно смертельно надоели кабинеты, аудитории и коридоры родного ведомства, поэтому отнеся записную книгу в кабинет, он снова вернулся на улицу. На предложение посетить пивную Майер ответил кивком, по обыкновению ничего не сказав. Дорога до заведения Харрера прошла в полном молчании. Вюнш был углублен в мысли о судьбах полицейских, расследовавших дело № 44518, Майер же просто был немногословен по характеру.

– Как ваш задержанный австриец? – спросил Хольгер, когда за его любимый столик, который, разумеется, был свободен, принесли кружку светлого пива и кофе, заказанный Майером. Франц, очевидно решив, что Вюнш проверяет его, решил выдать целый отчет:

– Зовут – Одило Голо... нет, Глобочник. 1904-го года

рождения. Гражданин Австрии. Задержан по запросу Австрийской полиции. Австрийцы подозревают его в убийстве ювелира в Вене. Утверждает, что невиновен и преследование австрийскими властями вызвано его политической позицией. Член НСДАП. По собственным словам, сторонник объединения Германии и Австрии...

– Очень хорошо, Франц.

Получилось немного более резко, чем хотел Хольгер, но австриец его волновал лишь в смысле поддержания разговора. Подробная биография господина Глобочника его не интересовала. Франц, казалось, все воспринимал как какой-то экзамен, а то, что строгий учитель прервал его ответ, несколько не задело Майера.

– Вы ознакомились с нашим делом, Франц?

– Да, ознакомился и составил план, о котором вы просили.

Майер полез во внутренний карман. «Очень хорошо, кадет Майер, за свой ответ вы получаете твердую единицу!³⁰». – Такое отношение Франца к работе пора было заканчивать:

– Нет, не доставайте. Этот план для вас. Лучше расскажите свои соображения по поводу этого дела.

Франц отхлебнул кофе, снял очки и, очевидно, собравшись с мыслями, начал:

³⁰ В Германии в образовании система выставления оценок в образовательных учреждениях имеет обратную зависимость, т. е. высшей оценкой является единица, а низшей – шестерка (в ВУЗах – пятерка).

– Убийца почти наверняка был один. Среднего роста, левша, физически сильный – это мы знаем из характера травм. Возможно военный или демобилизованный. Есть основания предполагать, что преступник лично знал кого-то из жертв. Мне кажется, в дом он попал с их ведома, или, по крайней мере, не случайно.

Преступление не было следствием вспышки гнева. Он планомерно заманивал жертв одну за другой в сарай, где наносил им однотипные удары. Бросается в глаза, что девочка и Виктория Габриель убиты с особой жестокостью, особенно девочка – это обстоятельство кажется мне очень важным, но я не могу сделать каких-либо конкретных выводов – слишком мало информации.

Скорее всего, девочка зашла в сарай последней или вместе с Викторией. Убийца не добил ее – она умерла от кровопотери. Возможно, он нанес девочке травмы и сразу после этого отправился в дом. В сарай он больше не возвращался, по крайней мере, в ночь убийства. Судя по всему, домработница и младенец в планы преступника не входили, и он не знал, что они будут в доме.

Возможно, убийца был истощен и нуждался в крыше над головой. Это идет вразрез с описанием преступника как человека физически сильного, но я не могу по-другому объяснить его пребывание в доме в течение еще трех дней после убийства.

Я думаю, что больше он не убивал и, если его не пойма-

ли по горячим следам, найти его сейчас будет очень трудно. Меня очень смутило отсутствие в деле фотографий дома и участка. Это может стать весьма значительной проблемой, особенно учитывая, что дом давно снесен. Не были сняты отпечатки пальцев – это странно и, опять же, является для нас серьезной проблемой.

В общем-то, это все. Вы уже нашли дела полицейских, работавших над делом и, значит, следующим шагом мне видится опрос тех из них, кого удастся найти. Далее – вполне возможно, что фотографии, если они все же были сделаны, хранятся в одном из архивов, правда, я плохо разбираюсь в формах организации архивов в Германии и не особенно представляю, с чего начинать.

Мне кажется, также, что имеет смысл перепроверить судьбу мужа Виктории, потому что если он вдруг не погиб в 1914-ом, то именно он становится нашим главным подозреваемым.

Кроме того, возможно, стоит привлечь к расследованию психиатра.

– Зачем?

Последнее предложение удивило Вюнша.

– Но ведь вероятность того, что преступник – душевнобольной человек, нельзя исключать, да и в целом... Консультация у психиатра поможет нам определить некоторые черты личности убийцы.

Идея была новой для Хольгера, но весьма неплохой. «На-

до будет выбить у Калле разрешение на привлечение психиатра консультантом по делу» – отметил для себя Вюнш.

В целом аналитическая работа юного Майера произвела на Хольгера хорошее впечатление. Иберсбергер не зря выдал парню щедрый аванс.

– Где вы учились, Франц?

У Вюнша больше не было сомнений, что Майер имел высшее образование, причем в области права.

– В Сорбонне, праву.

«Ничего себе! Да этот парень мог идти с таким образованием куда пожелает, а не только простым мюнхенским детективом. Кто же ты такой Франц Майер?» – подумал Хольгер, бросив на Майера внимательный взгляд. Тот, тем временем, невозмутимо пил кофе.

– Что же – хорошая работа, Франц. Идея с психиатром мне нравится, и я подам оберсту Иберсбергеру запрос на привлечение такого человека в качестве консультанта. Может быть, у вас есть кто-нибудь конкретный на примете, к кому можно обратиться?

– Нет, к сожалению, в Мюнхене нет.

– Ладно, тогда можно обратиться в одну из психиатрических лечебниц или к практикующему психоаналитику – в газетах наверняка есть много объявлений.

Франц молча кивнул, а Хольгер перевел разговор к результатам работы в отделе кадров:

– Я просмотрел дела Рейнгрубера, Рауша, Вебера и Юн-

гера. Двое последних мертвы. Рейнгрубер на пенсии с 26-го и, возможно, еще жив. В последние годы работы у него были определенные дисциплинарные проблемы, которые, скорее всего, и привели к его отставке. В 26-м году он жил на Перманедерштрассе, шестнадцать. Этот адрес нужно будет проверить. Рауш до сих пор работает в полиции и живет в Ингольштадте. К нему тоже придется съездить. Кроме того, я нашел адрес судмедэксперта Аумюллера, правда, тоже старый – от 26-го года. Его также желательно проверить. А что с личными делами Носке и Хольца?

– Носке ушел из полиции в 1929-м году. На тот момент жил в Ингольштадте по адресу: Шютцштрассе, восемь. Ничего необычного: ветеран Войны, в полиции служил с 20-го года, выше обермейстера не дослужился, характеризовался положительно, имеет ножевое ранение в живот, полученное при исполнении обязанностей в 1924-м.

«С 29-го прошло не так уж много времени – может статья, что он до сих пор там живет...» – Хольгер испытывал сдержанный оптимизм в отношении перспектив найти Носке.

– А Хольц?

– Согласно личному делу: Вольфрам Хольц был уволен из полиции в 1922-м году. Характеризовался отрицательно, с работой не справлялся. Есть пометка о членстве в НСДАП. По большому счету – это все. Адрес в 22-м году – Лайбахерштрассе, дом три.

– Да, негусто...

Франц кивнул, соглашаясь с оценкой Вюнша, а после спросил:

– А дела Йозефа Шварценбаума не было в отделе кадров?

– Наверняка было, просто я неплохо знаю Шварценбаума, а так же знаю, где он живет, поэтому не стал лишним раз утруждать господина Либуду. Кстати, именно с Шварценбаума я и предлагаю начать.

– Согласен, если вы точно знаете, где его можно найти.

– Хорошо. Значит, завтра мы должны будем переговорить с Шварценбаумом, а так же посетить адреса, указанные в личных делах Рейнгрубера, Аумюллера и Хольца.

– То есть, на сегодня я могу быть свободен?

– Да, я думаю, что на сегодня достаточно. Я планирую сразу поужинать, если хотите, можете составить мне компанию.

– Благодарю вас, оберкомиссар Вюнш, но я вынужден отказать. У меня были запланированы дела на вечер.

– Дела, так дела... Тогда завтра с утра жду вас у себя в кабинете. Да, и еще – прихватите, пожалуйста, с собой дело, Франц – пусть лежит у меня в столе.

Майер кивнул и начал собираться.

– Всего доброго, Франц.

– До свидания, оберкомиссар Вюнш.

Остаток вечера Хольгер провел в размышлениях. Как и следовало ожидать, за одиннадцать лет участников событий разбросало по жизни так, что теперь было трудно даже про-

сто установить статус некоторых из них. Йозеф Шварценбаум и Иоахим Рауш были единственными фигурами, на которых можно было пока опереться. Возможно, к ним добавятся Рейнгрубер, Аумюллер и Носке. В том, что Хольца удастся найти по адресу из личного дела, Вюнш сильно сомневался и, уж точно, на это не рассчитывал. Вебер и Юнгер тоже больше никому не могли помочь.

Хольгер постоянно возвращался мыслями к Юнгеру. Он дважды видел Дитера в переделке и тот оба раза вел себя очень рискованно и храбро. До глупости храбро, до отчаяния, будто искал пулю. Видимо, в конце концов, он ее нашел. Железный крест, контузия, жена – он не о чем никому не рассказывал. О его смерти тоже никто никому ничего не рассказал. Хольгер в очередной раз в своей жизни пил, вспоминая павшего товарища.

Занятый своими мыслями, Вюнш ни разу за вечер не посмотрел в окно и потому не увидел, как фройляйн Кренц быстрым шагом прошла вдоль пивной. В руках она, как и вчера, несла стопку каких-то листов.

Глава 8

Суша, море, трава и деревья

Хольгера мучили кошмары. Ему снилось будто он снова на Войне. Он был один в окопе. Туман окружал Вюнша и не позволял увидеть ничего дальше десяти метров. Он услышал

отдаленный звук офицерского свистка. Хорошо, что с ним был пулемет.

Хольгер встал за старый добрый MG08³¹. Сейчас он не отступит и не сдастся. Никто не нанесет ему удар ножом в спину. Нет никакого фронта и Франции нет. Нет полков и батальонов. И Людендорфа с Гинденбургом³² нет. Он открыл огонь. Лента не кончалась, ствол не грелся.

Через тридцать лет он оглох от звука работы пулемета. Через шестьдесят лет его ноги подкосились, и он оперся спиной о стену окопа. Из царапины на его левой щеке текла кровь. Вся одежда Вюнша пропиталась ею. Несколько тысячелетий Хольгер простоял, привалившись к грязной стене окопа. Небо падало на землю, а потом снова поднималось над землей.

Наконец, Вюнш нашел в себе силы выйти из окопа. Теперь была его очередь идти в атаку. Он шел через туман, вцепившись руками в свою верную винтовку, к которой у него совсем не было пуль.

Хольгер споткнулся обо что-то и едва смог устоять на ногах. Он посмотрел себе под ноги и увидел лицо фельдфебеля Краузе. Зеленые глаза фельдфебеля были широко открыты

³¹ MG08 – германский пулемет активно применявшийся Германской императорской армией в Первую мировую войну.

³² Пауль фон Гинденбург и Эрих фон Людендорф – начальник Генерального штаба Германской императорской армии в Первой мировой войне и, соответственно, его заместитель. Отвечали за планирование всех операций Германской армии с 1916-го года и до конца Войны.

и смотрели сквозь Вюнша. Из виска Краузе торчала толстая деревянная щепка, а грудь была прошита пулеметной очередью.

Хольгер шел вперед и видел их – десятки людей, сраженных пулеметным огнем. Вот Клара Мариенхофф – бледная, как сама смерть. Колючая проволока опутывала ее грудь и царапала руки, а из пулевых ран текла кровь. Недалеко от Клары было тело матери Вюнша – она лежала на животе, уткнувшись лицом в землю, но Хольгер сразу узнал ее. Дитер Юнгер, напротив, уставился в застланные туманом небеса, на его лице так и застыла озлобленная улыбка.

Вюнш шел среди них уже несколько лет, а они все не заканчивались. Он увидел маленькую девочку. Она была еще жива и зажимала маленькими ручками резаные раны на шее. Девочка смотрела на Хольгера с обидой всего мира в глазах.

«Этот ефрейтор... как же его фамилия? Он задохнулся прямо у меня на руках почти в самом конце Войны. Был ветреный день, но парень вытянул несчастливый билет – газовый снаряд разорвался прямо рядом с ним...» Хольгер видел под ногами бойца кровавые брызги от кашля, но он все еще был жив. Вдруг этот солдат, имени которого Вюнш не мог вспомнить, вскочил и бросился на него. Хольгер колот его штыком, бил прикладом и руками. Отравленный навалился на него сверху и начал душить. Он продолжал кашлять кровью и эта кровь покрывала все лицо Вюнша, а кровь из пулевых ранений лилась на одежду Хольгера, смешиваясь с его

собственной кровью. «Как же его фамилия?» Жизнь покидала Вюнша, и он уже не сопротивлялся этому. Его глаза закрылись...

Наутро у Хольгера ужасно болела голова. Сознание милосердно стерло сон из его памяти, но обрывки и ощущения кошмара все еще витали рядом с его головой.

Душ и утренняя яичница немного разогнали черную тревогу в душе Вюнша. С каждым мгновением в него возвращалось настоящее, вытесняя прошлое в дальний уголок разума до следующего кошмарного сна. Хольгер старался думать о работе – обычно это помогало.

Так как сегодня им с Майером предстояло много передвигаться по городу, Хольгер решил взять машину. Два года назад он купил себе Wanderer W10 – подержанный, но надежный. Водить Вюнш не очень любил, но при его работе нужно было много ездить, и тут личный автомобиль однозначно выигрывал у городских трамваев и пригородных поездов.

В Управлении со вчерашнего дня ничего не изменилось. В кабинете Хольгера тоже. Майера еще не было, однако в этом не было ничего удивительного, так как Вюнш, который больше ни минуты не мог провести дома, приехал на работу на полчаса раньше времени. «Что же, подождем». Хольгер закурил и прикрыл глаза... Папироса ожгла руки и выдернула его из дремоты. «Приди в себя!» – приказал себе Вюнш и чувствительно ущипнул себя за руку. Вскоре пришел Майер. Если на лице Хольгера и отражались последствия тяжелой

ночи, Майер никак это не прокомментировал.

– Вы захватили дело, Франц?

Майер кивнул и положил дело на стол, а Хольгер убрал его в верхний ящик.

– Готовы ехать?

– Да. А далеко живет господин Шварценбаум?

Йозеф Шварценбаум жил на одной из окраин Мюнхена.

– На Агриколаштрассе, это примерно в часе езды.

За все время пути ни один из них не проронил ни слова.

Йозеф Шварценбаум был отцом большого семейства.

Старый ашкеназ³³ – Шварценбаум не отрывался от своих корней, в то же время, в отличие от многих других евреев, активно участвовал в судьбе страны, в которой жил. Этому же он научил своих детей, которых у него насчитывалось пятеро. Двое старших сыновей Йозефа сражались на Войне. Второй сын – Михаэль – потерял на фронте руку.

Кроме того, Йозеф Шварценбаум был отличным следователем. Придя в полицию еще в начале века, к моменту появления Хольгера в Мюнхене, Йозеф обладал огромным авторитетом у коллег. Очень помогли на первых порах его советы и подсказки и Вюншу. Три года назад господина Шварценбаума с почетом проводили на пенсию.

С тех пор Хольгер видел его только один раз – год на-

³³ Ашкеназы – субэтническая группа евреев, сформировавшаяся в Восточной Европе. Подавляющее большинство евреев проживающих в Германии, России и других странах Восточной Европы являются ашкеназами.

зад столкнулся на улице. Они пообедали вместе, вспомнили старые времена, Шварценбаум ни на что не жаловался, как всегда рассказывал про своих детей. Два года покоя, на взгляд Хольгера, сильно состарили тело Йозефа, но разум его был, как прежде, жив и подвижен. Теперь Вюнш связывал большие надежды с Йозефом Шварценбаумом. Если кто-то и мог дополнить их дело своими тщательными, порой парадоксальными наблюдениям, то это был тот самый человек.

Хольгер один раз был в доме у Шварценбаумов и надолго запомнил кипевшую там жизнь. Они жили в большом доме на одной из тихих окраинных улочек западного Мюнхена. Заводы и фабрики были в другой части города – на юге и на востоке, а здесь шла тихая и даже немного деревенская жизнь. Калитка, как и в прошлый визит Вюнша, была не заперта, а вот участок выглядел немного запущенно.

Хольгер подошел к входной двери и позвонил. Некоторое время ничего не происходило. Это настораживало – хоть кто-то из большого семейства должен был быть дома. Наконец, дверь отворилась, и Хольгер не сдержал улыбку, увидев лицо старого коллеги.

– Добрый день, господин Шварценбаум.

Старик несколько секунд вглядывался в лицо Вюнша, а потом расплылся в улыбке.

– Ааа, оберкомиссар Хольгер Вюнш! Добрый день, добрый день! Проходите, пожалуйста.

Дверь распахнулась, и хозяин пропустил их в дом.

– Да вы не один, Хольгер! Добрый день, молодой человек. Йозеф Шварценбаум, гаупткомиссар³⁴ полиции в отставке, к вашим услугам.

– Комиссар Франц Майер. Очень приятно.

– Недавно работаете в полиции?

Франц утвердительно кивнул. Мужчины пожали друг другу руки.

– Вы по делу или просто так, Хольгер? Хотя кого я об этом спрашиваю, разумеется, по делу! Разве Хольгер Вюнш может навестить коллегу просто так?

При этом с лица Шварценбаума не сходила ехидная улыбка. Хольгер же испытывал неприятное чувство. Он, конечно, был рад видеть старика, однако тишина, царившая в доме, наводила его на определенные размышления и размышления эти были нерадостны. Впрочем, они не мешали Вюншу быть вежливым:

– Так точно, господин Шварценбаум, по делу. Но я был бы последним грубияном, если бы не спросил, как ваши дела и как ваши дети?

– Ну, не в коридоре же нам об этом разговаривать. Пройдемте в мой кабинет. Для шнапса, пожалуй, рановато, но вот от моего кофе вы не отвертитесь. Проходите, Хольгер, Майер. Вы же помните, как пройти к моему кабинету, Вюнш?

³⁴ Гаупткомиссар – средний чин в немецкой полиции, следующий за оберкомиссаром. Глава следственной группы, глава отдела (например, экономических преступлений), следователь по особым делам.

– Да, конечно, господин Шварценбаум.

Обстановка в доме подтверждала то, о чем Хольгер думал с самого начала разговора. «Кабинет», насколько помнил Вюнш, был довольно универсальной комнатой и считался кабинетом потому, что именно здесь стоял письменный стол и стеллажи с книгами. Помимо этого в комнате стоял большой диван, который запомнился Хольгеру еще при первом посещении. С тех пор в кабинете почти ничего не изменилось, разве что книг стало заметно меньше.

Вскоре Шварценбаум принес поднос с тремя чашечками кофе и розеткой с печеньем. Как следует устроившись в огромном кресле за письменным столом, он показал, что готов к разговору. Вюнш задал не дававший ему покоя вопрос:

– Вы уезжаете?

– Узнаю вашу наблюдательность, Хольгер. Да, вы правы – получается, уезжаю. Самому не верится, честно говоря. Сара полгода назад с семьей уехала в Палестину, два месяца назад к ней присоединились Руфь с детьми и Шломо, а через месяц я с Лейбой отправлюсь.

– Знаете хотя бы, что вас там ждет?

– Как что? Дом! Израиль ждет – земля, дарованная Богом! У меня всю жизнь мечта была, хоть глазком глянуть на Землю Предков, а тут я на старости лет в оба глаза посмотрю.

– Я имею в виду, условия там какие-нибудь для жизни есть?

– Сара писала, что поначалу сложно, конечно, было, да и

сейчас не сахар, но только о том, чтобы вернуться ни тогда, ни сейчас она и не думает.

– Не страшно?

– Страшно! Конечно, страшно. Но и интересно, и хочется! Дети пишут про стены древние, как само время, про мой народ, текущий на эту землю рекой...

Лицо старика буквально сияло.

– А что Михаэль?

– Да, Мойша как всегда! У него один «...blühe, deutsches Vaterland»³⁵ на уме, прямо как у тебя! Оторвался он от меня изрядно. А уж как Магда умерла – и вовсе редким гостем стал. Так хоть мать навещал. Я все хотел его уговорить, да ты же его знаешь – если уж он встал на чем-то – сдвинуть не выйдет. Вот, хоть дом ему оставлю. Он все убеждает меня продать, да только... дом, где твои дети выросли, не так-то легко продать. Ты сам-то не женился еще? – Шварценбаум и не заметил, как начал обращаться к Хольгеру на «ты», впрочем, Вюнш не возражал.

– Нет, не женился.

– Эх, ты смотри, чтобы поздно не стало, Хольгер. А то знаешь: дети это все, что от нас на свете останется после нашей смерти.

– Жаль, что вы уезжаете...

– Да, мне тоже, Хольгер. Мне тоже...

³⁵ Финальная строчка Песни немцев. Перевод: ...*процветай, немецкая Отчизна*.

Последние слова Шварценбаума зависли в воздухе, воцарилось молчание. Где-то тикали часы. Кофе жег язык. Вдруг старик ухмыльнулся и спросил:

– А вы, господин Майер, и с женщинами так же словоохотливы?

– Нет, что вы, с женщинами я и вовсе молчу!

Франц достойно отпарировал этот выпад. Маленький диалог между Майером и Шварценбаумом раскрепостил обстановку и снял печать грусти с лица старика.

– Впрочем, вы говорили о деле...

– Да! Господин Шварценбаум, в 22-м году вы были членом следственной группы, которая расследовала дело о массовом убийстве. Помните?

– Помню, конечно, хотел бы иногда забыть, но помню все. Хинтеркайфек – так та ферма называлась. Постой, неужели то дело достали из нафталина и отдали на доследование? Да еще кому? Счастливчику Вюншу!

– Да, мне и Майеру.

– И ты хочешь услышать мою версию событий и заметил ли я что-то, чего нет в деле?

– Именно так, господин Шварценбаум.

– Тогда, боюсь, я тебя разочарую – особой версии у меня нет. Меня подключили к делу восьмого апреля через четыре дня после обнаружения тел. Я на ферме-то был один раз всего, а в следственной группе занимался, в основном, допросами. Однако одно я могу сказать точно – дело странное.

Причем, не только в том смысле, что какой-то сумасшедший убил шестерых человек, а потом жил в их доме рядом с трупами. Были и еще странности... Груберы крайне плохо характеризовались соседями. Отец регулярно насиловал дочь, за что даже отсидел. Мальчик, а возможно и старшая девочка той женщины... как ее?.. Напомни.

– Виктория.

– Да, точно, Виктория. Так вот: возможно оба ребенка Виктории были от ее отца. И если бы тело Андреаса нашли подвешенным за ноги и выпотрошенным или, например, с отрезанным половым членом, засунутым в рот, все было бы понятно – кто-то из местных устроил самосуд. Однако именно девочка убита с особой жестокостью. Я еще тогда подумал, что это, в общем-то, исключает местных жителей из числа подозреваемых. Зачем убивать насильника одним сильным ударом, но при этом жестоко истязать маленькую девочку? Сюда же хорошо вписывалось то обстоятельство, что убийца, судя по всему, не ожидал найти в доме домработницу и второго ребенка... Опять же, непонятно, зачем местному жителю оставаться в этом доме после убийства?

Если хочешь услышать мои соображения, то вот они: убийца знал эту ферму и эту семью, но давно здесь не был. В связи с этим, крайне интересной мне виделась фигура мужа Виктории, якобы погибшего где-то во Франции. Однако его смерть подтвердило Министерство обороны. Я все равно настаивал на проверке этой версии: пускай не он сам, а тот, кто

с ним служил и с кем он был откровенен до такой степени, что рассказал о семье жены. Звучит натянуто, но согласись – это лучше, чем просто задерживать всех бродяг, замеченных в радиусе пятидесяти километров от фермы. В пользу «армейской» версии говорили и следы солдатских сапог. Досадно, что тогда нам не выдали список личного состава его роты, сказали, что утрачен. Ага, утрачен – в архиве Министерства обороны! Хотя, времена-то плохие были, может непорядок и до них добрался...

Я видел тела только раз и не вблизи, но судя по описаниям, да и по фотокарточкам, которые делали при вскрытии, удары нанесены твердо, уверенно. Такое мог совершить либо умалишенный, либо бездушный. Для умалишенного все было слишком хорошо спланировано, а вот бездушных после Войны по дорогам ходило много... Ты уж не обижайся, Хольгер.

Я, надо сказать, еще тогда изложил Йоргу Рейнгруберу то, что сейчас рассказал вам. Но Йорг все следил за тем фермером... Что-то на «бауэр»...

– Лоренцем Шлиттенбауэром?

– Точно, Шлиттенбауэром. А мне этот Шлиттенбауэр подозрительным не показался. Ну, спокойный, ну и что? И под антропометрику он не подходил, и доказательств против него не было, да и, опять же – местный он. С чего ему так резать девочку? Поспорили мы тогда изрядно с Йоргом. Он потом года два на меня обиженный ходил, причем, не понят-

но за что. Его вообще это дело за личное зацепило, а в итоге так и осталось с ним на всю жизнь...

В общем, помучались мы до лета, а там стало понятно, что ничего у нас не выйдет. Разве что убийца сам придет и признается, да еще доказать сможет, что именно он это был. А к осени группу окончательно распустили. Динозавр, правда, как всегда, не забыл себе зад прикрыть: группу распустили, а дело так и оставили за Йоргом. Он потом к нему возвращался много раз.

Динозавр Йорга вообще, в конце концов, подставил. Оставил на нем открытое дело и разрешил возвращаться к нему время от времени, пообещал содействие, а когда один из штатских заметил за собой слежку и обратился в полицию с вопросом: «А на каком основании наша доблестная полиция не преступников ловит, а следит за порядочными горожанами?», Динозавр рассказал историю, что это Йорг сам все придумал и никакого разрешения на слежку не получал. А Динозавр не при чем... В итоге Йорга спланировали на пенсию.

Хотя, оно, наверное, и правильно. Он уже к тому моменту начал терять связь с реальностью. То на подозреваемого набросится с криком: «Ты их убил!», то в докладной записке дело нынешнее с прошлыми перепутает... Вы, кстати, общались с ним?

– Пока нет, а вы знаете, где он?

– Знаю, в лечебнице он и уже давно – лет пять.

«Ни слова об этом в личном деле!» – подумал Хольгер,

кляня всю чиновничью братию во главе с господином Либудой.

– А не помните, в какой?

– Лечебница Святого Франциска – это в южной части города. Пока Дора была жива, он еще держался, а как овдовел, совсем в другие края уплыл...

Вновь воцарилось молчание. На этот раз его нарушил Франц:

– Вы упоминали фотографии с вскрытия. Возможно, вы знаете, где мы можем их найти?

– А разве они не подшиты к делу?

– Нет! – почти хором ответили Хольгер и Майер.

– К делу не подшито ни одной фотографии или рисунка.

– Очень интересно! А ведь фотосъемка велась. Отпечатки пальцев не снимали – не было смысла уже, но фотографировали точно. И дом, и участок, и кромку леса. Тела, как я ранее сказал, фотографировали при вскрытии. Вы нашли судмедэксперта?

– Пока нет. Его последний адрес датирован 26-м годом. Вы не можете сказать, действителен ли он?

– Чего не знаю, того не знаю. Я больше с тем экспертом не пересекался, его только Йорг привлекал, и то нечасто, но если фотокарточки не подшиты к делу, тогда, возможно, они у него. Хотя прескверно это пахнет, я вам скажу. Очень даже прескверно...

Шварценбаум умолк и призадумался. Хольгер скорее уви-

дел, чем услышал, как он одними губами произнес старую поговорку: «Порядок – половина жизни, зато другая половина – беспорядок»

– Раз вы знаете, где искать Рейнгрубера, возможно, сможете нам помочь и с поисками других детективов из следственной группы?

Хольгер вывел его из задумчивости своим вопросом.

– Это вряд ли. Вебер умер в 25-м. Хольц проработал недолго и плохо. Не на своем месте был человек – торопливый, невнимательный, при этом самоуверенный и не готовый учиться. А Юнгер все еще работал, когда я ушел.

– Юнгер погиб в перестрелке два года назад.

– Да? Печальные вести и с таким запозданием... Он мог бы стать хорошим полицейским, но так и не научился до конца смирять свой гнев.

В общем-то это все, что я могу сказать по этому делу... И еще, Хольгер, Майер – мы тогда проделали большую работу. Мы были хорошими следователями, а Йорг возвращался к нему много раз – и мы ничего не нашли. По большому счету, все чего мы добились, это смогли описать место преступления. Мы носом землю рыли, но не нашли даже ниточки, за которую можно было бы потянуть. Я знаю тебя, Хольгер. Знаю, что ты упрям. Но не погружайтесь в это дело слишком глубоко. Раз мы не справились тогда – сейчас это будет сделать еще труднее. Впрочем, удачи вам!

– Ладно. Спасибо вам большое за помощь и за кофе. Нам

пора.

– Да, конечно. Я понимаю.

Хольгеру не хотелось оставлять Шварценбаума одного, но работа сама себя не сделает. Уже у двери старик спросил:

– А кто сейчас на месте Динозавра?

– Иберсбергер.

– Калле?! Ну что, не самый худший выбор. Вечно улыбающийся Калле вместо угрюмого Динозавра... Вы там, небось, стонете от его каракуль?

– Не без этого!

Вюнш был рад, что их мрачный визит заканчивался на хоть сколько-то положительной ноте.

– Прощайте, Хольгер. Прощайте, Майер.

– Прощайте, господин Шварценбаум. Надеюсь, вы успеете насмотреться на Землю своих Предков во все глаза.

В глазах старика проступили слезы, и вдруг он обнял Вюнша настолько крепко, насколько ему позволяли оставшиеся силы.

– Прощайте, Хольгер.

– Прощайте, господин Шварценбаум.

Глава 9

Старые фотокарточки

– Какой из старых адресов проверим первым – Аумюллера или Хольца?

Возможно, Хольгеру лишь показалось, но вопрос Майера прозвучал немного ехидно. «Видимо у Йозефа заразился» – не без веселья подумал Вюнш, а вслух сказал:

– Хольца. До Лайбахерштрассе ближе...

– Кого господин Шварценбаум называет Динозавром?

Вопрос Франца выдернул Хольгера из размышлений. Они уже подъезжали к Лайбахерштрассе.

– Простите, Франц, я задумался. Что вы спросили?

– Кого господин Шварценбаум называет Динозавром?

– Бывшего оберста криминальной полиции Галтова. На его месте сейчас Ка... господин Иберсбергер. У Галтова с Шварценбаумом, сколько я помню, всегда были прохладные взаимоотношения. Причем, если Галтов никогда своего отрицательного отношения не демонстрировал, наоборот, ставил нам – новичкам Шварценбаума в пример, то Йозеф, напротив, разве только в лицо Галтова Динозавром не называл. Причины мне неизвестны. Скорее всего, это что-то из их молодости.

Два года назад Галтов ушел на покой, причем, он старше Шварценбаума лет на десять и я не сказал бы, что намного крепче физически. Поэтому ушел он совсем глубоким стариком... Мы на месте.

Дом №3 по Лайбахерштрассе был длинным двухэтажным зданием с множеством входов в отдельные квартиры. Хольгер остановился в нерешительности.

– Франц, в личном деле Хольца был указан номер квар-

тиры?

– Да, нас интересует восьмая квартира.

Дверь с восьмеркой была крайней справа. Она была тщательно вымыта и производила хорошее впечатление, как и небольшой участочек под окнами, очевидно, также отданный в пользование жильцам этой квартиры. На звонок Вюнша дверь открыла женщина лет тридцати.

– Добрый день, фрау. Мы из полиции Баварии. Я, оберкомиссар Вюнш.

– Комиссар Майер.

Хольгер и Франц показали документы.

– Что-то случилось?

Женщина, как и следовало ожидать, была изрядно удивлена их визиту.

– Нет, ничего серьезного, фрау. Мы расследуем дело, которое косвенно связано с вашей квартирой. Не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

– Конечно, господа, проходите.

За дверью начинался короткий коридор, заканчивающийся лестницей на второй этаж. Слева и справа по коридору было по одной комнате. Справа, судя по доносящимся запахам, находилась кухня. Хозяйка провела их в левую комнату, очевидно, служившую столовой.

«Наверху, видимо, две спальни и санузел. Многовато для одного...» – подумал мимоходом Хольгер.

– Назовите, пожалуйста, свое имя.

– Гертруда Кубичек.

– Скажите, фрау Кубичек, вы давно живете в этой квартире?

– Так, дайте-ка подумать... Пять, нет, пять с половиной лет. Мы переехали сюда осенью 1927-го года.

– Вам знаком человек по имени Вольфрам Хольц?

– Хольц... Хольц... Нет, не припоминаю. Возможно, муж вспомнит, но его сейчас нет.

– Господин Хольц жил здесь, по крайней мере, до конца 22-го года.

– Нет, простите, не помню. До нас здесь жила пожилая пара... Зиммер? Нет, Виммер! Да, точно, Виммеры!

– В таком случае, простите за беспокойство. Еще только один вопрос – вы не подскажите нам, кто из ваших соседей живет здесь долгий срок? Десять лет или больше?

– Насчет того, сколько лет, не скажу, но господин Ханнинг из пятнадцатой квартиры рассказывал, что жил здесь еще до Войны...

В этот момент в комнату вбежал мальчик лет пяти с криками «Папа! Папа вернулся!»

– Иржи! Не смей так себя вести! Это не папа, я же тебе уже сегодня говорила, что папа вернется вечером.

Мальчик остановился, и пристально взглядевшись в полицейских, спросил:

– А кто эти двое дядь?

– Эти господа из полиции, они спрашивали у меня про

человека, который жил в нашем доме раньше.

– Ух ты! Полицейские! Всамделишные! А вы стреляли в живых людей?!

Первым в повисшей тишине нашелся молчавший доселе Франц:

– Да, но только в очень нехороших. В тех, которые причиняли зло добрым людям – таким, как вы с мамой и папой.

Франц говорил серьезно и без ноты снисходительности, которую взрослые люди обыкновенно добавляют, общаясь с маленькими детьми. Иржи внимательно посмотрел на Майера, потом перевел взгляд на Хольгера.

– Беги в свою комнату. Можешь взять на кухне печенье, банка на окне стоит, но только одно...

Последние слова фрау Кубичек уже прокричала вслед, выскочившему с радостным визгом из комнаты, мальчику.

– Простите моего сына.

– Это вы простите нас за беспокойство и спасибо за помощь. Всего наилучшего.

– До свидания.

К разочарованию следователей в пятнадцатой квартире никого не оказалось. Вопрос с Хольцем все еще нельзя было считать полностью закрытым.

– Брат или сестра?

– Племянница.

Майер сразу понял, о чем спрашивал Хольгер.

– Муж сестры был строителем. Погиб при несчастном слу-

чае, когда их дочке не было и двух лет. С тех пор я был единственным мужчиной, который был рядом.

– Сколько ей сейчас?

– Девятый год пошел.

– Давно виделись с ними?

– На Рождество ездил в Страсбург на две недели.

– Скучаете?

– Очень. Надеюсь, когда немного закреплюсь, сюда их перевезти.

Хольгер почувствовал, что сейчас подходящее время для давно интересовавшего его вопроса.

– Послушайте, Франц, а как вы – выпускник Сорбонны, оказались в наших краях? Наверняка ведь были варианты и во Франции с таким-то образованием.

– Я – немец, оберкомиссар Вюнш. В Эльзасе-то каждый второй – немец, там на это всем плевать, а вот в остальной Франции нас не любят. Оно и не мудрено, в общем-то. Поэтому я и приехал – хочу жить среди своих.

– А почему полиция? Почему Мюнхен?

– А почему бы и нет?

Майер широко улыбнулся и повернулся лицом к окну. Хольгер так и не понял до конца, в чем была мотивация Франца стать именно баварским полицейским, но одно для себя уяснил – ему нравился этот неразговорчивый молодой человек.

Третий дом на улице принца Людвига был высоким четы-

рехэтажным зданием, какие возводили в центральных районах немецких городов еще во времена Фридриха Великого. Сейчас на первых этажах таких домов обыкновенно располагались магазины, лавки, фотоателье и картинные галереи.

До них полицейским дела не было, Вюнша и Майера интересовал третий этаж. Именно здесь, согласно карточке из отдела кадров, следовало искать Стефана Аумюллера. Как только перед взглядами полицейских предстала широкая двустворчатая дверь, стало понятно, что им повезло. На двери, под цифрой «27» была табличка, гласившая, что здесь до сих пор имел частную практику «Стефан Баптист Аумюллер. Доктор медицины» и что принимал он «...каждый день, кроме субботы и понедельника, с 10 до 18». Хольгер посмотрел на часы – было без пятнадцати пять. «Хорошо, скорее всего, основной поток пациентов уже схлынул».

За дверью находилась обширная приемная, вдоль стен которой стояли длинные диваны. Размеры и обстановка приемной говорили о том, что дела господина Аумюллера идут неплохо. В помещении было только три человека.

– Подождем, незачем ломиться вне очереди.

Франц молча кивнул.

Через двадцать минут ушел последний посетитель – полный старик с пенсне.

Полицейские вошли в кабинет доктора.

– Господа, прошу по одному.

Стефан Аумюллер, очевидно, принял Вюнша и Майера за

пациентов. Аумюллер был худ, лыс и обладал типом внешности, при котором возраст оценивался в промежутке от сорока пяти до семидесяти лет, и точнее сказать не представлялось возможным.

– Просим прощения, но мы не пациенты. Мы из полиции. Я, оберкомиссар Вюнш.

– Комиссар Майер.

– Чем могу помочь полиции?

При этих словах Аумюллер встал и возвысился над обоими полицейскими сантиметров на десять.

– Мы хотели бы спросить у вас о старом деле, в котором вы участвовали в качестве приглашенного судебного медэксперта.

– Хорошо, присаживайтесь. Не могли бы вы сказать конкретно, о каком деле идет речь?

– Дело №44518, о массовом убийстве в Хинтеркайфеке в 22-м году.

На лице доктора появилось задумчивое выражение. «Неужели не помнит!» – Хольгера начинала брать досада.

– Хорошо, разрешите мне обратиться к моим записям. Разум человека в моем возрасте с трудом удерживает в памяти события столь отдаленные.

– Конечно, понимаю.

Аумюллер встал и вошел в дверь, находившуюся справа от рабочего стола. Из кресла, в котором сидел Вюнш, можно было увидеть в длинной комнате, скрывавшейся за этой две-

рю, высокие стеллажи, уставленные папками и коробками.

«Солидный архив. Возможно, доктор из тех людей, которые тщательно документируют свою жизнь – это было бы удачей для нас...» – размышления Хольгера были прерваны Аумюллером, вышедшим из своего архива с небольшой папкой в руках.

– Я смутно припоминаю это дело. Какое ужасное убийство, и преступника, кажется, не нашли... Поправьте меня, если я не прав.

– Вы правы, преступника тогда не нашли.

Аумюллер кивнул и раскрыл папку.

– У меня есть копия моего отчета об аутопсии жертв.

– Ваш отчет приложен к делу. Нас интересует то, чего в нем нет. Возможно, какие-нибудь умозаключения или предположения, которые вы не стали включать в отчет, какие-нибудь детали... Что угодно.

– Уфф... Это было так давно... Я мало что помню, разве что в моих дневниковых записях что-то осталось.

– Посмотрите, пожалуйста.

– У вас есть фотографии, связанные с этим делом?

Майер вступил резко и задал, пожалуй, самый важный вопрос. Он все рассчитал верно и смог изрядно ускорить процесс: Аумюллер посмотрел на полицейских быстрым взглядом, а затем поник и заговорил, глядя себе на руки:

– Я знал, что это когда-нибудь всплывет...

– Что именно?

– Вы не курите?

Хольгер дал доктору папиросу и огня.

– Я дружил с Йоргом Рейнгрубером еще с Дрездена, с учебы. После того как они с женой переехали в Мюнхен, не помню точно в каком году, наше общение возобновилось. Он приглашал меня несколько раз к расследованиям полиции, потому что до открытия частной практики я работал в морге и имел опыт работы с трупами. И тогда, в 22-м, именно он расследовал то убийство.

Моя работа была маленькой – провести вскрытие тел и написать отчет, что я и сделал. Не помню уже подробностей, возможно, я что-то и заметил, чего не включил в отчет, да только... после стольких лет я мало что могу вспомнить.

Помню, что жертв было шесть, в том числе два ребенка. Все, кроме девочки, были убиты ударом по голове, девочка умерла... дайте подумать... от кровопотери, да, ее изрезали.

В общем, я свою часть работы сделал и больше внимательно за делом не следил, а вот Йорг этим расследованием, можно сказать, жил. Он привлек меня потом еще два или три раза, если хотите, я могу найти и эти дела.

Лет семь... да, семь лет назад Йорг пришел ко мне вечером. Он уже тогда был не в себе. Он говорил что-то про это убийство, про своего начальника и про то, что его хотят свести с ума, упоминал какие-то сапоги, вроде бы, но я не понял, о чем он.

Самое главное – он принес мне фотографии, сделанные

на вскрытии. Йорг сказал, что из дела куда-то исчезли фотографии местности и дома. Сказал, что никому не верит и не хочет, чтобы и эти фото однажды исчезли. Он просил придержать их у себя. Я хотел отказаться, но... он был моим другом, ему было страшно, и он просил о помощи.

Через несколько месяцев Йорг ушел из полиции, не помню уже, в чем там было дело, но он рассказывал, что его буквально выжили с работы. Не знаю, насколько в это можно верить – Йорг тогда уже был почти безумным. После того как его положили в лечебницу, я хотел отдать фотографии в полицию, но испугался. Ведь выглядело бы так, будто я имею улики, которые должны быть подшиты к делу... Я не думал, что это поднимут так скоро.

Пока доктор говорил, Хольгера изнутри грызло неприятное чувство. Страшное убийство, минимум улик, а теперь еще и возможная причастность кого-то в полиции. «А что еще могло пропасть из дела?.. Совершенно необходимо как можно скорее переговорить с Рейнгрубером, несмотря на его состояние».

– Послушайте, доктор, то, что вы сделали, изрядно замедлило полицейское расследование...

Плечи Аумюллера поникли еще больше.

– ...однако мы готовы закрыть на это глаза, если вы передадите нам всю информацию, которая есть у вас по этому делу.

Хольгер посмотрел на Франца, задавая ему немой вопрос,

тот кивнул в знак согласия. Аумюллер, между тем, просиял.

– Конечно, забирайте: отчет, дневники, фотографии. Я очень рад, что, наконец, смогу от этого всего избавиться!

– Вот и хорошо.

Хольгер подвинул к себе папку. Помимо копии отчета и нескольких рукописных страниц, в папке лежал старый конверт. Вюнш приоткрыл конверт и убедился, что в нем были фотокарточки. Что на них запечатлено, Хольгер решил пока не осознавать.

– Это все, доктор?

– Да, все что у меня есть по этому проклятому делу!

– Очень хорошо и спасибо вам за содействие следствию.

– Спасибо, что избавили меня от этих фотографий.

– Нам пора, доктор. Всего вам хорошего.

– Да, господа, и вам.

Когда дверь кабинета Аумюллера закрылась, Вюнш позволил себе улыбку. Несмотря на ряд новых вопросов, сегодняшний день можно было считать удачным – удалось достать фотокарточки и узнать мнение Шварценбаума о деле.

– Сегодня ехать в лечебницу уже поздно. Предлагаю съездить в «Охотника», привести мысли в порядок и решить, что делать дальше.

– Поддерживаю.

Глава 10

Дождь

Хольгер с чистой совестью заказал себе кружку пива (на этот раз к нему присоединился и Франц), но от еды пока отказался. Сперва нужно было поговорить о работе, а сытость отупляет.

– Хотите подытожить, Франц?

Вместо ответа Майер начал:

– Во-первых, мы выяснили точное местоположение Георга Рейнгрубера, это очень хорошо, так как именно он видится мне ключом к расследованию. Мы выяснили, что психическое состояние Рейнгрубера может стать проблемой. Кроме того, мы узнали, что Рейнгрубер относился к расследованию этого убийства очень серьезно и, что именно оно стало причиной его ухода из полиции, а так же, возможно, что и болезни.

Далее: фотокарточки существуют, их делали. Осталось понять, кто и зачем забрал из дела фотографии дома и обстановки. Рейнгрубер, по словам Аумюллера, опасался, что фотографии тел тоже исчезнут, но мне не очень понятно, зачем, забирая фотографии дома и участка, оставлять фотографии тел? Нелогично... Хорошо, что удалось найти их.

А еще сегодня мы выяснили, что Вольфрама Хольца будет крайне тяжело найти и даже если это удастся сделать, вряд ли это принесет нам серьезную пользу.

Франц закончил и сделал большой глоток пива, опустошив кружку сразу на треть.

– Я согласен с вами, хочу только добавить, что у нас сегодня появилась еще одна версия. Я согласен с доводами Шварценбаума касательно того, что убийца мог быть связан с Карлом Габриелем. Мне кажется, что проверка его судьбы перестает быть второстепенной задачей.

– Возможно, вы правы, хотя я думаю, что версию о Лоренце Шлиттенбауере, да и вообще, о том, что убийцей является кто-то из местных жителей отметать нельзя. Шварцебаум говорил, и говорил аргументировано, о том, что убийца, если бы он был соседом Груберов, убил бы только Андреаса и, возможно, его жену. Я не могу с этим согласиться – он мог иметь зуб и на Викторию.

Это гольное теоретизирование, но мы знаем, что Виктория сожительствовала с Шлиттенбауэром и, возможно, родила от него ребенка. Но ведь это могло быть не в первый раз. Шлиттенбауэр или кто-то другой из соседей Груберов мог сожительствовать с ней и раньше, а девочка могла быть результатом этих отношений. Это бы отчасти объяснило жестокость по отношению к ней, если, конечно, подобное вообще можно хоть как-то объяснить. А по поводу того, что убийца жил в доме некоторое время – человек, хорошо знавший местность вокруг, мог приходить и уходить незамеченным...

Майер сделал еще один большой глоток, оставив в кружке лишь третью часть.

– Тогда ничего у нас не выйдет, Франц. Ваша новая теория

хороша, да только если эти обстоятельства не смог выяснить Рейнгрубер со своей группой, у нас шансов на это будет еще меньше.

Франц кивнул, соглашаясь с этим невеселым выводом.

– Я предлагаю завтра разделиться, чтобы не терять время зря.

– Согласен.

– Хорошо. Я съезжу к Рейнгруберу в лечебницу, надеюсь, удастся добиться от него хоть какой-то информации. Помимо этого, я завтра обращусь в полицейский архив – возможно, удастся выяснить, кто мог изъять фотографии из дела. Кроме того, завтра попробую убедить Иберсбергера привлечь психиатра.

А вы езжайте в Баварское отделение Рейхсархива – это на Шонфельдштрассе. Одно мы сегодня выяснили наверняка – фотографии существуют, а значит, вполне могут храниться там. Я присоединюсь к вам после, когда освобожусь. Кроме того, там же, недалеко от архива, находится отделение Народного союза по уходу за воинскими захоронениями. Запросите у них информацию по Габриелю. За одиннадцать лет могли обнаружиться новые обстоятельства. Только учтите, Франц, господин Либуда из отдела кадров сказал, что в Рейхсархиве сейчас завал, к этому нужно быть готовым.

– Хорошо, согласен. А что насчет Лайбахерштрассе?

– Позже проверим, когда более насущных дел не будет.

– Ладно, как скажете.

– Я планировал сегодня поработать с фотографиями, а после этого приложить их к делу. Хотите, могу отдать их вам, только завтра вам придется зайти в управление с утра.

– Пожалуй, нет. Позже с ними ознакомлюсь, если вы не против.

Хольгер в душе надеялся, что Франц возьмет у него папку доктора Аумюллера, но завтра эти фотографии никуда не денутся и с ними все равно придется работать, так что вслух Вюнш сказал:

– Не против. Думаю на сегодня все. Останетесь на ужин?

Майер третьим глотком опустошил кружку и сказал:

– Пожалуй, нет, сегодня не могу.

– Ну, тогда всего доброго, Франц.

– До свидания, оберкомиссар Вюнш.

Франц Майер отправился по своим делам, а Хольгер окончательно понял, что совершенно не хочет открывать конверт с фотокарточками. Ему даже трудно было найти слова, которые выражали бы всю степень этого нежелания. В итоге напряженной внутренней дискуссии был выработан компромисс, согласно которому Хольгер, пока пребывает в «Охотнике», не портит себе аппетит и настроение, читает записки доктора Аумюллера, но не смотрит фотографии, а вот дома его работа отыгрывается на нем в полной мере.

Из записок извлечь удалось немного. На теле Андреаса и Виктории были обнаружены гематомы, возможно оставленные сапогом. Посмертные они или нет, доктор ответить не

решился. По большому счету, это было все. Обо всем остальном Аумюллер писал в отчете. Результаты разочаровывали. Хольгер надеялся, что доктор вспомнит хотя бы какую-нибудь деталь.

За окном, между тем, начинался дождь. Вюнш внимательно всматривался в дорожки, оставляемые каплями на стекле, будто силясь найти в них ответы на мучавшие его вопросы. Взгляд его, помимо воли, перешагнул через стекло и Хольгер увидел улицу за окном, а кроме улицы он увидел фройляйн Кренц. Она вновь была с непокрытой головой и без зонта, она вновь была стремительна, и вновь показалась Вюншу совсем юной. Только сейчас у нее в руках не было листков. Она прошла мимо окна, за которым сидел Вюнш, но остановилась, будто в задумчивости, перед входом в пивную, обернула голову на небо и, очевидно, приняв решение, зашла внутрь.

Фройляйн Кренц не была завсегдатаем пивной, поэтому на нее не распространялось чудное умение Харрера встречать постоянных клиентов заранее. Взгляд ее в некоторой растерянности блуждал по столикам. Был вечер, и свободных мест было мало – лишь пара столов в глубине зала.

Хольгер, не вполне осознавая свои действия, поднял руку в тот момент, когда ее взгляд скользил по той части зала, где сидел он. Девушка заметила этот жест и, растерянно улыбнувшись, начала пробираться к нему мимо шумных компаний и одиночек, мимо тех, кто только пришел и тех, кто уже

собирался уходить.

– Добрый вечер, фройляйн Кренц.

– Д-д-добрый вечер, оберком-м-миссар Вюнш.

Она отчаянно старалась скрыть свою дрожь, но ей это совершенно не удалось. Хольгер остановил, несшую мимо него кружки с пивом, официантку и заказал:

– Глинтвейн для фройляйн и одно пиво.

Фройляйн Кренц благодарно улыбнулась.

– Спасибо большое.

Голос ее больше не дрожал.

– Не за что, фройляйн Кренц. Что же вы зонта не носите, так ведь и заболеть можно?

– Не люблю зонты.

– Очевидно, быть сухой вы тоже не любите...

Еще до того как закончить фразу, Хольгер понял, что он полный идиот.

– Простите меня, я просто немного устал. К тому же, скажу вам по секрету, я тоже не люблю зонты.

– Не извиняйтесь, оберкомиссар Вюнш. Теперь мы квиты за то, что я вас не заметила два дня назад.

«Не только в тот раз вы меня не заметили» – автоматически отметил про себя Вюнш. Она сняла с рукава свою повязку со свастикой и, аккуратно свернув, убрала ее в карман пальто.

– Вы входите в Союз девушек или в Женскую организа-

цию³⁶?

– Да, занимаюсь общественной работой и помогаю нашей партии.

«Не ответила на вопрос...»

– Я видел, как вы несли листовки пару дней назад. Вы занимаетесь этим после работы?

– Да, иногда разношу листовки, иногда помогаю в больнице.

– Тяжело, наверное, совмещать это с работой.

– По-разному, иногда очень тяжело, а иногда летишь, не замечая усталости, если чувствуешь, что действительно помогаешь кому-то, делаешь что-то полезное...

Ее промокшие волосы были собраны на голове, и Хольгер мог рассмотреть лицо девушки. Она не была красивой – некоторые черты были слишком правильными, другие – слишком резкими. Самое главное – как бы он не вглядывался, он так и не мог сказать, сколько ей лет. Между тем принесли пиво и глинтвейн.

– Как вам работается с оберстом Иберсбергером?

– Иногда тяжело разобрать его почерк, а в остальном – очень неплохо. Я знаю, что до меня долгое время секретарем полицейоберратов Галтова и Иберсбергера был господин Глаубе. Надеюсь, что у меня получается заменить его,

³⁶ Союз немецких девушек – женская молодежная организация НСДАП для девушек в возрасте с 14 до 18 лет. Обыкновенно по достижении 18 лет девушка вступала в Национал-социалистическую женскую организацию.

хотя бы отчасти...

Лампа, расположенная где-то позади фройляйн Кренц, подсвечивала ее голову, создавая ощущение нимба или, скорее, пламени вокруг нее. Хольгер откровенно любовался этим зрелищем, надеясь, впрочем, что это никак не отражается на его лице.

– А вас долго не было из-за ранения?

Ее вопрос вернул Вюнша из созерцания.

– Да, полтора месяца лечился.

– В вас стреляли?

– Нет, подозреваемый набросился с ножом.

– Надеюсь, его задержали?

– Он убит.

«Мягче ты! Нельзя же так рубить. Майер оказывает на тебя отрицательное влияние своей немногословностью»

– Вы его... ну, вы поняли?..

– Нет, мой напарник.

Хольгер вспомнил перепуганное лицо Руди Ковача и тело парня, в которого тот всадил шесть пуль.

– А куда он вас ранил?

– В левое плечо.

Вюнш показал на все еще, порой, саднившую рану. Фройляйн Кренц, видно решив, что ему неприятен этот разговор, уставилась в бокал с глинтвейном и замолчала. Наступила неловкая пауза. Хольгеру вдруг пришла в голову безумная идея:

– Вы умеете играть в шахматы, фройляйн Кренц?

– Да, но немного. Меня дедушка научил.

– А хотите сыграть?

– Сейчас?

Похоже, Хольгеру удалось ее удивить.

– А почему нет? Я только схожу к господину Харреру – хозяину сего славного заведения, и попрошу у него доску и фигуры с пешками.

Недоверие первых мгновений сменилось на ее лице на легкую улыбку.

– Хорошо, давайте сыграем.

Хромой Харрер удивился просьбе Хольгера, но глянув на столик Вюнша, расплылся в улыбке и через пять минут принес из квартиры, располагавшейся прямо над пивной, шахматы и доску.

– Прежде чем начнем, можно один вопрос?

– Да, конечно.

– Как ваше имя?

Она посмотрела на него внимательно, а потом ответила быстрой скороговоркой, словно решившись на прыжок в воду с трамплина:

– Хелена, а ваше?

– Мое имя Хольгер и мне очень приятно с вами познакомиться. Белые или черные?

– Белые.

– Хорошо.

Игра пошла не по плану Хольгера. То ли сказалась усталость прошедшего дня, то ли количество выпитого, то ли дедушка Хелены был гроссмейстером, но всю партию Вюнш занимался не конструированием собственной игры, а по сути лишь обороной. До поры до времени ему удавалось сдерживать наскоки коней и слонов Хелены, но, пусть количество фигур уменьшалось примерно с одинаковой скоростью, позиция Хольгера становилась все менее выгодной.

Вюнш был неплохим игроком. Шахматам его научил еще отец. Подростком он часто играл с младшей сестрой. На Войне играть не получалось – фигуры терялись, не успев сделать и пары ходов. После Войны играть было решительно не с кем, а в полиции единственным, кто умел играть на более менее конкурентном для Вюнша уровне, был Каспар Шнайдер – смотритель полицейского архива – у него Хольгер выигрывал только три партии из пяти.

Игра продолжалась уже две кружки пива и полтора бокала глинтвейна. Вюнш обратил бы внимание на румянец, появившийся на лице Хелены, если бы не был вынужден выбирать из-под шаха. Партия клонилась к концу, и конец этот был известен уже обоим игрокам. У Хольгера была одна ладья и три пешки, сгрудившиеся в левом углу доски вокруг короля. Хелена пошла вперед своими, простоявшими без дела всю партию, ладьями. Уцелел и один из ее героических коней (как же Вюнш ненавидел эту белую длинномордую животину без ног!). Где-то на задней линии маячил бе-

лый король. Все было ясно. Единственное на что мог рассчитывать проигравший – это милосердно быстрая смерть от рук победителя. И она подарила ему такую смерть. Изящным росчерком Хелена в три хода поставила мат.

Вюнш откинулся на спинку стула и закурил очередную папиросу. Он смотрел на нее сквозь дым – она допивала бокал с вином.

– Спасибо за игру.

Хольгер первый нарушил молчание, установившееся после ее слов: «Шах и Мат».

– Вам спасибо. Я давно ни с кем не играла, забыла, что это так увлекательно.

– А я давно не видел столь сильного противника.

Хелена, немного смутившись от его слов, посмотрела в окно и сказала то, что он совсем не рад был услышать:

– Дождь кончился. Пожалуй, мне пора.

Как бы ни хотелось Хольгеру возразить ей, он понимал, что магия этого вечера будет безвозвратно утеряна, если он сделает еще хоть что-то, но одну вещь Вюнш не мог не сказать:

– Мне понравилось играть с вами.

Она достала из кармана свастику и повязала ее на плечо, лишь после этого ответив:

– Мне тоже. Вы хорошо играете.

– А вы мне льстите. Впрочем, мне хочется все же вас обыграть. Я бываю здесь почти каждый день, если у вас будет вре-

мя и желание сыграть в шахматы вечером после тяжелого дня – вы знаете, где меня найти.

– Я подумаю над вашим предложением.

На лице Хелены обозначилась улыбка.

– До свидания, фройляйн Кренц.

– Хорошего вечера, оберкомиссар Вюнш.

После того как она скрылась в вечернем городе, Хольгер еще минут десять сидел и курил в задумчивости. Ключевой ошибкой партии ему казалась ранняя и достаточно дешевая потеря ферзя.

Глава 11

Немного об армейском вооружении

Работа костлявыми лапами вцепилась в него дома. Было уже почти одиннадцать, но Хольгер заставил себя выкинуть из головы восхитительную, как глоток свежего воздуха, партию в шахматы с Хеленой и принялся за фотографии.

Первое, что заметил Вюнш при беглом осмотре это то, что фотографии относились не только к вскрытию. На части фотокарточек было зафиксировано положение тел на момент прибытия фотографа (по прикидкам Хольгера это было пятого апреля). Так как Шлиттенбауэр передвигал тела в сарае, фотографии, сделанные там, особой пользы принести не могли, но вот положение тел домработницы и младенца можно было установить точно.

Мария Баумгартнер лежала на животе поперек кровати. Возможно, убийца заставил ее отвернуться, перед тем как нанес удар, а возможно, подкрался к женщине сзади. Мальчик же был убит прямо в коляске – об этом свидетельствовало большое пятно крови на подушке в коляске. Глаза ребенка были закрыты, скорее всего, смерть настигла его во сне.

Хольгер отложил карточки с младенцем и Марией и принялся за фотографии, сделанные перед вскрытием. На общем плане были видны столы, очевидно, вытащенные из дома, а также приспособленные из дверей. На столах лежали шесть тел. На этой же карточке Хольгер увидел Аумюллера и человека, который был, чуть ли не на полметра, ниже доктора. «Возможно, юрист Ней».

Андреас Грубер был крепким коренастым мужчиной. Запекшаяся кровь и начавшиеся посмертные изменения не позволили Вюншу распознать черты его лица. Все, что он мог понять по фотокарточкам – это то, что у Андреаса были густые брови и пышные усы, а также светлые, возможно, седые волосы. В целом, несмотря на преклонный возраст, он производил впечатление физически сильного человека.

Рана на правой половине головы была страшной. Удар был настолько сокрушительным, что сразу пробил череп и привел к мгновенной смерти. Хольгер надеялся, что при осмотре фотографий у него появятся идеи относительно орудия убийства, однако по Андреасу сказать больше, чем уже было сказано в отчете доктором, Вюншу не удалось. Действитель-

но – тяжелый острый предмет.

На фотографии туловища были видны гематомы, но понять когда и как они появились, Хольгер не мог. Зато он сразу смог определить синяк, который, по предположению доктора Аумюллера, мог быть оставлен сапогом. Он выделялся на правом боку Грубера. Причем, форма синяка напоминала не носок сапога, что говорило бы о том, что убийца пнул Андреаса, а именно подошву, что могло указывать на то, что убийца наступил на уже лежавшее тело. К сожалению Вюнша, крупного плана этого участка кожи не было, а по тому, который был, нельзя было рассмотреть, какая у сапога была подошва.

На следующей карточке взгляду Хольгера предстало тело Цицилии. Ее голова превратилась в кровавое месиво, из которого торчали клочки светлых волос и костей. Согласно отчету, убийца нанес ей семь ударов. «Возможно, Андреаса он всерьез опасался – что и не удивительно – потому убил его резко, быстро, можно сказать профессионально, а вот с остальными покуражился...» По ее повреждениям судить об оружии тоже не получалось.

В целом же Цицилия была намного меньше своего мужа. Не удивительно, что она боялась оказать Андреасу сопротивление, когда он насиловал дочь. На теле были следы борьбы, ногти были обломаны. Скорее всего, первый удар не убил Цицилию, и преступнику пришлось повалить ее на землю и нанести еще несколько.

На следующем столе лежала Виктория. Хольгер сразу отметил, что она не похожа ни на отца, ни на мать цветом волос – у Виктории они были темными.

Пропорционально сложенная, с большой грудью – судя по всему, она была красивой. Однако, как и с родителями Виктории, сказать что-то определенное о чертах ее лица было затруднительно: согласно отчету Аумюллера, на голове Виктории было обнаружено девять крестообразных ран, однако Вюншу по фотографиям установить число ран наверняка было трудно – вся голова была сплошной раной. С трудом разобравшись в волосах, крови, костях и мозгах, Хольгер смог увидеть проломы, по форме действительно напоминающие крест. «Это явно другое орудие. То, чем убили Андреаса, имело продолговатую острую кромку, а здесь было что-то иное...» – Вюнш чувствовал, что уже где-то видел подобные раны, но как не силился вспомнить, ничего конкретного в голову не приходило.

След от сапога, описанный Аумюллером в своих записях, Хольгер разглядел не сразу и тут же понял, почему доктор не включил его в отчет. На ребрах с левой стороны действительно был виден синяк, скорее всего оставленный акцентированным ударом, но насчет того, что он оставлен сапогом у Вюнша были серьезные сомнения.

Обнаружить следы удара тупым предметом по правой стороне лица на фотографиях, при столь обширных повреждениях всей головы Виктории, Хольгер, как ни пытался, не

смог. А вот на шее действительно имелись отчетливые следы рук. «Повалил на землю ударом тупым предметом, потом задушил или, по крайней мере, попытался, а после начал бить по голове» – в голове Вюнша выстраивалась стройная картина.

Взяв первую фотографию, на которой было запечатлено тело девочки, Хольгер очень пожалел, что не держит дома алкоголь. Сейчас ему хотелось совсем не пива, а ту убийственную дрянь, которую однажды выгнал унтер-офицер Эрлих на перекомплектовании в октябре 17-го. Пойло Эрлиха имело градусов семьдесят и было абсолютно отвратно на вкус, но выпив его, Вюнш был готов осушать океаны.

Маргарите наносили удары тем же предметом, что и ее бабушке с дедушкой. Убийца, разумеется, был выше ростом, а потому большая часть ударов пришлись сверху вниз. Нижняя часть лица сохранилась лучше, чем у Цицилии и Виктории, но подбородок был буквально вдавлен одним мощным ударом. А вот странную округлую рану около носа Хольгер узнал сразу.

В 1916-м году на передовую доставили новые траншейные ножи. У этих ножей была выступающая вперед гарда, закруглявшаяся к низу и по замыслу, защищавшая руку от удара сверху. В окопной свалке часто доходило не то, что до ножей – в ход шли даже котелки с ложками. Ребята любили эти ножи за то, что в такой свалке, можно было ткнуть кулаком с зажатым в ней ножом в лицо врагу и сразу доставить

ему серьезных хлопот этой выступающей частью. Носы она ломала с завидным постоянством и оставляла после себя на лице овальную или, реже, округлую рану. У Вюнша такого ножа не было, но отбившись от очередной атаки, он частенько видел на лицах погибших французов и англичан такие отметины.

Это был прорыв. Теперь «армейская» версия была для Хольгера основной.

Возможно, тем же ножом оставлены были и порезы на шее девочки. Увидел он и следы от детских рук на шее – она пыталась зажать раны – и клоч длинных черных волос, зажатых Маргаритой в ручке и, явно принадлежавших Виктории. У Вюнша были серьезные сомнения в том, что убийца, если им удастся все же его найти, долго проживет после суда – в тюрьмах не любят детоубийц.

Припомнив отчет и посмотрев внимательно на фотографию Марии Баумгартнер со вскрытия, Хольгер изменил свое мнение относительно того, что убийца сразу нанес удар сзади. На правой стороне лица имелась рана крестообразной формы от удара острым предметом, скорее всего, от него Марию развернуло, и после этого убийца нанес ей смертельный удар по затылку. Ноги Баумгартнер действительно довольно сильно отличались по длине.

Двухлетний Йозеф погиб от двух сильных рубящих ударов в правый висок. Других повреждений на теле не было.

Хольгер понял, что у него закончились папиросы, и умо-

заклучения пришлось делать без них.

Рана на лице девочки, с высокой долей вероятности, была оставлена армейским ножом. Насколько помнил Вюнш, эти ножи были достаточно широко распространены, так что само по себе это обстоятельство не приближало их к убийце, но оно делало версию о том, что убийца – человек, служивший в армии, главной. Кроме ножа, в ее пользу говорили выводы Йозефа Шварценбаума. Да и слишком профессионально были нанесены удары тому же Андреасу, слишком спокойно убийца реагировал на то, что творил. Это не был крестьянин, это был человек, привыкший к убийствам и убивавший ранее. «Все это по-прежнему писано вилами на воде...» Нож не мог быть тем тяжелым острым предметом, которым были убиты Андреас, его жена и оба внука, и строить теории здесь пока что было не на чем.

Занозой засела в голове Вюнша и мысль об оружии убийства Виктории Габриель и Марии Баумгартнер. Хольгер был уверен, что где-то уже видел подобные раны, но никак не мог вспомнить, где именно. Неясно было и то, что за тупой предмет использовал убийца. Наиболее же озадачивало Хольгера количество и разнообразие предметов, использованных преступником – сомнительно, что он принес их все с собой.

Фотографии тел значительно продвинули Вюнша вперед, он мысленно похвалил себя, что решил заняться их поиском почти сразу, вперед посещения места преступления, от которого, к тому же, и следа не осталось. В этой связи осо-

бое беспокойство у него вызывало странное изъятие фотографий дома и местности из дела.

Вюнш посмотрел на часы – было чуть больше полуночи, и он уже обеспечил себе тяжелое утро, но в целом, сегодняшний день был весьма плодотворным и результативным. Думая об этом, а еще о слишком рано потерянном ферзе, Хольгер провалился в сон.

Глава 12

Неправильный череп

Вюнш никогда ранее не бывал в Лечебнице Святого Франциска, но слышал об этом месте. Лечебница находилась в северной части города. Здание круглой формы, насколько знал Хольгер – одно из первых зданий в Германии, специально построенных для содержания душевнобольных, было запрятано в глубине большого и немного запущенного парка. Оно имело три этажа. Красный кирпич, из которого была выстроена больница, через равные промежутки перебивался узкими оконными проемами. На втором и третьем этажах почти все проемы были закрыты решетками.

Было не по-весеннему свежо, и Хольгер поежился, глядя на меланхоличную картину голых деревьев, скрывающих за собой пристанище умалишенных.

Вопреки внешнему виду здания, приемная была светлой и даже, в некотором роде, уютной. За окошком регистра-

ции сидела миловидная девушка в форме медсестры, которая весьма удивилась, увидев посетителя в такой час.

– Здравствуйте, боюсь, что часов приема сейчас нет. Приходите сегодня после...

– Простите, фройляйн, но я не просто посетитель.

Хольгер немного бесцеремонно прервал девушку и предъявил документы.

– Ой, простите! Чем я могу вам помочь?

– Не извиняйтесь, фройляйн. Помочь вы мне действительно можете. Меня интересует один ваш пациент. Его зовут Георг Клаус Рейнгрубер, он у вас уже несколько лет.

– Простите, но разрешение на свидание дает только лечащий врач...

– Я это понимаю. Не могли бы вы узнать, кто занимается лечением господина Рейнгрубера?

– Да, конечно, но вам придется подождать.

– Хорошо, я подожду.

Медсестра ушла, а Хольгер присел на одну из скамеек в приемной. Скамейка была до крайней степени неудобной. Как бы ни сел Вюнш, тело быстро затекало. Через десять минут мучений Хольгер встал на ноги и начал измерять пустую приемную шагами. Свет от ламп на потолке, на первых порах понравившийся Вюншу, становился раздражающим, а стены отпугивали своей белизной. «Такими темпами сам станешь сумасшедшим!» – Хольгеру решительно не нравилось это место. Еще через десять минут вернулась медсест-

ра и сообщила ему, что лечением Рейнгрубера занимается доктор фон Виттерсбах – при произнесении этого имени на лице девушки появилась довольно дурацкая улыбка – и что доктор готов принять Вюнша. Хольгер оставил приемную и отправился вверх по лестнице, по пути, указанному медсестрой.

Доктор фон Виттерсбах был статен и красив, как и положено дворянину. Улыбка медсестры перестала быть для Вюнша загадкой – такие, как фон Виттерсбах, нравились женщинам, особенно молодым. Примерно одного возраста с Хольгером, доктор имел темные волосы, зачесанные на бок, длинное лицо и небольшие аккуратные усы.

– Доктор Конрад фон Виттерсбах.

– Оберкомиссар полиции Вюнш.

– Садитесь, прошу.

Стул для посетителей был по-настоящему роскошным. Вюнш готов был об заклад побиться, что искуснейшая резьба на спинке делала этот стул безумно дорогим. Как и положено помпезным вещам, стул был жестким и неудобным. «Интересно, во всей больнице такая роскошь или он сам этот стул в свой кабинет притащил?». Остальная обстановка была под стать. Предметы, окружавшие фон Виттерсбаха, явно не были продуктом работы обычной мебельной фабрики.

– Мне сообщили, что вас интересует один из моих пациентов, Георг Рейнгрубер.

– Совершенно верно.

– Могу я узнать, почему?

– До того, как попасть в лечебницу, господин Рейнгрубер служил полицейским детективом и расследовал, помимо прочих, дело, над которым сейчас работаю я. Мне бы хотелось переговорить с господином Рейнгрубером. Возможно, он помнит некоторые обстоятельства, связанные с этим делом. Поэтому я прошу у вас, как у лечащего врача, разрешение на свидание с ним.

– Ваш визит оформлен официально?

– Вы имеете в виду, есть ли у меня разрешение полицей-оберрата? Нет, но это не проблема. А что? Состояние господина Рейнгрубера не позволяет мне переговорить с ним в частном порядке?

– Да, в общем-то, позволяет, однако я должен рассказать вам о некоторых особенностях его поведения.

– Что вы имеете в виду?

– Видите ли, в силу своего психического недуга, господин Рейнгрубер не в полной мере отдает себе отчет в своих действиях.

– Он может быть опасен?

– Право же, в таком возрасте он может быть опасен разве что для самого себя. Просто зачастую его реакция на ваши действия будет неожиданной для вас. Видите ли, господин Рейнгрубер страдает от такой душевной болезни, как паранойя. Одним из симптомов этой болезни является мания преследования. Это когда больному кажется, что кто-то или

что-то следит за ним с целью ему навредить. В случае господина Рейнгрубера течение болезни осложнено частыми галлюцинациями. Не удивляйтесь, если он вдруг посреди разговора начнет принимать вас за другого человека или разговаривать с кем-то невидимым.

Откровенно говоря, я испытываю серьезные сомнения, что вам удастся добиться от него какой-либо связной информации, возможно, он и вовсе откажется от общения. Периоды просветления сознания у господина Рейнгрубера коротки и редки...

– Так вы разрешите мне встретиться с ним?

– Да, но я вынужден попросить вас оставить здесь ваше оружие и любые колющие и режущие предметы. Это не из-за недоверия к вам, а во избежание попыток суицида, возможности для которых регулярно ищет господин Рейнгрубер. Не беспокойтесь о сохранности вещей – кабинет я запиру на ключ.

– Хорошо, я согласен.

Хольгеру пришлось расстаться с верным Люгером P08, служившим ему еще с 21-го года. Перьевую ручку тоже пришлось оставить на столе. Слова Рейнгрубера придется запоминать, по крайней мере, Вюнш надеялся, что будет что запоминать.

Вопреки представлениям Хольгера, ожидавшего увидеть чуть ли не тюремные камеры, пациенты жили все же, скорее, в медицинских палатах, пусть и с зарешеченными окнами. В

той палате, в которую фон Виттерсбах привел Вюнша, было пять кроватей. На одной из них, забравшись с ногами, сидел сторбленный старик. Даже в такой обстановке Хольгер смог узнать в этом старике Георга Рейнгрубера. На фотокарточке в личном деле он был лет на пятнадцать младше, но черты лица с тех пор почти не изменились.

Георг сидел на ближней к правой стене кровати спиной к двери в палату и смотрел в окно. Фон Виттерсбах попросил Вюнша подождать у входа, а сам подошел к старику и что-то ему сказал. Хольгер не слышал, о чем шла речь, но увидел, как Рейнгрубер кивнул несколько раз, не отрывая взгляд от окна. Доктор обернулся к Вюншу и сделал подзывающий жест рукой.

– Йорг, это тот человек, о котором я вам говорил. Не бойтесь, он не причинит вам вреда. Ему просто нужно спросить вас кое о чем.

Доктор говорил медленно, делая большие паузы между словами, и каждый раз дожидался кивка Рейнгрубера, чтобы продолжить.

– Задавайте короткие вопросы. Лучше всего односложные, на «да» или «нет». И постарайтесь не возбуждать его. И еще – не очень долго, хорошо?

Хольгер кивнул и фон Виттерсбах отошел к двери, но из палаты не вышел.

– Добрый день, господин Рейнгрубер. Я из полиции. Оберкомиссар Вюнш. Мне нужна ваша помощь.

Хольгер как мог, старался скопировать манеру разговора доктора. «Вопросы, на «да» и «нет»? Попробуем начать с простого»

– Вы работали детективом в полиции?

– Да.

– Вы помните, что такое Хинтеркайфек?

На лице старика появилось болезненное выражение, но он все же ответил:

– Да.

– Вы помните, что там произошло?

– Да... Да... Да! Их всех убили!

Последние слова Рейнгрубер буквально прокричал, но тут же успокоился и снова уставился в окно. Хольгер обернулся на фон Виттерсбаха, но тот кивнул, разрешив продолжить.

– Вы слышите меня?

– Да.

– Вы мне поможете?

– Нет.

Вюнш разочарованно выдохнул, но вдруг, впервые за время разговора, Рейнгрубер посмотрел прямо на него:

– Ты видел следы?

– Следы?

– На снегу... Ты видел следы?

– Нет, расскажите мне о следах.

«Неужели хоть что-то!»

– Стальной носок, пятиугольный лес, растущий внутрь, и

кровь...

– Я не понимаю. Вы говорили про следы!

– Слушай: стальной носок, пятиугольный лес, растущий
внутри, и кровь...

– О чем вы сейчас говорите?

– О следах.

– Это то, что вы видели? Это и есть следы?

– Да.

Хольгер постарался запомнить слова Рейнгрубера. «Проклятый фон Виттерсбах с проклятыми запретами!» Георг же
вновь начал говорить:

– Все они меня обманули. Они говорили, что он мертв.
Они говорили, что его разорвало на части. Где эти части?

– Вы про Карла Габриеля?

– Он мертв.

– Тогда про кого?

– Про младшего.

– Про Йозефа Грубера?

– Он мертв.

– Про Андреаса Грубера?

– Он мертв.

– Кто забрал фотографии из дела?

Хольгер попытался направить Рейнгрубера в нужное ему
русло.

– Предатель... Предатель... Предатель...

Георг впадал в ступор, повторяя одни и те же слова.

Вюнш, в отчаянии, задал последний вопрос:

– Кто их убил?

– Предатель!

С этими словами старик бросился на Хольгера и попытался захватить его за шею. Вюншу с некоторым трудом удалось перехватить руки Георга. Подбежали доктор и санитар.

– Выйдите!

Хольгер понимал, что спорить бесполезно. Перед выходом из палаты он услышал крики Рейнгрубера:

– Кровать рядом свободна! Я жду тебя! Тебе не сбежать от них!

Хольгер вышел из палаты, с этажа, из приемной на улицу и закурил. Через пять минут он вернулся в кабинет доктора фон Виттерсбаха за вещами. Кроме того, нужно было прощупать почву для реализации идеи Майера – составления психологического портрета убийцы. Других психиатров, помимо фон Виттерсбаха, Вюнш не знал, поэтому решил начать с него.

– Простите, что довел его до такого состояния.

– Не вы его довели до такого состояния, а болезнь.

Хольгер задал беспокоивший его уже пару дней вопрос:

– Почему он стал таким? Я знаю, что в последние годы работы он был одержим этим делом, но неужели это могло свести человека с ума?

Доктор посмотрел на Вюнша долгим взглядом, после чего ответил:

– Мы не можем ответить на вопрос, почему это происходит. Официальная психиатрия не знает, почему возникают такие заболевания. Впрочем – доктор перешел на лекторский тон – есть несколько теорий. На мой взгляд, верно следующее: пускай некоторые психические расстройства и свойственны всем расам, такие явления как шизофрения или паранойя являются следствием конкретной расовой принадлежности. Например...

Доктор закопался куда-то в ящики своего стола и через некоторое время извлек из него два предмета, в которых Хольгер не сразу распознал лобные доли двух черепов.

– Лобная доля черепа, которую я держу в левой руке, принадлежала еврею, то есть представителю семитской расы, а та, которую держу в правой – представителю арийской расы. Видите вот этот бугорок на еврейском черепе над левой глазницей?

Вюнш не увидел, но доктор не обратил на это внимание:

– Такой бугорок есть у всех представителей семитской расы. А на вашем, моем или вот на этом арийском черепе его нет. Наша, так называемая «официальная» наука считает, что этого не может быть, но я утверждаю, что этот бугорок оказывает давление на мозг и может приводить к тяжким психическим расстройствам и склонности к извращениям...

Хольгер выдержал еще две минуты лекции о черепах, посмотрел на часы и поспешил откланяться. Он решил не привлекать доктора фон Виттерсбаха к расследованию. Уже у

дверей кабинета Вюнш спросил у сидевшего за столом психиатра:

– Но ведь Рейнгрубер – немец. Он родился в Германии и прожил здесь всю свою жизнь.

– К сожалению, это совершенно неважно. Согласно свидетельству о рождении, мать господина Рейнгрубера звали Сара Блюмбах. Судя по имени, она была еврейкой, а значит и Георг Рейнгрубер – еврей...

Хольгер покинул лечебницу со стойким желанием никогда больше даже рядом не проезжать с этим местом.

Глава 13

Слишком много бумаг

Из лечебницы Хольгер отправился напрямик в Управление. Нужно было обратиться в полицейский архив – они должны были вести запись запросов дела №44518. Кроме того, Вюнш хотел приложить фотографии со вскрытия к делу.

Зайдя в свой кабинет, Хольгер тщательно проверил расположение предметов в комнате и в ящиках стола. На старую привычку наложились обстоятельства этого расследования. «...Когда больному кажется, что кто-то или что-то следит за ним с целью ему навредить...» – слова доктора фон Виттерсбаха барабанной дробью прозвучали у него в голове. «Да тут и впрямь с ума сойдешь!». Вюншу было жизненно необходимо привести мысли в порядок, для этого у него был

проверенный способ.

Работа с записями помогла – теперь Хольгер готов был двигаться дальше. За час спокойной вдумчивой работы он разгадал ребус Рейнгрубера с лесом, растущим вовнутрь и «армейская» версия нашла еще одно, пускай и косвенное, подтверждение. Рейнгрубер говорил о заклепках на подошве сапога. Стальной носок, а потом несколько десятков заклепок с пятиугольными шляпками – эта компоновка была Хольгеру знакома. Именно такую подошву имели сапоги, поставлявшиеся на Западный фронт. Насколько было известно Вюншу, на Восточном фронте подошва несколько отличалась.

Хольгеру было очевидно, что Рейнгрубер говорил о следах на месте преступления, в том числе – кровавых следах. Армейские сапоги всплывали в деле не в первый раз: о следах упоминал Шварценбаум, о них говорилось в деле, Аумюллер упоминал гематомы, возможно оставленные сапогом, в своих заметках. Само по себе это не о чем не говорило – такие сапоги, произведенные в годы Войны с избытком, до сих пор носились гражданами самых разных возрастов и сфер деятельности, но все же вовсе не принимать их во внимание было нельзя.

В целом же, Хольгер был разочарован визитом к Рейнгруберу. Ясно, что ожидать от него, в его нынешнем состоянии, откровений было глупо, но, за исключением описания следов, его слова вовсе не имели ценности или, возможно, име-

ли, но Вюншу не хватало ума и осведомленности, чтобы их верно оценить. «Все это – теоретизирование на пустом месте. Нужны факты. Из фактов есть: фотографии тел, показания Шварценбаума, заметки Аумюллера, следы от сапог военного образца, непонятное изъятие из дела фотографий дома и участка... Это все. А еще есть целая охапка предположений и умозаключений разной степени обоснованности. Плохо работаешь, хотя шансов с самого начала было немного...». Обругав себя за медлительность, Хольгер запер кабинет и направился в полицейский архив.

– Ааа, Вюнш! Тебя ли я вижу? Ты сбежал из больницы и решил свалиться на мою бедную голову с тучей вопросов?

– Именно! Я рискую умереть от заражения крови, но что это перед возможностью испортить тебе жизнь?

Смотритель Архива Центрального управления Баварской полиции Каспар Шнайдер, как всегда, пребывал в благостно-язвительном расположении духа. Каспар появился в архиве за пару месяцев до перевода в Мюнхен Хольгера. Еще одна жертва бескрайней Войны – под Пашендейлом в 1917-м рядом с ним разорвалась граната. Левую ступню не спасли, а в ногах осталось несколько неизвлеченных осколков. Жесткие боли в ногах Шнайдер закалывал морфином, в чем Вюнш не видел для себя возможности его винить. Каспар обладал язвительным характером, что отталкивало от него значительную часть окружающих, но с Хольгером они были в приятельских отношениях. Вюншу импонировали прямо-

та и независимость суждений Шнайдера, а Каспару то, что Вюнш не осуждал его попусту и не рассказывал, как надо жить, вдобавок – оба любили шахматы и были достойными соперниками друг другу.

Кроме того, Хольгера и Каспара роднил боевой путь. Согласно их совместным подсчетам, за время Войны они семь раз оказывались на одном участке фронта, в пределах нескольких километров друг от друга. Скорее всего, им даже довелось встречаться, потому что оба оказались в сводном батальоне, который в августе 17-го года больше суток сковывал силы английской дивизии близ Лангемарка. Через две недели Каспар лишился ноги и отправился домой, а Хольгер просидел в том проклятом бельгийском болоте еще два месяца – до конца октября.

Если же говорить о работе, то выяснилось, что старый пехотинец и сын старого пехотинца (покойный отец Шнайдера воевал еще в 1870-м во Франции) отлично подошел для работы с документами. Начав с роли мальчика на побегушках, Каспар за пять лет стал полноправным властелином отдельного крыла здания Управления, выделенного под архив.

– Как ты, Счастличик? Каково тебе в нашей юдоли скорби, среди тех, кого не милуют ножи, кастеты, пули и снаряды?

– Бывало и лучше, но, в общем, сойдет!

Приятельское фехтование на змеях могло продолжаться часами, а Хольгер был здесь по делу.

– Послушай, Каспар, пару недель назад Калле забирал у тебя одно дело...

– Калле у меня много дел забирал! На улицах совсем перевелась нечисть и вам – ищейкам – нечем заняться, что ли? На кой Калле поднял столько старых, пыльных дел?

– Это не он придумал, сверху новые власти приказ дали.

– Нацисты, они такие. Им только волю дай...

– Так вот! Одно из этих дел пихнули мне, аккурат после выхода на работу.

– А от меня ты чего хочешь? Неужели ты его уже раскрыл и пришел сдавать на полку?

– Загвоздка случилась с этим делом – из него фотографии пропали.

– Что за дело? Какой номер?

– Номер 44518. Но ты не спеши копать. Послушай. Картина выглядит следующим образом: дело 1922-го года, нераскрытое. Его то и дело поднимал детектив по имени Рейнгрубер, и не позже сентября 26-го года обнаружил, что в деле не хватает фотографий. Насколько я знаю, его поднимал только он и вот недавно – Калле. Ты не мог бы посмотреть по книгам выдачи-приема, кто мог брать дело между 22-м и 26-м годом?

– Эх, меня еще в сентябре 26-го здесь не было, а то я уж решил, что наконец-то вскрылись мои манипуляции с делами...

С этими словами Каспар захромал на своем деревянном

протезе куда-то в глубины лабиринта из шкафов и полок. Через некоторое время оттуда донесся приглушенный голос:

– Хольгер, перестань быть идиотом! Иди сюда! Или ты думаешь, что я потащу все эти журналы к тебе? Они тяжелые, между прочим!

Шнайдер немного нарушал инструкцию, но работы действительно предстояло много, а оформление пропуска заняло бы лишнее время.

Вюнша охватывало странное чувство, когда он входил в полицейский архив – как в детстве, когда он долго не мог решиться войти в темную комнату. Хольгер стоял на пороге и вглядывался в черноту. Что ждало его там? Серый волк или ведьма? Или просто пустая кухня? Он до сих пор помнил, как впервые самостоятельно переборол страх и вошел в темноту – Вюнш до сих пор был уверен, что именно этот поступок был самым отважным в его жизни.

Стеллажи, шкафы, полки и ящики сплетались в очертания темной кухни. Что ждало его здесь? Убийцы, насильники, мошенники, грабители или просто старая бумага? Хольгер давно не был ребенком и научился пресекать страх перед неизвестным быстро и решительно, поэтому он просто шагнул в вечно полутемный архив.

Каспар сидел за небольшим конторским столом и читал какую-то тетрадь. Не поднимая головы, он спросил у Вюнша:

– Какой, говоришь, номер?

– 44518.

– Садись и удивляйся. Я читаю сейчас журнал посещений за этот апрель. Ты уверен, что дело взял Калле или просто предполагаешь?

– Просто предполагаю. Я так решил потому, что именно он мне его передал.

– А теперь посмотри вот на эту запись от второго апреля. Вюнш приблизился и посмотрел на надпись, на которую указывал Шнайдер. «02.04.33. Дело №44518 выдано штурмфюреру³⁷ СС Вольфу по личному распоряжению полицей-президента³⁸ Мюнхена Гиммлера» – сказать, что Хольгер был удивлен – значило, ничего не сказать.

– Хольгер, а во что ты ввязался?

– Не знаю, Каспар. Я впервые слышу об этом от тебя.

– Я этого Вольфа запомнил. В черном весь, в форме этих самых СС. И запрос за подписью Гиммлера он предъявлял. Я только номер дела не запомнил дальше двух четверок, а ты мне его напомнил.

Генрих Гиммлер был свежеиспеченным шефом Мюнхенской, а значит, в значительной степени, и всей Баварской полиции. Его назначили только в начале марта. Многие старики ворчали, что десять лет назад таких, как Гиммлер, сажали. Активный сторонник и один из ставленников новой вла-

³⁷ Штурмфюрер – звание в СС, примерно соответствует званию лейтенанта.

³⁸ Полицейпрезидент – один из высших чинов немецкой полиции. Начальник городского (Мюнхенского, Берлинского, Лейпцигского и т. п.) полицейского ведомства.

сти. Глава нацистской военизированной организации менее заметной, но более элитной, чем штурмовики. Поговаривали, что канцлер Гитлер недоволен положением, которое занимают штурмовики и делает ставку именно на организацию Гиммлера – на «Охранные отряды», которые давно уже в беседах называли просто «СС³⁹».

От дел полиции это было довольно далеко, по крайней мере, пока, хотя разговоры о создании политической полиции ГЕСТАПО шли, в том числе, и из канцелярии Гиммлера. «Вот что имел в виду Калле, когда говорил об интересе к этому делу сверху!». Хольгер пока не мог понять, как ему к этому относиться. Так или иначе, сейчас его интересовало другое:

– Спасибо тебе, Каспар, что сказал. Я действительно не знаю, какое дело Гиммлеру до этой истории.

– Ну не знаешь, значит, не знаешь. Если ты хочешь получить результат до вечера – садись и принимайся за чтение.

Шнайдер переключился к делам более насущным и подал Вюншу тетрадь за январь 1922-го.

– Нет, 22-й имеет смысл отсматривать только с сентября. До этого времени им занималась следственная группа.

– Подай то... Подай это... Вот все эти журналы, начиная с 1915-го года, ты уже не маленький, читать умеешь. Нужен сентябрь? Находишь сентябрь. Предлагаю двигаться с разных сторон. Я начну с ноября 26-го, а ты с сентября 22-го.

³⁹ СС (нем. – ShutzStaffel) – Охранные отряды.

Увидимся где-нибудь в 24-м. Я, кстати, тогда чуть не женился, ух и стервозная была особа, ну да ладно...

С этими словами Шнайдер углубился в работу. Хольгер последовал его примеру. Через два часа Каспар оторвался от тетрадей и сказал, что должен отлучиться. На его лице Вюнш видел явственную гримасу боли. Он знал, что за этим скрывается и не удивился, когда через пятнадцать минут Шнайдер вернулся с глупой улыбкой на лице. Еще через час Каспар и Хольгер встретились в промозглом мае 1924-го года.

Вюнш потратил эти три часа впустую – никто, кроме Рейнгрубера, не брал дело с осени 22-го до весны 24-го.

– Никто из полицейских, кроме этого Рейнгрубера, за 24-й – 26-й годы дело не запрашивал.

Слова Каспара не радовали.

– Есть одна непонятная запись от пятнадцатого июня 1926-го. Если верить ей – дело запрашивалось Рейхсархивом. Никаких пометок относительно того, зачем им потребовалось уголовное дело, ни даже пометки о том, был ли удовлетворен запрос. Просто запись, без всяких дополнений... Чем чаще я работаю со старыми документами, тем больше понимаю, что до моего появления здесь работа полиции была сродни аду!

«Новые загадки и пища для неудержимого теоретизирования. Впрочем, все пути ведут в Рейхсархив. Если очень-очень повезет, то Майер уже что-нибудь нашел».

– Все это очень странно. Знаешь, Каспар, почему-то, со-

вершенно внезапно, это дело нравится мне все меньше.

– На мое место не меть – здесь занято!

Шнайдер был в своем репертуаре.

– Спасибо тебе, Каспар за помощь. Буду должен.

– Конечно, будешь! Я понимаю, конечно, что ты человек занятой, но мог бы и почаще заглядывать к старым собутыльникам. Стыдно должно быть, стыдно...

– Каюсь и обещаю исправиться, но, как всегда, когда-нибудь потом, а сейчас нужно пообщаться с твоими коллегами из Рейхсархива.

– Ну, удачи! И, Хольгер, будь осторожен.

Последние слова Шнайдер произнес абсолютно серьезно.

Глава 14

Велосипед и розочка

– Добрый день, Франц. Как ваши успехи?

Майер оторвался от рассматривания передовицы старой газеты и подслеповато посмотрел на Вюнша сквозь стекла очков.

– Добрый день, оберкомиссар Вюнш. Бывало и лучше.

Как и опасался Хольгер, сотрудники архива были заняты выполнением нового распоряжения МВД и Майера еще с утра отправили самого разбираться в архивной шелухе. Вюнш нашел Франца в маленьком закутке среди моря стеллажей. Тусклая лампа и небольшая конторка были всеми

удобствами, выделенными молодому полицейскому.

– Рассказывайте.

– Во-первых: с утра я съездил на Лайбахерштрассе...

– У вас есть свой автомобиль?

Хольгер был изрядно удивлен, поэтому позволил себе перебить Майера.

– Нет. Я пользуюсь велосипедом.

Возможно, Вюншу показалось, но он услышал нотки обиды в словах Франца.

– Простите меня, Франц. Про велосипед я просто не подумал.

– Да ничего... Так вот: этот господин Ханнинг на сей раз был дома. Я переговорил с ним, и он смог вспомнить Хольца. Ханнинг говорит, что Хольц действительно жил в восьмой квартире, но съехал в начале 1924-го года. Куда точно, старик не смог сказать – начал путаться, выдавать собственные умозаключения за реальное положение дел. В общем, сказать, где сейчас находится Хольц, мы не можем.

– Вы молодец, Франц. Я, откровенно говоря, и не рассчитывал, что мы его найдем, но в любом случае хорошо, что вы это проверили.

Франц молча кивнул.

– Подали запрос в Народный союз?

– Да. У них тоже многие работники привлечены к работе над родословными, поэтому мне сразу сообщили, что раньше чем через неделю результата не будет.

Этого следовало ожидать, и неделя была еще не самым худшим вариантом.

– А есть какие-нибудь результаты здесь?

– Как вы и предположили, сотрудники архива заняты и помочь не могут. Я получил разрешение обращаться к любым документам, которые могут иметь касательство к нашему делу, ферме или жертвам, но выносить мы ничего из архива не можем. Из интересного: вот, посмотрите, я нашел фотографии некоторых жертв.

Хольгер взял в руки старую передовицу Ингольштадтской газеты от шестого апреля 1922-го года. Кроме сообщения об убийстве, в газете были напечатаны фотографии жертв. Виктория была совсем не похожа на своих родителей. Черноволосая, со скулами, подбородком и носом, не похожими ни на черты отца, ни на черты матери, а еще – она и впрямь была красива. «Само по себе, это ни о чем не говорит...» Маргарита была светловолосой, но имела много черт матери. Не было фотографии Йозефа – сына Виктории, и фотографии Марии Баумгартнер.

– Хорошо, Франц. Есть еще что-нибудь интересное в газетах?

– Да не особенно. Сообщения об убийстве и о ходе расследования. Журналистские откровения низшего сорта. Есть несколько фотографий и зарисовка дома, но только снаружи.

– Это уже кое-что, Франц! Покажите.

Майер подвинул к нему несколько отложенных в сторо-

ну газет. Выцветшая от времени печать низкого качества и размытые снимки – но это было хоть что-то. Первое же, что бросилось в глаза Хольгеру, это то обстоятельство, что большая часть хозяйственных помещений располагалась под одной крышей с жилыми комнатами. Отдельно стояли только сарай, где были найдены тела, и хлев. Такая планировка позволяла убийце не выходить лишний раз на улицу и оставаться незамеченным соседями Груберов. Хольгер предполагал нечто подобное, но без фотографий или плана дома сказать точно не мог. Еще одной загадкой становилось меньше.

– Что-нибудь еще?

– Да. Правда, это не относится к архиву. Я вчера в газете просматривал колонку объявлений – искал психоаналитика, которого можно будет привлечь к расследованию, и нашел доктора Манфреда Иоханнеса. Я, скорее всего, его знаю. Иоханнес имел частную практику в Страсбурге и был достаточно известен в городе. Возможно, это не тот Иоханнес, но попробовать стоит.

– Вы знаете Страсбургского Иоханнеса лично?

– Да, но лишь немного. Один раз передавал ему посылку от одного из парижских друзей – профессоров.

– Хорошая работа, Франц! Съездите к нему завтра. Переговорите. Пока в дело не посвящайте, просто предложите сотрудничество. И еще, Франц, не забудьте взять у него визитную карточку, чтобы я мог составить запрос на привлечение вашего профессора консультантом.

– А если это не он?

– Все равно попробуйте.

Франц молча кивнул, соглашаясь с Вюншем.

После этого Хольгер рассказал о своих результатах. После некоторого размышления он все же решил сообщить Францу об интересе к делу со стороны Гиммлера. Реакция Майера оказалась сдержанной:

– Чем это нам грозит?

– Пока не знаю, возможно, длинными носами, норвящими залезть в расследование. Пока я не вижу особого смысла беспокоиться об этом.

Франц задумчиво кивнул и подытожил результаты Вюнша, выделив главное:

– Таким образом, мы по-прежнему не знаем, кто мог забрать фотографии из дела...

Майер прибывал в подавленном состоянии и Хольгер был вынужден с ним согласиться – назвать сегодняшний день успешным не получалось.

– Я попробую заняться поиском информации о ферме в списках частных и муниципальных земель. Как закончите с газетами, присоединяйтесь.

– Хорошо.

Зал, в котором хранились описи муниципальной собственности и земельных участков находился на первом этаже и был по-настоящему большим. Только войдя в него, Хольгер понял, что они застряли надолго.

Через четыре часа Вюнш вышел в апрельскую вечернюю свежесть и глубоко вздохнул. Плечи и шея ныли, в глаза как будто насыпали песка, а легкие забились архивной пылью. Все это было бы сущими мелочами, если бы удалось хоть что-нибудь найти. «Задерживаться нельзя. Три-пять дней максимум. Потом придется отказаться от поиска фотографий» – с этими невеселыми мыслями Хольгер направился в «Охотника». Сегодня он настолько устал, что не планировал надолго задерживаться и хотел ограничиться лишь одной кружкой пива под ужин, а потом пораньше лечь спать.

Франц Майер был чуть более результативен в своих поисках. Под вечер он из какого-то старого ежедневного новостного листка узнал, что головы жертв были доставлены в Мюнхенский медицинский университет. Полицейские договорились, что завтра Франц съездит туда и попробует узнать об их судьбе что-нибудь определенное. На эту работу Майер вызвался сам – видимо, архив успел ему основательно надоесть, а Хольгер не возражал, лишь дал ключ от своего кабинета и попросил его, прежде чем ехать, посмотреть фотографии со вскрытия. Своими соображениями по поводу армейского ножа он делиться пока не стал.

Тяжелые мысли и очень тяжелая голова сделали его рассеянным, и когда Хелена Кренц поздоровалась с ним, Вюнш даже не смог сразу ее узнать:

– Я не вовремя?

– Нет, что вы! Просто сегодня я сильно устал и немного

потерял опору под ногами.

– Вы говорили, что если я захочу сыграть с вами, то могу найти вас здесь, но если вы сегодня не хотите...

– Пожалуй, хочу, но только противник из меня сегодня будет неважнецкий. Боюсь, что вы слишком легко меня обыгрываете.

Хольгер вымучил из себя улыбку.

– Что вы! Вчера мне просто немного повезло. Скорее, это вам победа достанется слишком легко.

Вюнш сходил за шахматами к Харреру и заказал два бокала вина. Иногда нужно было вносить разнообразие в свою жизнь, пусть сегодня этим разнообразием окажется вино вместо пива.

Как и ожидал Хольгер, Хелена сразу захватила инициативу и повела планомерное наступление. Он вновь сконцентрировался на обороне. Ее движения были чуть резкими, но зато лишенными наигранной томности. Сегодня волосы Хелены вновь были собраны сзади. Ее очень увлекла игра, во всяком случае, в ее глазах он видел блеск настоящего азарта. Вино, которое Хелена выпила намного быстрее, чем он, бросило на ее лицо легкий румянец. «Сколько же тебе лет?» – мысленно обратился Вюнш к ней.

Как и следовало ожидать, он по невнимательности допустил брешь в своей обороне, и изящной комбинацией с участием ферзя и ладьи партия была окончена.

– Вы что, поддались мне?!

В голосе Хелены явственно слышалась обида. «Разгневанная валькирия! Только совсем худая...»

– Нет, поверьте. Просто сегодня я и впрямь – плохой игрок. Надеюсь, завтра вы дадите мне право на реванш?

– Возможно.

Ответ был неопределенным, но по ее лицу Хольгер понял, что завтра будет еще одна игра. Вюнш улыбнулся, и в этот раз ему даже не пришлось себя заставлять это сделать. Хелена встала из-за столика и, достав из кармана аккуратно свернутую полоску ткани, повязала ее на плечо.

– Доброго вечера, оберкомиссар Вюнш.

– Доброго вечера, фройляйн Кренц.

После этого она вновь растворилась в вечере, оставив Хольгера один на один с его утомленностью.

Добравшись домой, он почти сразу лег спать. Вечерняя газета, радио, да и весь остальной мир могли подождать завтрашнего утра.

Глава 15

Пятница

День можно было выбрасывать на свалку. Хольгер копался в бесконечных домах, усадьбах, участках, поселениях, амбарах и не находил то, что его интересовало. Была уже половина четвертого. В пять он договорился встретиться с Майером в своем кабинете. Нужно было подвести итоги пяти дней

расследования, наметить дальнейшие действия и забрать у Франца ключи от кабинета, а после этого Вюншу еще предстояло написать отчет для Калле. Но все это произойдет позже, а сейчас Хольгеру нужно было лишь, чтобы повезло. Чтобы в ворохе документов, в котором не смог бы разобраться даже тот, кто его создал, нашлось то, что было так важно для расследования.

Вюнш взял в руки очередную толстенную папку. На ней было написано: «Участки в частном владении. Округ Шробенхаузен». Это было близко, впрочем, как и предыдущие десять папок. Шробенхаузен был примерно в двадцати километрах от Кайфека. Ферма могла относиться к этому округу, но с тем же успехом она могла относиться и к Ингольштадту – этот город находился в пятнадцати километрах от Хинтеркайфека.

Первые страницы разочаровывали. Какие-то описания, пара карт, несколько списков имен – все не то. Когда, отложив очередной, бесполезный для него, листок, Хольгер увидел фотокарточку со знакомыми по газетным статьям очертаниями, душа его ушла в пятки, чтобы выпорхнуть радостным выдохом из груди. «Нашел!»

В папке было сорок фотографий: участок, кромка леса, дом, сарай, обстановка внутри – все это было снято с разных ракурсов. Не было ни одной фотографии, на которой были бы видны тела или кровь, но съемку точно вели пятого апреля – в день вторичного обыска. К этому выводу Вюнш при-

шел благодаря деталям обстановки, описанным в деле и подписям на некоторых фотографиях.

По всему выходило, что часть фотокарточек, а именно те, на которых были запечатлены тела, следы и место временного проживания убийцы, так и не удастся найти. Во всяком случае, след их терялся основательно. Кроме фотографий Хольгер нашел описание участка от 1886-го года, заверенное нотариусом, документы на снос, карту близлежащей местности, список владельцев земли, начиная с первой половины прошлого века и заканчивая Викторией Габриель. Оставалось неясным, кто являлся владельцем на данный момент?

На карте и на обороте большинства фотографий Вюнш обнаружил еще одну важную деталь – печать полицейского архива с указанием номера дела. «Теперь вы не сможете не отдать их мне! Но что за сволочь вынесла их из нашего архива?!» – Хольгер вспомнил странную пометку о запросе Рейхсархивом этого дела от 26-го года.

Теперь можно было писать докладную Калле, можно было прорабатывать фотографии, можно было ехать в Кайфек и опрашивать очевидцев, но перед этим Хольгер планировал сделать одну важную вещь. «Неужели так просто? Пришел, запросил, забрал нужное, а остальное сдал обратно. И нет никакого полицейского-крота, никто специально не сводил Рейнгрубера с ума, не пытался помешать его расследованию...» – Вюнш до сих пор не мог до конца поверить, что

столько сил и времени было потрачено, даже не ими с Майером, а еще Рейнгрубером, из-за простой халатности, простого небрежения. «Порядок – половина жизни, но другая половина – беспорядок» – старая поговорка, сказанная недавно Йозефом Шварценбаумом, вертелась в голове Хольгера.

Он вышел в вестибюль и подошел к стойке приемной. За стойкой сидела женщина лет пятидесяти. Худая, в очках, с длинным лицом – она бы идеально подошла на роль библиотекаря или архивного работника, если бы об архивных работниках снимали кино и писали пьесы. Хольгер положил тридцать две фотографии и карту – все, на чем была печать полицейского архива – на стойку и сказал:

– Я забираю это.

– Можно узнать, на каком основании?

Вюнш перевернул верхнюю фотокарточку и указал на печать:

– Вы видите эту печать, фрау?

– Да, вижу.

– Вы знаете, что она означает?

Только сейчас женщина наклонилась к печати и внимательно в нее всмотрелась. Хольгер сам ответил на свой вопрос:

– Это печать архива Центрального управления Баварской полиции. У вас есть идеи, как эти документы могли оказаться в вашем ведомстве?

– Но ведь это отделение Рейхсархива, мы имеем приори-

тет перед местными...

– Перед архивом полиции и Рейхсвера⁴⁰ вы не имеете никакого приоритета!

Вюнш не дал ей закончить.

– Это, уважаемая фрау, означает, что один из сотрудников Рейхсархива совершил тяжкое должностное преступление... Но меня сейчас это мало интересует. Я лишь хочу забрать эти документы и подшить их к делу, из которого ваши коллеги их незаконно изъяли.

Вюншу удалось добиться того эффекта, на который он рассчитывал. Несмотря на его полную правоту, женщина не отступилась:

– Я не могу вам этого позволить...

– Почему?

– Выдача документов частным лицам только с личного разрешения директора отделения...

– А я не частное лицо! Я – оберкомиссар Баварской полиции и выполняю в вашем заведении следственные действия! Впрочем, в одном вы правы – я тоже считаю нужным переговорить с вашим директором и надеюсь, что вы не станете чинить препятствий представителю закона и незамедлительно проведете меня к его кабинету!

Хольгеру было немного совестно перед этой, ни в чем не виноватой, женщиной, но поговорить с директором было необходимо, и теперь тот примет его не в свободное время,

⁴⁰ Рейхсвер – Вооруженные силы Германии в период с 1919 по 1935 годы.

а сразу же. В том, что он выйдет из этого здания с фотографиями, Вюнш был абсолютно уверен – закон был на его стороне.

Он поднялся вслед за женщиной на второй этаж и прошел в то крыло, где располагалась администрация архива. Сонная секретарша смерила Вюнша удивленным взглядом, собралась начать задавать вопросы, но ее остановила проводница Хольгера:

– Он со мной, Марция.

После этого она, попросив Вюнша подождать, вошла в кабинет своего начальника. Прошло две-три минуты. Марция с интересом смотрела на Хольгера, а тот, в свою очередь, продумывал грядущий разговор. Женщина вышла из кабинета и сказала Вюншу, что он может войти.

– Здравствуйте, оберкомиссар Вюнш! Я, директор Баварского филиала Рейхсархива Камплъ. Фрау Циллер сообщила мне о сложившейся ситуации. Надеюсь, мы сможем все уладить к взаимной пользе?

Невысокий тучный человек напустил на себя воодушевление и благодушие, но бегающие глаза выдавали его волнение. Хольгер решил не растягивать:

– Как давно вы работаете директором этого учреждения? – вместо приветствия спросил он.

– Девять лет, но, позвольте, какое отношение это имеет...

– Прямое! Вы являетесь соучастником хищения улик, проходящих по уголовному делу.

Хольгер откровенно брал на испуг, но уже почти не сомневался в успехе.

– Да как же? Какое дело? Каким соучастником?

Человек мешком упал в свое кресло и посмотрел на Вюнша с, поистине, животным ужасом. «Перегнул» – пожурил себя Хольгер, и далее говорил чуть мягче:

– В 1926-м году, когда вы уже являлись директором Баварского филиала, сотрудник Рейхсархива изъясил фотокарточки и еще кое-какую информацию, подшитую к делу о массовом убийстве. Об убийстве, понимаете?

Директору хватило сил лишь кивнуть.

– Я не знаю, зачем это было сделано. Может, для пополнения фонда Рейхсархива, а может... для создания помех следствию. Так или иначе, документы, способные помочь в поимке убийцы, были изъяты из уголовного дела. Вы прекрасно знаете, что это преступление, причем очень серьезное.

Директор снова кивнул.

– Представьте себе мое удивление, когда я нахожу в вашем архиве документы с этой вот печатью.

Хольгер указал на оборотную сторону фотографии.

– Понимаю, что вы, скорее всего, в этом не виноваты...

Директор энергично закивал

– ...но факт халатности, в том числе вашей, налицо! У меня нет ни времени, ни желания искать того, кто совершил этот поступок, но вот на вашем месте, я его личность установил бы как можно скорее. Сообщать своим коллегам я не

буду, пока...

Кампль выдохнул, чуть ли не впервые с того момента, как Хольгер вошел в кабинет.

– ...но если я или другие следователи снова наткнутся на дело, в котором будет явно отсутствовать какая-то часть документов, мы будем знать, где искать виновных, и я от себя могу вам пообещать, что в этом случае у вашего кабинета смениться хозяин. Это понятно?

– Д-д-да.

– Хорошо! Теперь касательно этих фотокарточек и карты местности – на каждом из этих документов есть печать полицейского архива. Мне нужны эти документы и поэтому я готов помочь вам – я заберу их с собой и сам подошью к соответствующему делу. Впредь же, если вашим сотрудникам попадутся документы с подобной печатью, вы будете отправлять их с курьером в архив Центрального управления Баварской полиции, лично в руки смотрителю Шнайдеру. Я его предупрежу. Это понятно?

– П-понятно.

– Хорошо, теперь, если у вас нет вопросов, я забираю эти документы и прощаюсь. Всего доброго!

– Д-до свидания.

Хольгер чувствовал удовлетворение. Возможно, он был чересчур жёсток по отношению к фрау Циллер и директору Камплю, но повторения подобного допускать было нельзя. В приподнятом настроении он отправился в Управление.

Стрелки его часов показывали половину пятого.

Через сорок пять минут Вюнш вошел в свой кабинет. Майер уже был здесь и сидел спиной к двери. Заняв свое место, Хольгер внимательно посмотрел на Франца. Обычно непроницаемое лицо Майера было задумчиво и немного печально.

– Как ваши дела, Франц?

Молодой человек отрешенно посмотрел на Вюнша, будто впервые обратив внимание на его появление.

– Бывало и лучше.

– Вы съездили к психиатру и в университет?

– Да, съездил.

Майер начинал выходить из оцепенелого состояния, в котором застал его Вюнш.

– Это оказался тот самый Иоханнес, и он согласился нам помочь.

Франц достал из внутреннего кармана пиджака визитную карточку доктора и положил на стол.

– Отличные новости, Франц! Вы договорились с ним о встрече?

– Да, он согласился принять нас в понедельник, в три часа. «Сгодится. Значит, на ферму поедем во вторник».

– Хорошо! Я сегодня же к докладной записке для оберста Иберсбергера приложу запрос на его привлечение к расследованию. А что на счет университета и, кстати, вы смотрели фотографии со вскрытия?

– Да, смотрел, и различий с отчетом доктора Аумюллера не увидел.

– У вас есть идеи насчет орудий убийства?

– Конкретных идей нет, но есть некоторые соображения. Убийца вряд ли принес все это с собой. Я думаю, что какие-то предметы в доме или в сарае могли быть орудиями убийства, но у нас не выйдет это проверить, так как нет даже фотографий внутренней обстановки.

– А что вы думаете насчет округлой раны на лице девочки?

– Не знаю даже. Не могу сказать ничего определенного.

– А у меня есть одна мысль по поводу этой раны. Похожие следы оставляли армейские ножи определенного типа. Не возьмусь утверждать, что это был именно такой нож, но другого объяснения этой странной ране пока нет.

Майер кивнул, принимая довод Хольгера.

– Франц, вам ничего не напомнили раны крестообразной формы? Я готов поклясться, что уже видел такие раны, но никак не могу припомнить, где именно...

Майер отрицательно помотал головой, а потом, все же, сказал вслух:

– Я подумаю об этом.

– Подумайте. Так что там насчет университета?

– Я побывал там. Я не рассчитывал особенно ни на что, просто обратился по поводу останков жертв к одному из сотрудников. Меня провели в их анатомический музей, к его

смотрителю. Он показал мне документы, какие-то справки, а потом повел меня в запасник... Головы все еще там.

Теперь Хольгеру было понятно подавленное настроение молодого коллеги.

– Они там в банках, с этим... как его? формалином. Не черепа, а именно головы. Я никогда такого не видел...

– Франц, вы заметили различия с фотографиями и отчетом Аумюллера?

– Нет, но не буду врать, что внимательно всматривался...

«Да, совсем не повезло парню с первым делом...»

– Вы спросили у смотрителя, какие у него есть идеи насчет орудий убийства?

– Только общие вещи: острый тяжелый предмет, тупой тяжелый предмет...

– Понятно. Вы курите, Франц?

Майер молча помотал головой. Он все еще был под впечатлением от увиденного.

– Попробуйте. В такие моменты, когда не получается справиться с тем, что видишь, когда разум отказывается понимать происходящее, мне папиросы очень помогают. Возможно, помогут и вам.

Хольгеру хотелось хоть как-то подбодрить молодого коллегу. Он вспомнил, как сам впервые столкнулся с тем, что не в состоянии оказался себе объяснить. Вюнш тогда еще служил полицмейстером в Киле. В доме на одной из окраин города обнаружили два трупа: женщины и мальчика. Вюнш с

напарником тогда первыми прибыли на место.

Хольгер очень хорошо запомнил вонь в той грязной, нищей дыре. Жертв зарубили топором. Вюнш повидал много, даже слишком много смертей за свою жизнь. Он видел, как людей разрывало на части, как они сгорали заживо и как выплевывали свои легкие, но все это было на фронте. А теперь он видел здесь, в обычной жизни, как кто-то ворвался в комнату и нанес женщине и ребенку несколько десятков ударов топором. К своему стыду, в тот день Хольгер не смог удержать завтрак внутри.

Франц все так же, не говоря ни слова, кивнул, а Вюнш перевел разговор к своим сегодняшним результатам:

– Я, между прочим, могу вас обрадовать! Мне повезло найти фотографии дома и участка.

– Они у вас? Вы смогли их вынести?

Хольгер рассказал произошедшую в архиве историю.

– Я не знаю, кто и зачем их забрал и шансов выяснить это у нас немного, но версию о том, что в деле может быть замешан полицейский, мне кажется, можно исключить.

После кивка Франца Вюнш продолжил:

– Я планировал заняться фотографиями в понедельник, если хотите, могу пока отдать их вам.

С этими словами Хольгер подвинул сверток с фотокарточками и картой в сторону Майера. Тот взял сверток в руки и, после некоторого раздумья, кивнул.

– На следующей неделе мы встретимся с доктором Йохан-

несом – это в понедельник. Во вторник и далее – это как получится – поедем в Ингольштадт и попытаемся найти Рауша, а по возможности и Носке, кроме того, придется съездить в Кайфек и на самую ферму – переговорить с живыми свидетелями и, пускай дома уже давно нет, осмотреть участок. В пятницу, очень надеюсь, мы получим ответ от Народного союза. Вы согласны?

– Вы планируете передавать доктору Иоханнесу дело?

– Нет. Я хотел вас попросить записать те моменты, которые могут помочь доктору охарактеризовать преступника. Вам виднее, что это будет.

Ответом был очередной немой кивок.

– Хорошо. Вроде бы ничего не забыли. Так как я являюсь ведущим следователем по этому делу, ваша подпись на докладной записке не нужна, а посему – можете идти. Мне кажется, вы заслужили два дня отдыха.

Когда за Майером закрылась дверь, Хольгер взял из стола чистый бланк и написал на имя полицейюберрата полиции Карла-Хайнца Иберсбергера докладную о ходе расследования. Вюнш писал откровенно, опустив лишь роль Рейнгрубера и Аумюллера в пропаже фотографий со вскрытия и переложив ответственность за пропажу всех фотодокументов на безвестного сотрудника Баварского филиала Рейхсархива. Не забыл Хольгер и о запросе на привлечение к расследованию доктора Иоханнеса, приложив к запросу его визитную карточку. У Калле вполне могли возникнуть вопро-

сы, но разрешение на это он, скорее всего, даст. Придирчиво оценив результат, Вюнш поставил дату с подписью и, запев кабинет, отправился к своему начальнику.

Хелены Кренц уже не было на ее рабочем месте, но в этом не было ничего удивительного – часы показывали ровно семь вечера. Однако в том, что Калле еще работал, Хольгер был уверен. Иберсбергер, как и всегда, встретил его широкой улыбкой:

– Привет, Хольгер! Как твои дела?

– На самом деле неплохо, есть некоторые подвижки. Принес тебе докладную.

– Да, да, да... Давай-ка ее сюда.

– Мне подождать?

– Да, подожди. Сразу и на вопросы ответишь.

Калле углубился в чтение и оставил Вюнша предоставленным самому себе.

Через десять минут он закончил читать и заговорил:

– Во-первых: переходи ты уже на печатную машинку. На первый раз прощаю, но это вообще-то не рекомендация, а приказ.

Хольгер мысленно обругал себя за то, что забыл о новом формуляре.

– Во-вторых: молодцы, что нашли фотокарточки. Есть шансы узнать, что за ублюдок их вынес?

– Пожалуй, нет. Много времени прошло, к тому же, скорее всего он действовал самоуправно. Я не удивлюсь, если в

журнале поступлений нет записей об этих фотокарточках, во всяком случае, печати Рейхсархива на них не было. Не могу понять, зачем он это сделал. И ведь он точно знал, какое дело нужно брать... По-хорошему надо все же его поискать, но, думаю, что это не приоритет в этом деле.

Калле, после некоторого размышления, кивнул и продолжил:

– В-третьих: чья эта идея с привлечением психиатра, твоя или Майера?

– Майера.

Хольгер не видел необходимости врать.

– Зачем?

– Он считает, что психиатр сможет определить некоторые черты характера убийцы, а это в свою очередь сделает проще его поиски.

– Ну, допустим. Разрешаю. Как тебе вообще Майер?

– Толковый парень. Умный, исполнительный, пока недостаточно хладнокровный и терпеливый, но это придет с опытом. Образованный, это прямо бросается в глаза – то, чему я учился несколько лет по ходу работы, для него очевидно уже сейчас.

– Мне тоже показалось, что парень толковый. Не выяснил, на кой ему с таким образованием работа в полиции? Ты, кстати, знаешь, где он учился?

– Да, знаю, что учился в Сорбонне. А по поводу того, «на кой?» – молчит, говорит, что в Германию переехал, чтобы

быть среди своих, а вот зачем в полицию пошел, мне не сказал, а я не стал лезть ему в душу.

– Ладно, это нас, в общем-то, не касается. Ты мне вот что скажи: я знаю, что ты не станешь что-то утверждать, пока не будешь полностью уверен в своей правоте, но все же – есть у тебя какие-нибудь теории относительно этого дела?

Хольгеру очень не нравилось ходить по тонкому льду бездоказательных версий, но не ответить он не мог:

– Пока я склоняюсь к тому, что убийца, как минимум, служил в армии, а возможно, что и на фронте побывал. Следы от сапог армейского образца, которые вспомнили Шварценбаум и Рейнгрубер, округлая рана на лице девочки... Помнишь, в 16-м появились ножи с выступающей вперед гардой? Эта гарда, если ткнуть ей в лицо, оставляла очень похожую рану.

Калле прикрыл глаза, вспоминая, и через минуту кивнул. Хольгер продолжил:

– Да и в целом – уверенность, с которой действовал убийца... Этот человек убивал не впервые. Однако я пока не готов утверждать что-то однозначно. На следующей неделе мы с Майером съездим в Кайфек и на то место, где была ферма – возможно, узнаем что-нибудь новое. Кроме того, заедем в Ингольштадт. Согласно личному делу, Рауш – один из полицеймейстеров, первыми пребывавших на месте – до сих пор служит там.

– А когда встретитесь с психиатром?

– Майер договорился на понедельник.

– Хорошо! Одобряю. Продолжайте работать по этому делу.

– Можно идти?

– Да. Жду доклада от тебя в следующую пятницу. Доброго вечера, Хольгер.

– И тебе, Калле.

Глава 16

Утро после

За последние двенадцать часов Хольгер узнал два очень важных обстоятельства. Первое из них заключалось в том, что дедушка Хелены, научивший ее играть в шахматы, в начале века был адъютантом генерал-фельдмаршала графа фон Шлиффена⁴¹, что, пускай и опосредованно, объясняло ее склонность к остроатакующей манере игры, направленной на быструю победу. Вторым обстоятельством являлось то, что во время сна Хелена постоянно ворочалась и острыми

⁴¹ Шлиффен, Альфред фон – немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал, начальник Генерального штаба Германской имперской армии в 1891-1905 годах. Разработал стратегический план войны, подразумевавший поэтапно: напряжение большей части германских сил на германо-бельгийской границе, молниеносный разгром Бельгии и захват Парижа, принуждение Франции к выходу из войны, переброску освободившихся сил на восток против российских войск, разгром российской армии, оставшейся без поддержки союзников по Антанте. План лег в основу стратегии Германии в Первой мировой войне, но с заметными изменениями. Реализовать план Шлиффена не удалось.

коленками и локтями весьма чувствительно пихала Вюнша. Он проснулся раньше нее и первое, что предстало перед его глазами после пробуждения, это ее обнаженная спина. «Маленькая коричневатая родинка на правом плече – вчера я ее не заметил...» Хольгер положил руку на плечо Хелены, накрыв ладонью эту родинку. Вопреки ожиданиям Вюнша, мираж не растаял – он действительно прикасался к теплому и вполне вещественному плечу спящей девушки. Спина Хелены вызвала в Хольгере странную ассоциацию с белой писчей бумагой, которую приносил с работы отец, когда Вюнш был еще совсем ребенком. Хольгер часто делал из нее кораблики.

Девушка пошевелилась и он, боясь ее разбудить, отдернул руку.

– Положи руку обратно на плечо.

«Интересно, как давно она не спит?». Некоторое время прошло в молчании. Наконец Хольгер задал не дававший ему покоя вопрос:

– А как это произошло?

Он прекрасно помнил вчерашний вечер, но причинно-следственные связи не выстраивались в голове. Хелена повернулась к нему лицом, не забыв попутно въехать коленом ему в бедро. Глаза девушки остались закрытыми, но она начала говорить:

– Ты был уставшим и грустным, опять проиграл мне в шахматы и немного выпил. Возможно, ты даже посчитал ме-

ня красивой. Я тоже была уставшей, кроме того, мне было очень одиноко, а ты был рядом, и мне было с тобой хорошо.

– Ты красивая.

Она приоткрыла один глаз и внимательно посмотрела на него.

– Лжешь...

– Нет, не лгу.

Вновь установилось молчание. Хелена, как показалось Вюншу, задремала, да и он сам начинал проваливаться в сон. «Хорошо, что вчера нашлись фотографии! Хорошо, что сегодня никуда не надо!»

Воцарившуюся тишину прервал стук в дверь. Хольгер глянул на часы и чертыхнулся – было десять утра, а в это время в субботу обыкновенно приходил домовладелец с уборщиками. Вюнш натянул брюки, вышел в прихожую, сделал глубокий вдох и открыл дверь.

– Доброе утро, господин Вюнш. С вами все в порядке?

Обыкновенно к этому времени Хольгер уже не спал и встречал домовладельца полностью одетым.

– Доброе утро, господин Дрекслер. Да, все хорошо, только чувствую себя неважно.

Господин Дрекслер – полный седеющий мужчина, лет на двадцать старше Хольгера – озабоченно цокнул языком:

– Простудились? С такой дрянной весной, как в этом году, заболеть – раз плюнуть.

– Скорее всего.

– Принести вам аспирин или еще одно одеяло?

– Нет, спасибо большое, у меня все есть.

Вюнш чувствовал себя школьником, рассказывающим учителю душещипательную историю о том, почему он не сделал заданные на дом прописи.

– Впустите нас для уборки или нам зайти попозже?

– Попозже, если позволите. Лучше всего в понедельник.

– Хорошо, тогда зайду в понедельник. Выздоровливайте, господин Вюнш...

Закрыв дверь, Хольгер привалился к ней спиной и просто-так примерно с минуту, а после этого вернулся в спальню и увидел, что Хелена уже надела белье и блузку. Когда он вошел, она отложила юбку и, выпрямившись, спросила:

– Ты хочешь, чтобы я ушла?

Занавески были задернуты, но через небольшую щель между ними пробивался луч солнца, освещавшего погожее апрельское утро. Этот луч делал видимыми пылинки, летающие в воздухе, и упирался в фигуру Хелены, бросая свет на ее волосы, черты лица, на все ее тело. Хольгер не хотел, чтобы она уходила.

– Тебя никто не хватится? – спросил он через два часа. За это время они успели позавтракать скромными домашними запасами Вюнша и один раз сыграть в шахматы. Хольгер опять проиграл, но прогресс был налицо. Теперь он смог втянуть Хелену в долгую позиционную борьбу, в которой ему просто немного не повезло в эндшпиле.

– Моя соседка сама бывает в нашей квартире настолько редко, что не заметит моего отсутствия, а больше у меня в Мюнхене никого нет.

– Тебе сегодня надо куда-нибудь?

– Да, в три часа. Сегодня в пивной «Погреб Совета» на Мариенплатц будет митинг. Я должна буду помочь в организации. Потом я приду в «Охотника» и ты, скорее всего, меня обыграешь.

Она широко улыбнулась.

– Ловлю на слове!

– А какие у тебя планы? Как ты обычно проводишь выходные?

– Скучно я их обычно провожу. Я вообще человек скучный – люблю читать и слушать музыку, иногда хожу на концерты или в театр... А сейчас я очень скучно хочу тебя поцеловать...

Когда Хелена ушла, он понял, что попал в клетку, которой избегал большую часть своей жизни. Хольгер включил радиоприемник, откинулся в кресле и закурил. Была половина четвертого.

Воспоминания мощным потоком накрыли его сознание. Вюнш вновь увидел обнаженную Лили Моргенштерн. Им было по семнадцать лет, и они всерьез думали, что это и есть любовь. В тот вечер все случилось так стремительно и странно, что они даже не успели ничего понять. Держание за ручку внезапно переросло в испуганный взгляд – для нее это тоже

был первый раз. Хольгер не помнил, почему они расстались, но на Войну его уже провожала другая.

Марлен Кальтц была настоящей красавицей из хорошей семьи, нравилась родителям Хольгера и перестала писать уже к весне 15-го года. Он почему-то не смог вспомнить ее лицо. Первое время Вюнш еще думал, что что-то случилось, что у нее есть веские причины для молчания, но честное до жестокости письмо отца однозначно указывало на то, что вескими причинами был нотариус средних лет и состоявшаяся несколько недель назад свадьба Марлен с ним. На следующий день, во время атаки, Хольгер бросился из окопа с твердым намерением закончить свою жизнь с ее именем на устах. К вечеру у него был лишь разорван рукав до локтя и обожжено изменой сердце. После этого туман Войны надолго заслонил от Вюнша солнце теплых чувств.

Много позже в Киле он встретил дочь аптекаря Клару Мариенхофф. В то время Хольгер представлял из себя жалкое зрелище – механизм, работающий вхолостую. Общение с ней будто зачеркивало предыдущие годы, снимало черную пелену с его глаз. Глядя на Клару, Вюнш видел, что его жизнь может пойти по-другому, может перестать быть непрерывной борьбой со своим прошлым.

Он действовал аккуратно, чтобы не спугнуть и не разрушить свою столь иллюзорную возможность счастья, но стальной сапог реальности ударил его под дых. Испанка забрала Клару из мира за три дня. Он стоял на ее похоронах,

и реальность утекала сквозь пальцы. «Ведь могло же получиться...»

С тех пор Вюнш никого не мог полюбить. Делал несколько попыток, но все они были скоротечны и безуспешны. Армия научила Хольгера самого заботиться о своем быте, поэтому в жене-домохозяйке он не нуждался, а постель в совсем уж холодные ночи он находил с кем разделить. И вот теперь Хелена Кренц колотила в дверь, закрытую уже больше десяти лет, и была близка к тому, чтобы снять ее с петель.

Вечером они вновь сидели за любимым столиком Хольгера и играли в шахматы. Вюнш пока не знал, где она планирует провести эту ночь и, отчаянно браня себя за нерешительность, все никак не мог попросить Хелену остаться с ним. Разумеется, победа досталась ей легко, но усталость от работы на митинге не позволила девушке в полной мере насладиться очередным успехом.

– Я хочу, чтобы ты осталась сегодня.

– Хорошо, я тоже хочу остаться.

Она ответила так быстро, что он даже не успел испугаться.

Глава 17

Сельский натюрморт

Воскресенье пролетело игривым вином восторга, а вечер ознаменовался первой ничьей. По обоюдному согласию они решили, что приходить вместе на работу пока не стоит. К со-

жалению Вюнша Хелене нужно было появиться в квартирке, которую она со своей школьной подругой снимала в южной части города. Поэтому вечером, сразу после ничейной партии, девушка упорхнула, не избежав, впрочем, прощального поцелуя, а Хольгер долго не мог уснуть, на ставшей вдру неимомерно просторной кровати.

Вюншу снилось что-то отталкивающее и неприятное, но при этом столь мимолетное, что не оставило в его душе ни малейшего следа. Проснувшись утром, он протянул руку к прикроватной тумбе, на которой обыкновенно оставлял на ночь часы, и нащупал какую-то ткань. Вюнш поднес к глазам повязку со свастикой, очевидно, забытую Хеленой. Это сразу подняло ему настроение – появился повод увидеться с ней до вечера.

Апрель, наконец, вступал в свои права – начинало по-настоящему теплеть. Сегодня Хольгер планировал просмотреть фотографии и съездить к психиатру, но, придя на работу, он первым делом зашел в приемную Калле. Хелена встретила его улыбкой, но поздоровалась официально:

– Доброе утро, оберкомиссар Вюнш. Чем могу вам помочь?

Хольгер принял правила игры:

– Доброе утро, фройляйн Кренц. Я лишь пришел отдать вашу нарукавную повязку. Вы оставили ее вчера в пивной, когда мы играли в шахматы.

На лице девушки промелькнуло удивление, быстро сме-

нившееся облегчением. Вюнш же не смог сдержать улыбку.

– Благодарю вас, оберкомиссар Вюнш.

– Не за что. Доброго дня, фройляйн Кренц.

– Доброго дня, оберкомиссар Вюнш.

Дойдя до двери, Хольгер обернулся и, поймав взгляд Хелены, одними губами беззвучно произнес:

– До вечера.

Она кивнула и снова улыбнулась. Выйдя в коридор, Вюнш потратил некоторое время на то, чтобы вернуть себе серьезность и рабочий настрой. Пора было возвращаться к расследованию.

В кабинете побывали за выходные, но это не было странно – самостоятельно поддерживающий порядок на рабочем месте Хольгер три года назад договорился с завхозом Брандтом о том, чтобы у него в кабинете уборку проводили только раз в неделю. Вюнш вернул передвинутые вещи на положенные им места и, в ожидании Майера, принялся еще раз изучать дело и вносить записи в свою книгу.

Хольгеру было немного совестно перед Францем: он рассчитывал на выходных подумать над обстоятельствами дела, а более всего над орудием убийства, оставившим странные крестообразные раны. Вместо этого разум Вюнша был всецело занят Хеленой Кренц, в то время как Майер работал с фотографиями и писал конспект дела для доктора Йоханнеса. Теперь Хольгер немного компенсировал эту несправедливость. Впрочем, результата его утренние изыскания не да-

ли – мысль о том, что он видел уже такие раны, занозой сидела в голове Вюнша, но никак не обретала конкретики, а через полчаса в кабинет вошел Майер.

– Доброе утро, Франц.

– Доброе утро, оберкомиссар Вюнш.

– Отдохнули?

Молчаливый кивок.

– Оберст Иберсбергер разрешил привлечь к расследованию доктора Иоханнеса. Вы сделали записи, которые мы сможем дать доктору для работы?

– Да. И фотографии посмотрел.

Франц достал сверток, который дал ему Хольгер в пятницу, и положил его на стол.

– Появились новые мысли?

– Скорее да. На фотокарточках, где заснята кромка леса...

– Подождите, пожалуйста, Франц. Позвольте мне прежде тоже с ними ознакомиться.

Майер кивнул.

– Я хотел вас попросить съездить еще раз в Народный союз. Скорее всего, они еще не готовы дать нам ответ по поводу Карла Габриеля, но проверить стоит.

Вюншу вдруг пришел в голову принципиально важный вопрос:

– У вас есть оружие?

Франц достал из внутреннего кармана пиджака револьвер.

– Вы позволите?

Майер без возражений передал Хольгеру оружие и тот смог как следует его рассмотреть. «St. Etienne⁴², старый, еще прошлого века. Франц вряд ли является первым его владельцем. На первое время пойдет, но возраст, конечно, великоват – может отказать, причем в самый ответственный момент...»

– Сойдет. Если хотите получить что-нибудь по-новее, обратитесь к обермейстеру Киркхоффу, он в шестнадцатом кабинете.

Франц кивнул, приняв к сведению, и Хольгер вернул ему револьвер.

– Ну, тогда жду вас здесь. Я пока займусь фотографиями, а после поедем к доктору Йоханнесу.

Майер вышел, а Вюнш достал из свертка фотокарточки и карту местности. Сначала он взял в руки карту. Дом Груберов располагался в некотором отдалении от двух соседних усадеб, но, судя по карте, подойти к нему оставшись незамеченным было почти невозможно. Очевидным казалось, что убийца вышел, а скорее всего и вошел в усадьбу с северо-запада со стороны леса, который скрыл его от чужих глаз. Это подтверждали следы, обнаруженные Шлиттенбауэром и ведущие в лес, и тот факт, что собаки взяли след от дома до леса.

Лес представлял собой большой массив, который длин-

⁴² St. Etienne 1892 – французский револьвер, разработанный в 1892 году и стоявший на вооружении Французской армии в обеих Мировых войнах.

ным нешироким языком как бы обнимал Хинтеркайфек с севера, а на запад длился, уходя за край карты. Кромка деревьев находилась к ферме ближе, чем любой из соседних домов. Судя по карте, построек в лесу в пределах трех километров от Хинтеркайфека не было. Зато севернее, вдоль «языка» леса, шла дорога, проходившая через находившуюся восточней относительно фермы деревню. Убийца мог пройти через деревню в северо-западном направлении, сойти с дороги в лес, дойти до дома, а потом, через три дня, вновь выйти на дорогу через лес. К югу от деревни и усадеб была речка, на карте обозначенная под названием Штернбах.

Картина получалась неутешительная: убийца мог войти и выйти из дома, не попадаясь никому на глаза. Однако если он действительно прошел через лес, это значило, что, почти наверняка, он пришел в конкретный дом, а это, в свою очередь, могло означать, что он, либо жил неподалеку, либо раньше уже бывал на ферме. Был еще вариант, что он просто шел вдоль кромки леса, пока не вышел к дому, стоящему в стороне от остальных. «Не спеши! А еще может быть, что убийца плутал по лесу и вышел на дом абсолютно случайно. Это объяснило бы то, что он жил в доме некоторое время – восстанавливал силы» Если истинным было последнее предположение, то расследование теряло всякие перспективы.

Осмотр фотографий, в общем и целом, подтвердил сообщения Хольгера. Кромка леса была совсем недалеко, и вид на усадьбу открывался отличный, причем с разных ракурсов.

Преступник мог стоять под прикрытием деревьев и наблюдать за тем, что происходит в доме, выбирая удачный момент.

Фотокарточки снятые внутри дома показывали довольно зажиточную обстановку. Вещи действительно казались находящимися на своих местах. Хольгер обратил внимание на раскрытый кошель, лежавший на кровати рядом с коляской – это была одна из немногих деталей обстановки, которая упоминалась в деле. Лишь кухня выглядела немного запущенно, что подтверждало теорию о том, что убийца питался припасами, найденными в доме. Фотографий сделанных в подсобных помещениях было совсем немного.

Вюнш еще в архиве обратил внимание на то, что среди найденных им фотографий нет ни одной, запечатлевшей трупы или кровавые следы, поэтому сейчас Хольгер мог видеть только противоположную от входа часть сарая. В хлеву – втором отдельно стоящем строении на ферме – ничего интересного для Вюнша не было. Ясно, что убийца разбросал корм, но, скорее всего, это произошло еще в ночь убийства, и в хлев он больше не входил, а даже если входил, то следов не оставил.

Крайне досадным оказалось то, что временное место проживания, оборудованное убийцей на чердаке одного из подсобных помещений, не было запечатлено на найденных Хольгером фотографиях. Если в пятницу Вюншу казалось, что поиск работника Рейхсархива, забравшего фотографии,

не является важным для расследования, то теперь ему очень хотелось потолковать с этим человеком. Скорее всего, он не имел отношения к убийству, но причина, по которой он взял именно это дело, изъял из него фотографии, куда-то дел те из них, на которых были видны следы преступления и тела, и положил оставшиеся в архив, не пройдя официальную регистрацию материалов, оставалась неизвестной.

Как и ожидал Хольгер, осмотр фотографий дома и окрестностей скорее создавал вопросы, чем давал на них ответ. «Нужно посетить место. Найти, ясное дело, ничего не выйдет, но оценить, составить хотя бы примерную картину произошедшего, совершенно необходимо!»

Вюнш прилежно занес свои соображения в книгу и принялся ждать Майера.

Тот приехал через полчаса с пустыми руками – по Карлу Габриелю все еще ничего не было.

– Я позволил себе запросить дополнительно список личного состава роты, в которой служил Габриель.

– Хорошо, Франц. Возможно, это окажется бесполезным. Рейнгрубер уже опрашивал некоторых из них в 25-м, но проверить их показания, скорее всего, придется.

Умозаключения Майера относительно фотографий не сильно расходились с направлением мыслей Хольгера. Франц допустил, что убийца подойти к усадьбе все же мог через деревню – если он шел по темноте, его вполне могли и не заметить, хотя вероятность того, что он и пришел, и

ушел со стороны леса, была значительно выше. Несмотря на то, что до назначенного доктором Иоханнесом времени было еще около двух часов, Хольгер и Майер решили отправиться пораньше.

Глава 18

Странный метод

На их пути в северную часть города – именно там работал доктор – встал парад национал-социалистов. В последние три-четыре года такие парады обрели настоящую массовость и стали регулярными. Часть улиц в центре была перекрыта, а на объезд времени ушло бы больше, чем на сам парад, поэтому Хольгер с Майером решили подождать. Вюнш поставил свой Wanderer в узком дворике так, что пусть и на короткий период времени, но полицейским оказывался виден каждый ряд проходящих на площадь марширующих.

В начале колонны, как и положено, несли знамена. Штурмовики, да и вообще национал-социалисты не особенно жаловали ни старый имперский черно-бело-красный триколор, ни нынешнее черно-красно-золотое знамя. Они больше любили использовать партийное красное полотнище со свастикой. Оно встречалось в немислимых количествах и сочетаниях. Если в каком-либо здании проходило собрание нацистов, то чуть ли не все здание снаружи и изнутри было покрыто знаменами и штандартами со свастикой. Открывал па-

рад тучный человек, несущий богатое древко со знаменем, испачканным чем-то бурым и, к тому же, имевшим дыру.

– А что за пятна на свастике?

Франц тоже обратил внимание на бурые следы.

– Скорее всего, это знамя, которое было у штурмовиков во время попытки путча в 23-м году. Тогда несколько нацистов погибли и залили знамя кровью. Теперь оно что-то вроде реликвии для национал-социалистов. Говорят, что в Нюрнберге на ежегодном параде НСДАП Гитлер лично держит его и касается других нацистских знамен...

– Как будто освящает их.

– Именно. Нацисты его даже как-то называют... А, вспомнил – «Знамя крови».

Из машины не было видно, кто принимает парад, но, судя по размаху мероприятия, это был кто-то из местных партийных лидеров. «Интересно, а Гиммлер здесь?» – странный вопрос посетил Хольгера. Он еще не видел своего начальника вживую, только на фотографиях в газетах.

За человеком со «Знаменем крови» шло шесть шеренг знаменосцев, в каждой было, по подсчетам Вюнша, человек по десять. После этого потянулись стройные ряды штурмовиков. Все они были одеты в одинаковые коричневые рубашки, темного цвета брюки и кепи с подбородочным ремнем. На рукавах у всех были красные повязки со свастикой, которые у Хольгера теперь ассоциировались с Хеленой. Он невольно улыбнулся.

Разнообразием парад не отличался: штурмовики текли одинаковыми квадратами, иногда перемежаясь такими же квадратами из юношей или девушек – членов молодежных организаций НСДАП. Все они так сильно походили друг на друга, что в какой-то момент Вюншу показалось, что марширующие, пройдя парадом, просто обходят улицу через дворы, а после этого снова формируют квадрат и проходят парадом заново.

Неожиданно, как это часто бывает на парадах, поток людей кончился. За последними штурмовиками ушел и оркестр. Парад был окончен. Достаточно оперативно был открыт проезд и полицейские смогли продолжить свой путь. Хольгер мысленно похвалил себя и Франца за то, что решили выехать к доктору заранее. У них оставалось примерно полчаса до назначенного Иоханнесом времени.

Доктор, судя по всему, принимал пациентов в том же доме, в котором проживал. Двухэтажное просторное строение, которое можно было даже назвать маленьким особнячком, не содержало на своем фасаде никаких вывесок или табличек, оповещавших о врачебной практике хозяина. Хольгер не обратил бы на это здание внимания, если бы рядом не оказался бывавший здесь ранее Франц.

Дверь открыла женщина возрастом около пятидесяти лет. Несмотря на приближающуюся старость, красота еще не покинула ее лицо, и Вюнш мог себе представить, какое воздействие она оказывала на мужчин лет двадцать назад. Франц,

здороваясь, обратился к ней по фамилии Иоханнес, а значит, женщина была либо родственницей, либо, судя по ярко выраженному французскому акценту, супругой доктора.

Небольшая – на два дивана, но богато обставленная приемная, куда их проводила фрау Иоханнес, подтверждала предположение Хольгера о том, что доктор человек далеко не бедный и в постоянном заработке не нуждающийся. До трех часов оставалось всего пять минут и в приемной никого, кроме двух полицейских, не было. Почти ровно в три массивная дубовая дверь кабинета открылась и из него вышла одетая в траур пожилая женщина. Майер и Вюнш поздоровались с ней, но старуха, не сказав ни слова, поспешила удалиться.

– Ааа, юный Майер! Разве уже три?

– Добрый день, доктор Иоханнес. Так точно, три. Это мой коллега, о котором я вам рассказывал в пятницу – оберкомиссар Вюнш.

Иоханнес был лет на пятнадцать старше и на пол головы ниже своей жены. Худой, даже суховатый доктор с неожиданным для Хольгера проворством встал из-за большого рабочего стола и, подойдя к следователям, начал жать им руки. Его рукопожатие было весьма крепким.

– Доктор Манфред Иоханнес, к вашим услугам. Вы принесли?

Доктор обращался к Францу. Майер вопросительно посмотрел на Вюнша и Хольгер кивнул, отдавая общее ведение

разговора в руки молодого коллеги.

– Да, принес.

– Позвольте ознакомиться?

Франц кивнул, достал из внутреннего кармана пальто свернутые исписанные листы и передал их доктору.

– Вы хотели бы услышать мое мнение сегодня, так?

– Если это возможно.

– Возможно, но потребуется некоторое время. Мария!

Мария!

В комнату вошла фрау Иоханнес.

– Мария, дорогая! Прими, пожалуйста, пальто господ полицейских, они задержатся на некоторое время. И еще – напой их чаем, *s'il vous plait*⁴³! Или вы желаете чего-нибудь покрепче?

Последние слова были обращены к Хольгеру и Францу. Оба отказались от предложения. Между тем фрау Иоханнес, внимательно посмотрев на полицейских, обратилась к доктору:

– *Manni, chez toi tout va bien*⁴⁴?

– *Oui...* то есть да! Дорогая, я же просил не говорить по-французски, если мы не одни – это невежливо!

На лице фрау Иоханнес явственно читалось недоверие. Желая немного разрядить обстановку, Хольгер поднапрягся, вспоминая французский:

⁴³ фр. – пожалуйста.

⁴⁴ фр. – Манни, у тебя все хорошо?

– Ne vous inquiétez pas. Je ne vais le sortir de votre mari⁴⁵.

С трудом, коверкая слова, Вюнш попытался успокоить женщину.

– Nous avons besoin de son aide dans l'enquête⁴⁶.

Майер подхватил идею Хольгера, но по сравнению с гор-
таным хрипом Вюнша, его речь звучала легко и действи-
тельно успокаивающе. Мария Иоханнес кивнула и, забрав у
них верхнюю одежду и шляпы, вышла из кабинета.

– Простите мою супругу. Она до сих пор уверена, что во-
сточнее Нанси разверзается адская бездна.

Франц кивнул и Вюнш поддержал его жест. Доктор при-
нялся за чтение листков Майера, а Хольгер от нечего делать
начал пристально осматривать кабинет. Вскоре фрау Иохан-
нес принесла поднос с тремя чашками чая и удалилась, бро-
сив напоследок опасливый взгляд на Майера и Вюнша.

Доктор, судя по кабинету, был страстным фотографом и
путешественником. Часть кабинета напротив входа из при-
емной была выделена под маленький музей. Хольгер, спро-
сив разрешение Иоханнеса, взял чашку и подошел рассмот-
реть его поближе. Предметы были, в основном, разнообраз-
ной ритуальной направленности: маски, кинжалы, головные
уборы, небольшие алтари. Хольгер не был специалистом и
не мог сказать, откуда привезена та или иная вещь. Боль-
ший интерес в нем вызвали фотографии, висевшие на стене.

⁴⁵ фр. – Не беспокойтесь. Я не заберу вашего мужа.

⁴⁶ фр. – Нам нужна его помощь в расследовании.

Вюнш видел доктора с супругой на фоне египетских пирамид и гигантского храма, судя по всему, расположенного тоже где-то в Египте. Как и предполагал Хольгер, в те времена фрау Иоханнес была очень красивой. Чай, которым Вюнш поначалу обжегся, немного остыл и теперь начинал ему нравиться.

На фотографии рядом доктор и его жена были на фоне Парфенона. Мечеть с гигантским куполом в Стамбуле, много фотографий из арабских стран и из Африки. На одной из них были запечатлены носилки с фрау Иоханнес и четверо чернокожих носильщиков. Широкоплечие, высокие, с могучим торсом – Хольгеру доводилось встречаться с такими неграми в бою. Французы с англичанами охотно привлекали к службе в армии туземцев из своих колоний. Германия тоже призывала аборигенов из своих африканских владений, но в совсем иных масштабах и за всю Войну Вюнш видел только одного негра в фельдграу⁴⁷, а вот сражаться приходилось и против арабов, и против негров, и против индийцев. Ему казалось странным, что почти никто из них не поддавался пропаганде. Они продолжали идти на смерть ради поработивших их стран, будто не видели для себя иного исхода. Хольгеру вдруг стало интересно, распространялись ли на них военные пенсии. «Надо будет узнать, если появится та-

⁴⁷ Фельдграу (нем. Feldgrau) – серо-полевой. Основной цвет полевой формы Германской армии с 1907 по 1945 годы. Иногда этот термин используется для аллегорического обозначения Германской императорской армии в целом и для сухопутных войск Рейхсвера и Вермахта.

кая возможность».

Несколько фотографий были сделаны в Азии. Внимание Вюнша привлекла фотокарточка, на которой доктор позировал на фоне огромного храма с очень странной архитектурой, окруженного джунглями. Хольгер даже не был уверен, что это место находилось в Азии, а не, например, в Южной Америке.

– Это храм Ангкор-Ват в Камбодже. Там была целая культура, развитая, создавшая мощное государство, а потом деградировавшая и отдавшая свои храмы и города джунглям.

Хольгер так увлекся исследованием фотографий, что не заметил, как доктор подошел и встал рядом.

– Вам доводилось бывать в Юго-Восточной Азии, оберкомиссар Вюнш?

– Нет. Никогда.

– В Голландской Ост-Индии и севернее – среди малайцев и на Филиппинах, есть такое явление как амок. Слышали об этом?

Доктор вернулся за стол и начал набивать трубку. Майер, похоже, так и просидел все это время в кресле напротив стола. Хольгер сел в соседнее.

– Нет, не слышал.

– А вы, Франц?

Майер помотал головой.

– Представьте себе: простой туземец, живущий простой туземной жизнью. Жена, масса детей, сидящие на шее евро-

пейцы... Все, как и у нас с вами. Однажды он без всякой видимой причины берет в руки нож и начинает убивать. Он убивает всех, кто встретится ему на пути, а убив, продолжает бежать вперед до полного изнеможения. Жестоко, яростно и абсолютно неожиданно. Его вчерашний день не отличался от сегодняшнего, но вчера он был тишайшим человеком, а сегодня – смертоносный ураган. Вот что такое амок.

– И вы думаете, что с нашим убийцей случилось то же самое?

– И да, и нет. Дело в том, что амок происходит только с туземцами Юго-Восточной Азии. Европейцы или китайцы живущие там ему не подвержены. Однако ваш убийца действовал похожим образом... Впрочем, давайте по порядку: преступник убил хозяина дома одним ударом, а остальным жертвам нанес по несколько ударов, даже младенцу. Он проявил жестокость, если угодно, ненависть по отношению к женщинам и детям, а мужчину просто убил, так как видел в нем непосредственную угрозу. Он боялся этого мужчину, чувствовал свою уязвимость перед ним, а потому избавился от него быстро, а не жестоко. Мне видится, что тот, кто вам нужен, рос в семье с отцом-деспотом или, что тоже вероятно, имеет физический недуг, в связи с которым испытывает чувство собственной неполноценности перед другими мужчинами. Но учтите, что этот недуг может быть неочевиден для всех, кроме убийцы, а то и вовсе выдуман им.

Убийца – человек умный. Несмотря на то, что преступ-

ление совершено им спонтанно, на что указывает способ – если бы вы планировали убийство шести человек, то взяли бы огнестрельное оружие, а не «тяжелый, острый предмет» – он смог быстро спланировать и реализовать свой замысел. В пользу его высокого интеллекта говорит и то, что убийца смог пересмотреть свой план, обнаружив в доме младенца и домработницу.

А теперь мы подходим к самому главному – убийца демонстрирует психопатический тип личности...

Доктор прервался, чтобы раскурить потухшую трубку.

– То есть он сумасшедший?

– Не в обывательском смысле. Наоборот, его социальное положение и репутация могут быть весьма высоки, а его повседневное поведение может не давать повода к тому, чтобы считать его неадекватным. Убийца составил и четко реализовал свой план, причем, в очень сжатые сроки. После этого он совершил ряд действий, позволивших ему оставаться незамеченным, как то: дал корм животным, привязал собаку, продумал способ быстро попадать в свое временное жилище и быстро покидать его. Он практически не оставил вам улик, а значит, он либо с самого начала был очень аккуратен, либо потратил время и усилия на заметание следов... Я все это перечисляю, чтобы проиллюстрировать вам следующую мысль: он полностью осознает то, что совершил. Осознавал тогда, осознает и сейчас, если еще жив, конечно.

Но при том, что он полностью осознает совершенные дей-

ствия, его эмоциональная реакция крайне скудна, то есть, осознавая совершенное, он не чувствует, не переживает это. Или переживает очень мало. Это очень хорошо объясняет его проживание в доме после совершения убийства.

Пожалуй, единственные эмоциональные действия убийцы, это жестокость по отношению к девочке и ее матери. Обратите внимание: он отходит от того способа убийства, которым пользовался в остальных случаях. Мне видится, что жестокость проявленная преступником при убийстве – как вы, Майер, их назвали – «жены хозяина дома», «домработницы» и младенца является симулированной, как бы ненастоящей. Убийца не испытывает гнев, а как бы пытается его испытывать, даже сам не осознавая этого, поэтому жертвы убиты однотипно. А вот в случае с девочкой и «женщиной средних лет» стоит говорить о том, что у убийцы, с его внутренней точки зрения, что-то пошло не так. Не возьмусь выдвигать теории относительно того, что это могло быть...

Если подытожить, то портрет преступника выглядит следующим образом, при этом сразу отмечу, что таким он был на момент совершения убийства, хотя люди такого типа весьма стабильны психически. Тот, кто вам нужен: внушает доверие окружающим, имеет хорошую репутацию, успешен в карьере, семьянин или пользуется успехом у противоположного пола, обладает высоким интеллектом, возможно, выглядит немного черствым и бесчувственным, хотя может обладать и просто спокойным характером, а может – и вот тогда

вам будет трудно его найти – подражает человеческим эмоциям настолько хорошо, что полностью скрывает собственную эмоциональную невосприимчивость. Если это так и он действительно полностью скрывает психопатические черты, тогда почти все, что я вам говорю, может быть неправдой – такие люди подстраиваются под среду, не проявляя никаких личных черт. Он может работать сапожником или столяром, а на досуге читать учебники по высшей математике и такая ситуация не будет вызывать в нем никакой реакции, однако, к вашему убийце это вряд ли относится.

Я предполагаю, что этот дом он все же выбрал не случайно, ведь девочка и «женщина средних лет» вызвали в нем эмоциональный отклик. При этом я продолжаю утверждать, что решение о совершении преступления он принял спонтанно или, по крайней мере, за очень короткий срок до совершения. Я это к тому, что он прийти в дом мог, не планируя убивать его обитателей... Да, и еще: он обладает изъязном. Не могу сказать, что это может быть. Что угодно от шрама на лице до импотенции, а возможно, как я раньше уже говорил, изъязн и вовсе существует только в его голове.

Пожалуй, это все, что я могу сказать за столь короткий промежуток времени. Возможно, что-то и придет в голову после более продолжительных размышлений, так что зайдите ко мне... в пятницу, например, если вам это будет не затруднительно. Я приму вас вне очереди. У вас наверняка накопились вопросы, так что задавайте.

– Из-за чего он имеет – как вы сказали? – скудную эмоциональную реакцию? – Хольгер начал задавать вопросы первым.

– Вы спрашиваете про эмоциональное восприятие убийцей этого преступления или про механизм складывания у него психопатического типа личности?

– Второе.

– Причины могут быть весьма разнообразны... Возможно, детская травма, например, домашнее насилие. Может быть, это его врожденная черта. Возможно, повреждение головного мозга... В 1848-м году в США рабочему на железной дороге... как же его звали? Дайте-ка вспомнить... Гейдж! Да, точно, Финеас Гейдж! Так вот: Финеасу Гейджу стальной прут пробил голову насквозь, повредив, разумеется, головной мозг. Как ни странно, Гейджу удалось выжить, оправиться от этой травмы и прожить еще двенадцать лет. Его близкие отмечали изменения его поведения и характера, которые вполне можно охарактеризовать как психопатические. Так что травма головы вполне могла оказать влияние на вашего убийцу.

Наиболее вероятно, что преступник пережил психическую травму, которая, если угодно, «выжгла» его эмоциональное восприятие, но когда и при каких обстоятельствах она могла быть получена, я сказать не могу. Может, в раннем детстве, а может за пару лет до убийства.

– Такую травму можно получить на войне?

На этот раз вопрос задал Франц.

– Не просто можно. Подавляющее большинство солдат и офицеров, проходящих через активные боевые действия, испытывают эмоциональное оупение. Великая война дала нам богатый материал для исследования этого вопроса, уж простите мне такую формулировку. Почти все солдаты, независимо от их национальности и принадлежности, вернувшись домой, сталкиваются с адаптационными проблемами разного, в том числе и психического, характера. Большинство из них со временем возвращается в нормальное психоэмоциональное состояние, но, к сожалению, не все.

Это направление психиатрии еще только развивается, мы не до конца понимаем механизмы травмирующего процесса, поэтому ответить наверняка, является ли ваш убийца человеком, чьи психопатические черты вызваны военными переживаниями, я не могу...

Хольгер начинал путаться в терминах, но, в общем и целом, слова доктора были ему понятны. Он вспомнил отрешенные взгляды сослуживцев, уставленные вдаль. Вспомнил он и ощущение полного равнодушия, которое испытывал после боя, и как не чувствовал ни горя, ни печали, ни злобы, когда считал тех, кто погиб за прошедший день. Но, как бы не было тяжело это состояние, со временем оно всегда проходило.

– Он испытывает раскаяние?

– Скорее нет. Скорее всего он понимает, что совершен-

ный им поступок аморален, но проблема в том, что нормы морали для него несущественны, он не опирается на них при принятии решений, а значит и не испытывает стыда или раскаяния от их нарушения...

Установившуюся тишину нарушил Франц:

– Он убивал еще?

– Не могу сказать однозначно. Вполне возможно. Но, если он и убивал, то общих черт, скорее всего, не будет. Ритуал убийства для него не важен, для него важен только результат, поэтому он, если будет совершать убийство, будет совершать его не с целью повторения предыдущего опыта, а с целью максимально эффективного достижения результата.

У Хольгера вопросов больше не было, у Майера, судя по его молчанию, тоже.

– Спасибо вам за помощь, доктор. Не могли бы вы описать то, что вы нам сейчас рассказали и то, что придет вам в голову помимо этого. В пятницу я или Майер заедем к вам и заберем ваш отчет, чтобы подшить к делу. Это очень поможет следствию.

– Конечно, господа. Я всегда готов сотрудничать с полицией, хотя, признаюсь, был изрядно удивлен, когда вы обратились ко мне с такой просьбой. Надеюсь, смогу прийти еще к каким-нибудь выводам за неделю. Жду вас в пятницу.

Перед тем, как распрощаться, Франц задал доктору последний вопрос:

– А амок, упоминаемый вами ранее... В чем его причина?

– Раньше считалось, что он происходит из-за употребления опиума, которое очень распространено в Азии. Однако сейчас эта теория ослабевает – опиум употребляет множество людей самых разных народов, живущих в самых разных уголках Земли, но только у туземцев Юго-Восточной Азии бывает амок. По большому счету, мы не знаем в чем его причина. Скорее всего это характерная черта жителей конкретного региона, наподобие того странного мечтательного желания желать, которое свойственно порой почти каждому немцу.

Вся дорога до управления прошла в молчании.

Глава 19

Шепот в сумерках

– Ты тоже не можешь уснуть?

– Пытаюсь, но ты так ворочаешься, что это абсолютно невозможно.

– Прости...

– Глупости.

– Мне нравится, когда ты кладешь руку мне на плечо, как сейчас...

– На твое плечо так и хочется положить руку.

– Это с Войны?

– Нет, это мой глаз и он у меня от мамы.

– Прости, я не очень хорошо вижу в темноте... Помоги

мне. Теперь мы на месте?

– Если ты искала шрам на лице, то да. И да – он с Войны.

– Ты знаешь, когда я только увидела тебя, я поняла, что этот шрам еще с тех пор. Как ты его получил?

– Зацепило щепой отколотой от бруствера.

– А этот недавний?.. Прости, пожалуйста!

– Уф, ничего страшного... Да, этот свежий.

– Ты очень внезапно ворвался в мою жизнь...

– Кто бы говорил о внезапности!

– Я очень мало о тебе знаю. Расскажи о своей жизни, о семье.

– Сейчас?

– Да, представь, что это сказка на ночь.

– После некоторых сказок бывают кошмары.

– Не бойся, я не впечатлительная.

– Ну, хорошо. Я родился в Берлине на короткой улочке под странным названием Воксштрассе. Отец – почтовый служащий. Мать – жена почтового служащего. Это было в 1895-м году в октябре...

– У тебя есть братья и сестры?

– Да. Сестры – две старшие и младшая.

– Бедный...

– Почему бедный?

– Ты был окружен девчонками со всех сторон.

– Да нет, все было не так страшно. Самая старшая – Паула, вышла замуж, когда мне было десять лет, и сразу уехала с

мужем в Оснабрюк. Она была почти на одиннадцать лет меня старше и мы не были особенно близки – разный пол, разный возраст, разные интересы... Насколько я знаю, у них все хорошо. Мы с ней переписываемся иногда, шлем открытки на Рождество.

Средняя – Ангела, старше меня на четыре года. С ней я не общаюсь.

– Почему?

– Она и ее муж поступили непорядочно после Войны. Настолько непорядочно, что я до сих пор не могу и вряд ли когда-нибудь смогу их простить.

– А что они сделали?

– Отец умер в 15-м, а мать в начале 18-го. По завещанию матери наш дом оказался разделен между Паулой, Ангелой, мной и Идой – моей младшей сестрой. У Паулы была сложившаяся жизнь, поэтому она передала свою часть Ангеле, Иде тогда было шестнадцать, и она оказалась на попечении Ангелы с мужем, а я был на фронте.

С весны 18-го года я перестал получать письма из дома. До нас, конечно, доходили слухи о волнениях, стачках и нужде на Родине, поэтому я всерьез встревожился. Война кончилась, и я вернулся в родной дом, где очень удивились моему возвращению. Оказывается, в начале марта пришла похоронная телеграмма. Я могу поверить, что телеграмму прислали по ошибке, но вот поверить в то, что не дошло ни одно из отправленных мной писем, выше моих сил.

Похоже, кто-то из моих родных решил наложить руку на мою часть дома, рассчитывая, что с Войны я не вернусь. Иду и Паулу винить не в чем – они узнали о моей «смерти» от Ангелы. А вот она либо сразу все знала, либо поверила своему мужу... ух, мерзкий тип! Крючоктвор, подлиза с вечно потными руками, героически не попавший на фронт из-за зрения... Никогда не видел его в очках! Прости меня. Просто сейчас все вспомнил и вновь злоба взяла...

– Это ты прости, что заставила вспомнить.

– В общем, пусть меня и не гнали, дальше жить с этими людьми под одной крышей я не мог. С тех пор не писал ей и не ездил в тот дом. Мне жаль Иду. Мы были близки, несмотря на разницу в возрасте. Она была умной и сильной – это сочетание делает человека успешным. Кроме того, она играла в шахматы. Но когда я вернулся после Войны от той Иды мало что осталось. Я смотрел на нее и видел Ангелу. Жадность, сварливость, эгоистичность почти заслонили то, что мне в ней нравилось. Я, кстати, видел ее год назад. У нее все неплохо – муж, двое детей, в шахматы она, правда, больше не играет.

– А кто научил играть тебя?

– Отец.

– Ты был близок с ним?

– Наверное, можно так сказать. Я запомнил его уставшим. Трудно быть отцом такой большой семьи, но он блестяще с этим справлялся. Он работал изо дня в день, но всегда нахо-

дил, пусть и немного, время для игры в шахматы. Паула и Ангела почему-то не играли, может быть не умели, а может, имели другие занятия и отец учил нас с Идой. Бывало по вечерам мы сидели втроем – двое играли, а один смотрел и после партии говорил, в чем была ключевая ошибка проигравшего. Отец умер от сердечного приступа, когда мы держали фронт под Артуа. Я узнал о его смерти только через неделю. Грустная получается сказка...

– Извини, что растревожила это.

– Извиню, если расскажешь о себе.

– Хитрец.

– Именно! Я давно хочу спросить, сколько тебе лет?

– А как ты думаешь?

– Не знаю. С первой нашей встречи думаю о том, сколько же тебе на самом деле лет. Иногда я вроде бы определяю твой возраст, но ты поворачиваешь голову, говоришь что-нибудь или улыбаешься, и все мои определения летят к чертям.

– Ты очень мил, когда мучаешься загадками.

– А ты очень мила, когда уходишь от ответа.

– Сколько ты бы дал мне сейчас?

– Дай-ка подумать... Тридцать два. Я понимаю, что это неверно, но сейчас я вижу тебя такой.

– Интересно...

– Ты опять уходишь от ответа.

– Да, ты прав. Я родилась в Аугсбурге в феврале 13-го года. Отца я не помню – он был гауптманом и погиб в 1916-

м. После этого мама перебралась со мной в дом своего отца, где я и выросла. Про моего деда я тебе уже рассказывала. Помнишь, ты еще сказал, что теперь понимаешь логику моей игры. Вы бы, кстати, нашли общий язык. Он был чем-то неуловимо похож на тебя, может быть вечно задумчивым выражением лица? Ему явно нужен был внук, а была только я, поэтому про охват противника с флангов, Ганнибала, бросившего вызов римлянам, и стальные шлемы я знала больше, чем про платья и кукол. Мама пыталась переучить меня, да так до конца и не смогла. Она очень любила моего отца, больше так и не вышла замуж и так и не простила деду... причастности к старой армии, наверное. Обида бывает совсем нелогичной.

Дед умер четыре года назад, а мама до сих пор живет в его доме в Аугсбурге. Для меня с его смертью закончилось детство. Окончив школу, я решила переехать в Мюнхен. Мы с моей подругой Бертой Кнабенбауэр сняли маленькую квартиру на Винтерштрассе, там сейчас и живем.

– Твоя сказка почти в два раза короче моей.

– Да, но надеюсь, что тебя это не смущает, потому что меня точно нет.

– Не смущает...

– Ты очень интересно целуешься. Ты целуешь меня так, будто хочешь напиться воды, утолить жажду, но никак не можешь этого сделать... Почему ты не женился?

– Не знаю. Наверное, просто не встретил женщину, с ко-

торой хотел бы провести всю жизнь, а может быть не был готов к тому, что в моей жизни будет кто-то постоянный...

– Ты сегодня почти обыграл меня.

– Неправда, ты опять разорвала один из моих флангов, а я не смог этому помешать.

– Там был один момент, когда ты мог все перевернуть, помнишь, когда я схо...

– Не подсказывай, а то будет нечестно.

– Хорошо.

– Ответь мне на один вопрос: почему столько молодых людей поддерживает национал-социалистов? Нацисты говорят о реванше, о почитании ветеранов, о наведении порядка, и я понимаю ветеранов и простых горожан, сопереживающих им, но чем привлекают нацисты тебя? Неужели все дело в харизме Гитлера?

– И в ней тоже, но не только. Когда мне было одиннадцать, мы с дедушкой и мамой ездили в Мемель. У деда там был знакомый, который пригласил нас в гости. Я видела как литовцы – даже не русские, а именно литовцы – вешали таблички на своем языке на дома, построенные нами. Мемель тогда только перешел под их управление, и немецких надписей было еще очень много. Я помню мальчишек, кидавших грязью в безногого ветерана с Железным крестом. Видела надписи: «Убирайтесь, немецкие оккупанты!», написанные по-немецки для доходчивости... Это наш город, Хольгер. Тебе ли не знать, сколько крови мы пролили за нашу

страну, и грязная падаль, ни камня не положившая в фундамент наших городов, не имеет права называть нас оккупантами. Страсбург, построенный немцами, принадлежит французам и это еще не худший вариант – французы хотя бы взяли его на поле боя, они хотя бы относятся к нам с уважением.

Мемель, Данциг, Судеты... Это наша земля! Австрия, подарившая славянам и венграм свободу от турок, что получила от них взамен? Предательство! Смута! Вот что обещает Гитлер – мы вернем то, что принадлежит нам по праву – вот поэтому я с ним. Мы сможем открыто гордиться своим языком, культурой, своей историей. Неужели ты не хочешь этого, неужели ты против него?

– Нет, не против, просто, наверное, я слишком недоверчив к людям.

– Тогда доверься мне!

– Этим и занимаюсь...

– Над чем ты сейчас работаешь?

– Дрянное дело. Много убитых, мало следов. Не к ночи об этом говорить.

– Хорошо, тебе виднее.

– Это не от недоверия к тебе, просто некоторые вещи даже меня пугают.

– Понимаю. Обними меня и засыпай, надеюсь, ты сможешь хотя бы до утра выкинуть то, что тебя пугает из головы.

– Ты ангел.

– Возможно.

– Мне надо завтра съездить в Ингольштадт и еще в одну деревню рядом по работе. Я не знаю, сможем ли мы завтра встретиться... Хелена! Хелена! Хм, спит, ну тогда, значит, спокойной ночи...

Глава 20

Бавария

Пасмурное утро грозило перейти в пасмурный день. Выезд из города был сильно затруднен. Грузовики, запрудившие окраины, ехали на стройку, которая должна была изменить лицо Баварии, да и всей Германии. Где-то там, в скрывавшемся в дождливой дымке далеке, уже работали машины и люди. Рубили лес, долбили скалы, срывали холмы и клали асфальт. Тысячи новых рабочих мест, надежный инструмент и приказ Государства – работать отсюда и до самого горизонта на благо Родины. Новая власть вознамерилась повернуть жизнь целой нации в иное русло и начала с того, что соединяла разные части страны дорогами.

Великая стройка была где-то там, впереди, а на выезде из Мюнхена Хольгер и Франц стояли в длинной очереди машин, двигаясь непозволительно медленно. Наконец, стройка осталась позади, и Wanderer Вюнша выехал на уже законченную часть автобана, которая вскоре сменилась старой, еще кайзеровских времен, дорогой.

Поля, окружавшие Мюнхен, перемежались небольшими

рощицами. Леса Баварии не производили столь сильного впечатления, как густые и мрачные леса Гессена, Саксонии или родного для Хольгера Бранденбурга. Бавария была страной полей, хотя на юге этого края начинались Альпы. Поля и рощи Баварии нравились Вюншу больше пустошей и болот Шлезвига, среди которых был затерян портовый город Киль. Хольгеру вдруг пришло в голову, что он уже полгода не выезжал из Мюнхена. «Похоже, наконец, начал прикипать к этому городу...»

– Красиво!

Обыкновенно молчаливый Франц отвлек Вюнша от размышлений и обратил его внимание на кленовую рощу с правой стороны от дороги. Деревья были голы и печальны. Старые стволы, помнившие еще Наполеоновскую эпоху, и юные деревца, видевшие лишь Германию после Войны, были равны перед природой. Хольгер, глядя на них, представлял, как они покроются зеленой краской листьев, как напитаются весенним солнцем и вновь оживут. Они уже освобождались от оков зимы, уже появлялись на ветках первые почки неловкие как слова, сказанные робким юношей при знакомстве с первой в его жизни любовью. Могущество их будет недолгим. Придет осень и преобразит живой зеленый в траурный красный и желтый. Ноябрьский ветер сорвет с деревьев последние обрывки их наряда и оставит их на растерзание зимы. Зима в Баварии не жестока – она щадит голых и нищих. А после снова придет весна и все повторится, как повторялось

уже много раз.

– Да, красиво.

Голос Вюнша прозвучал хрипло.

До Ингольштадта было около семидесяти километров строго на север, а на северо-запад от Мюнхена и, соответственно, на юго-запад от Ингольштадта, рядом с небольшой речкой и крупным лесом когда-то стояла ферма. Люди, жившие в ней, были необщительны и имели плохую репутацию. А потом кто-то их убил.

Хольгер и Майер решили, что в Кайфек и на ферму они съездят после того как поговорят с Раушем и, если повезет, Носке. Полицмейстеры почти не участвовали в расследовании и покинули Хинтеркайфек на следующий день после того, как туда приехал Рейнгрубер. Однако именно они первыми прибыли на место, именно они первыми увидели тела и обстановку в доме и в сарае. Носке и Рауш должны были что-то заметить и запомнить.

У Вюнша почти не было сомнений, что Рауша удастся найти – если в личном деле сказано, что он по-прежнему служит полицмейстером в Ингольштадте, значит, так оно и есть, а вот на поиски Носке можно было потратить много времени впустую. Хольгер протяжно зевнул – полуночный разговор с Хеленой сказывался, а кофе выпитый утром терял свое действие.

– Вы бы хотели жить вот так, Франц?

Они проезжали мимо небольшой деревеньки – одной из

множества разбросанных по разным сторонам дороги. Майер сегодня был необычайно многословен, а потому не просто сделал жест головой, а дал развернутый ответ:

– Нет, не хотел бы.

– А вот я иногда подумываю перебраться в такую деревеньку, жениться на дородной фрау, нарожать пару-тройку ребятишек и прожить, не отрываясь от земли, всю свою жизнь.

– А почему не переберетесь?

– Не знаю. Наверное, не набегался еще. Деревеньки, наподобие этой, остаются в зеркале заднего вида, а я продолжаю ехать вперед, хотя возможно когда-нибудь...

– Вы выросли в Берлине?

Хольгер вспомнил знакомство с Майером и усмехнулся про себя. «А парень молодец – очень быстро научился». Берлинский выговор Вюнша, и так никогда не бывший ярко выраженным, за годы вне родного города почти сгладился. От коренных баварцев его акцент отличался, но точно определить в нем берлинца было нелегко, тем более для прожившего всю свою жизнь во Франции Майера.

– Да.

– Я тоже вырос в большом городе, поэтому даже не могу представить себя крестьянином.

– Возможно, вы и правы...

Город Ингольштадт имел долгую и славную историю. Когда Хольгер только планировал перебраться в Баварию, он

прочитал об этом городе и его истории в одной брошюре. Ингольштадт был основан еще во времена Карла Великого на берегу Дуная. Как часто бывало в те незапамятные времена, поначалу была построена только крепость, а уже потом вокруг нее появился город. Именно здесь был основан первый в Баварии университет (Хольгер не помнил точно, в XV-м или в XVI-м веке произошло это знаменательное событие), а также провозглашен первый в Германии закон о чистоте пива. Дату этого события, завершившего закрепление традиций пивоварения столь дорогих сердцу настоящего немца, Вюнш запомнил – оно произошло в 1516-м году.

Лет пять назад Хольгер даже выбирался в Ингольштадт специально, чтобы снять пробу с местного пива, и был изрядно разочарован – мюнхенское было ничем не хуже, а то и лучше. И уж ни в какое сравнение ингольштадтское пиво не шло с тем напитком Богов, который Хольгер попробовал в захудалой на вид пивной рядом с Анхальтским вокзалом⁴⁸, вернувшись с Войны. «Странно, но больше такого вкусного пива пить не доводилось...»

Городу Ингольштадту, впрочем, плевать было на мнение Вюнша о местном пиве. Он продолжал расти и динамично развивался. Криминогенная обстановка здесь была намного благоприятнее, чем в Мюнхене и некоторые полицейские переводились в Ингольштадт дорабатывать до пенсии.

Еще вчера, вернувшись в Управление от доктора Иохан-

⁴⁸ Анхальтский вокзал – вокзал дальнего следования в Берлине.

неса, Хольгер не поленился и растряс сонного чинушу из канцелярии полицайпрезидента Гиммлера, чтобы тот выдал им бумагу с указанием оказывать предьявителю всяческое содействие. Несмотря на то, что Ингольштадт под юрисдикцию мюнхенского полицайпрезидента не подпадал, Вюнш очень сомневался, что кто-то из местных полицейских руководителей захочет ссориться со столичным начальством. Вопреки ожиданиям Хольгера, подпись Гиммлера появилась под приказом очень быстро. «Да, такой расторопности от высшего руководства обычно не дождешься!» – Вюнш продолжал недоумевать по поводу причин интереса начальника к этому делу. Кроме того, в Управление полиции Ингольштадта должны были позвонить и предупредить об их с Майером приезде. Было без десяти минут одиннадцать.

Местное Управление полиции помещалось в двухэтажном длинном здании в центре города. Их действительно ждали, по крайней мере, секретарь полицайоберрата пустил их в его кабинет без всяких проволочек.

– Добрый день! Вы видимо и есть детективы Вюнш и Майер, о приезде которых нас вчера столь настойчиво предупреждали?

Хольгер пропустил легкий укол со стороны оберста мимо ушей.

– Добрый день. Абсолютно верно, я, оберкомиссар Вюнш.

– Комиссар Майер.

– Полицайоберрат Герман Морлок. Так чем я могу помочь

мюнхенским коллегам? Присаживайтесь. Мне говорили, что у вас будет с собой некая бумага, подтверждающая ваши права.

За вежливостью оберста Морлока Хольгер отчетливо видел нервозность и, даже, некоторое раздражение. «Бойтся, что ли, чего-то?». Впрочем, даже если оберст и планировал чинить им препятствия, бумага с подписью шефа Мюнхенской полиции поставила на этих планах жирный крест.

– Хорошо. Я вас внимательно слушаю.

– Мы расследуем дело о массовом убийстве, совершенном в 1922-м году.

– Ааа, Хинтеркайфек... Неужели это дело отдали на до-следование?

– Да, отдали. А вы знаете об этом убийстве?

– Так здесь все о нем знают...

Узнав о причинах визита Вюнша и Майера, Морлок явно расслабился и отвечал уже раскованно. «На руку нечист или скрывает что-то... Впрочем, мы здесь не за этим». Франц в своей обычной манере вступил в разговор резко и неожиданно для собеседника:

– И что вы думаете об этом убийстве?

– Я? Да, в общем, то же, что и все. Сумасшедший бродяга или тот, кому изрядно насолил Андреас Грубер, а насолил он многим. Репутация-то у Груберов была ужасная... Но вы это и сами наверняка уже знаете.

– Вы знали кого-нибудь из жертв?

– Нет, у нас все-таки не совсем деревня. В одном Ингольштадте сейчас сорок тысяч живет, а Кайфек даже не пригород.

Франц кивнул, теперь снова была очередь Хольгера:

– Первыми на место преступления прибыли полицейские Рауш и Носке. Согласно нашим данным, Рауш до сих пор служит здесь. Вы можете это подтвердить?

– Могу, Иоахим Рауш действительно служит полицейским в Ингольштадте. Я могу вызвать его, если вы хотите его опросить. Вы же здесь за этим?

– В том числе... А что насчет Носке? В его личном деле сказано, что он уволился в 29-м году.

– Верно сказано. Ганс Носке уволился и, насколько я знаю, эмигрировал в США. У него там родня жены была, поэтому они решили переехать. Жаль, хороший полицейский был.

«Действительно жаль, Ганс Носке – еще один тупик» – Хольгер рассчитывал все же найти Носке, ведь оставленный им адрес был достаточно свежим, однако эмиграция Носке в Америку ставила крест на перспективе его опроса.

– Так что, мне вызвать Рауша?

– Да, только нам нужно место, где можно с ним переговорить без свидетелей.

– Хорошо, что-нибудь придумаем.

Оберст Морлок встал из-за стола и, открыв дверь кабинета, обратился к секретарю:

– Господин Щепан, найдите мне, пожалуйста, Рауша и

проводите его в допросную комнату.

Морлок решал вопрос с местом дешево и сердито. Секретарь, очевидно, спросил что-то, но что именно, Хольгер не слышал. Оберст ответил:

– Да, должен быть здесь. На нем сегодня Терезиенштрассе и окрестности, так что он либо уже прохлаждается внизу, либо скоро придет.

Оберст обратился к полицейским:

– Скорее всего, придется немного подождать. Пройдемте со мной.

Допросная, куда привел их оберст Морлок, представляла собой небольшую комнату со столом и парой стульев. На столе стояла лампа и пепельница. Хольгер тут же закурил. Минуты текли за минутами. Вюнш стоял напротив маленького окошка, а Франц сидел на одном из стульев и что-то записывал в своем блокноте.

Допросная находилась ниже уровня первого этажа, поэтому для взгляда Вюнша проходившие мимо запыленного окошка люди выглядели как пары ног. «А вдруг существовал человек, вся жизнь которого прошла в подобной комнате, а единственным способом сообщения с внешним миром было такое окно. Люди, в представлении этого человека, выглядели как пары ног, а он сам не считал себя человеком, ведь он не был на них похож... А самое странное, что он наверняка был уверен, что видит всю картину мира, а не лишь малую ее часть...». Размышления Хольгера прервал господин Ще-

пан, приведший с собой Иоахима Рауша. Рауш был тучен и уступал в росте Майеру и Хольгеру. В его глазах читалось недоумение и толика страха.

– Садитесь, пожалуйста, господин Рауш.

– Да, хорошо, как скажете.

– Не бойтесь, господин Рауш. Мы не в чем вас не подозреваем, просто нам нужно узнать ваше мнение по поводу одного дела, участником которого вы были. Я, оберкомиссар Вюнш, а это мой коллега – комиссар Майер.

– Конечно, спрашивайте, но я простой полицмейстер. Даже не знаю, чем могу помочь детективам.

Хольгер начинал понимать, что за человек Иоахим Рауш. Ему такие люди никогда не нравились – какую бы должность ты ни занимал, чем бы ты ни занимался, из какой бы семьи ты ни происходил, ты не имеешь права унижаться. «Не спеши судить, возможно, у него так проявляется волнение...»

– Господин Рауш, в 1922-м году на ферме близ Кайфека произошло массовое убийство. Помните?

– Конечно, помню. Мы с Гансом Носке первыми прибыли на место... из полицейских, я имею в виду. Жутко это все выглядело, так я вам скажу, уж вроде пятнадцать лет как в полиции служу, а такого ни до, ни после не видел.

– Как к вам поступил вызов?

– Как... Приехал господин... Как его? Не помню, как его звали, честно говоря. Так вот, приехал господин на автомобиле... Говорит, так, мол, и так, в Хинтеркайфеке нашли

трупы. Много крови, говорит, все, кто в доме жил, погибли. А мы тогда с Гансом как раз на смене были. Ну, мы дежурного оповестили, да и поехали с этим человеком... Вот хоть убейте, не помню как его зовут! Я тогда, помню, сразу этому господину поверил: одет прилично, на шутника какого не похож, автомобиль при нем опять же, но главное – взгляд у него был такой... испуганный, что ли. Это я потом уж понял, отчего.

– В деле написано, что вызов поступил в 18:15, а вы с Носке появились на ферме в 21:30. От Ингольштадта до фермы не больше двадцати пяти километров – почему вы добирались до Хинтеркайфека больше трех часов? Вопрос задал Франц.

– Так это, у него машина сломалась по пути!

– У вашего проводника?

– Ну да. Да и все равно много по времени получается. Я сам не шибко помню, но вроде он после семи приехал.

– Вы остались в его машине?

– Нет. Точнее, не совсем – я остался, а Носке пошел пешком.

– Почему вы не пошли с ним?

– Так ведь потемки уже были, а апрель был холодным. Там еще бродяга такой прошел... Шрамина на пол лица, грязный весь, еще и пошатывался – пьяный, скорее всего, был. Вот я и решил, что лучше господину со сломанной машиной одному не оставаться.

Франц кивнул, и вопросы вновь начал задавать Хольгер:

– Правильно ли я вас понимаю – Ганс Носке был на ферме раньше вас?

– Ну да, на полчаса, наверное.

– Слушайте меня внимательно, господин Рауш! То, что вы вспомните в ответ на мои следующие вопросы очень важно. В какое время на ферму прибыл Носке? Заходил ли он внутрь до вашего приезда? Рассказывал ли вам Носке о чем-нибудь подозрительном замеченном им до вашего приезда? Не упоминал ли он о том, что кто-то или он сам двигал тела или предметы на ферме?

– Ну, насчет точного времени сказать не могу, наверное, около девяти он там был. Заходить – заходил. Его встретил этот... Шлиттенбауэр и показал тела в сарае и на ферме, Ганс мне об этом сам рассказал. А вот насчет подозрительного... Да все там было подозрительно! Тела, кровь везде. Следы эти на снегу, в лес идущие, но это я и сам видел, а вот насчет того, что только он заметил... Не знаю, тут вам с ним бы пообщаться, да он в Америку перебрался.

– Может, он видел кого-нибудь рядом с фермой? Огни в лесу?

– Не могу знать. Если он и видел чего, то мне не рассказал. Да мы с ним, в общем-то, и не особенно дружны были. Не враждовали, вы не думайте, но и не приятельствовали. Так, коллеги. А вот насчет передвижения тел – было такое. Этот Шлиттенбауэр сам нам рассказал, что двигал тела в сарае.

Говорил, что сына искал, а мальчика прямо в коляске убили.

– Понятно. Давайте вернемся к вам. Вы остались с проводником в его машине...

– Ну да. Я в автомобилях не спец. Он стоял мотором занимался, а я когда в машине сидел, а когда ему помогал. Потом он закончил и мы поехали.

– В какое время вы были на ферме?

– Около половины десятого. Проводник меня высадил, а сам отпросился, сказал, что ему к жене надо, ну я его и отпустил.

– Вы записали его имя, адрес и номер машины?

– Нет, но я сказал ему отметить на следующий день в участке, что это он обратился в полицию с сообщением об убийстве.

– Он сделал это?

– Ой! Вот этого не знаю...

«Никчемный идиот!»

– Понятно. Рассказывайте дальше. Вы прибыли на ферму в половину десятого и встретили там Носке...

– Да. Но я сначала не Носке встретил – он внутри дома был – а Шлиттенбауэра. Подозрительный мужик, хочу вам сказать. Он, вроде как, роман крутил с одной из жертв. Она от него ребенка даже прижила. Вы представьте: находите вы свою бывшую женщину и своего ребенка убитыми вместе с еще четырьмя людьми... Любой нормальный человек будет злиться, биться в истерике или плакать, а этому хоть бы хны.

Спокойный, вежливый – все показал, будто это его дом был. В общем, сразу он мне не понравился, я тогда еще подумал, что это он их всех поубивал, а потом прикинулся, что тела нашел, чтобы подозрения от себя отвести...

– Вы видели следы? – Вновь вступил Франц.

– Да, видел... И в доме, и от дома к лесу шли. Тогда снег еще лежал, их можно было хорошо разглядеть. В доме, помню, следы кровавые из кухни в комнату этой кухарки, потом в детскую, а потом по дому петляли – будто искал что-то душегуб...

– Вы можете что-нибудь сказать о подошве оставившей эти следы?

– Там с заклепкам была подошва – заклепки хорошо были различимы в следах. Носке сказал, что это армейские сапоги были, но, по-моему, он путает что-то – на армейских сапогах стального носка не было. Я в армии служил, видел подошвы солдатских сапог. Носке вроде тоже служил, правда на Западном фронте, но почему-то перепутал, а может, просто не обращал внимания на сапоги, когда служил.

– Какой была обстановка в доме?

– Какой?.. Странной она была, будто не сопротивлялся никто. Все на месте, все прибрано. Они уже спать готовились, когда он напал, может, поэтому не оказали сопротивления.

– Как лежали тела?

– Тела?.. Тела... Вы курите?

– Да.

– Угостите, пожалуйста.

Хольгер дал Раушу папиросу и огня. Руки Иоахима немного дрожали, а лицо было отрешенным. Ему явно было очень неприятно вспоминать об этом.

– Я тела не трогал, поэтому подробно описать их не смогу. Те, что в сарае лежали, были почти прямо у входа. Помню еще, когда только приехал, спросил у Носке, где, мол, тела? Он в сторону сарая головой мотнул, не сказав ничего, а я дверь открыл и сразу на них наткнулся, чуть не споткнулся об них. Я вам так скажу: разных мерзостей я в жизни повидал, но вот именно тогда я чуть не обделался от страха, вы уж простите мне такое... такие выражения. Тот, кто это сделал... Он не человек, не может обыкновенный человек, как мы с вами, такое сотворить!

– Какое положение занимали тела в сарае?

– Какое?... Свалены они в кучу были, да соломой присыпаны. Я как тела увидел, сразу из сарая вышел. Спросил у Носке где, мол, еще трое? Я в первый раз, как в сарай зашел, только три трупа увидел. А он мне отвечает, что четыре в сарае, два в доме. Ну, я зашел обратно в сарай – смотрю, действительно четыре. Я девочку не заметил с первого раза, хотя она прямо сверху на матери лежала. Там столько крови было... Что ему малышка могла такого сделать, что он ее изрезал так? Это же просто ребенок! Простите, можно еще папиросу?

Хольгер вновь поделился с Раушем куревом, а Франц беспощадно задал следующий вопрос:

– А тела в доме?

– Кухарку в ее комнате нашли. То же, что и с остальными – забил по голове до смерти. Я потом узнал, что она только в вечер убийства на ферму приехала. Вот уж не повезло! А мальчик в коляске своей был. Даже его не пожалел... Он хотя бы без боли погиб – глаза закрыты были, скорее всего спал, когда его...

– Что было дальше?

– Ну, мы дом и участок осмотрели с Гансом, да только поздно уже было, темно, не видно ничего. Да и... мы же были просто полицмейстерами, а там следователь нужен был, настоящий детектив. Поэтому мы решили переночевать там и дожидаться его. Я, каюсь, не смог себя заставить на ферме остаться рядом с трупами. Я когда на следующий день узнал, что убийца еще в доме несколько дней прожил, у меня душа наизнанку вывернулась. Настоящий зверь...

– Где вы ночевали?

– На одной из соседних ферм. Меня хозяева пустили, даже попросили. Оно и понятно – к тому моменту вся округа об убийстве знала – людям страшно было, тем более, когда из окна эту треклятую ферму видишь, а тут полицейский в доме. Всяко спокойнее, хотя и меня, признаюсь, потряхивало изрядно.

– А Носке?

– Носке вообще умалишенный! Он там остался на ночь. На ферме! Говорит, мол, а вдруг преступник вернется. Уж как я не уговаривал – он встал на своем и все. Хорошо, что с ним ничего не случилось за ту ночь, но вот в то, что он хоть на мгновение задремал, я ни в жизнь не поверю, уж я в тепле и безопасности глаз всю ночь не мог сомкнуть. Когда я уходил там еще Шлиттенбауэр с Носке оставался. Но я не уверен, что он тоже там ночевал, хотя с него стало бы.

– Что было на следующий день?

С утра из Мюнхена следователь приехал. Не могу вспомнить фамилию...

– Рейнгрубер?

– Да! Рейнгрубер! Сначала дом осмотрел. С ним Носке в основном ходил, все ему рассказывал и показывал. Нашли убежище убийцы на чердаке над гаражом. Потом этот Рейнгрубер оставил полицеймейстеров, с которыми приехал, охранять дом, а нас с Носке взял с собой опрашивать местных жителей.

Семейка-то оказалась странная. Этот Грубер дочурку свою насильовал. Само собой, симпатий к нему не питали. Эту самую Викторию – дочь Грубера – и ее детей все больше жалели. Шлиттенбауэр, как я и думал, не смог алиби на ночь убийства предоставить – до сих пор не понимаю, почему не удалось доказать, что это он. Я когда на него смотрел, так и хотелось всю обойму в него разрядить – по пуле за каждую жертву и еще две от меня. Но дело было в том, что никто

ничего не видел. Бродяг-то разных, понятно, видели, торговцев опять же, да только ничего конкретного никто сказать не мог. Ну, походили мы, поспрашивали, а под вечер Рейнгрубер нас по домам отпустил.

– Вы участвовали в этом деле впоследствии?

– Нет, пару протоколов подписал только и все. Дальше по газетам следил. Знаю, что Рейнгрубер награду объявлял. Знаю, что следственную группу создали, но результата это не дало, а дальше о деле немного забыли.

Рауш замолчал. «Жаль, что нет Носке! Он был бы в разы полезнее!» – Хольгер был разочарован. Вюнш рассчитывал, что Рауш хотя бы что-то сможет добавить к картине преступления, а выяснилось, что он вообще не понимал, куда нужно смотреть и на что обращать внимание, еще и ряд глупых ошибок допустил, например, не записал имя, адрес и номер авто человека, который сообщил об убийстве в полицию. Франц, между тем, задал стандартный вопрос:

– У вас есть соображения по поводу личности убийцы?

– Ну не то чтобы соображения... Да Шлиттенбауэр этот и есть убийца! Сам же признался, что трогал тела. Выгодно ему это все опять же было, чтобы алименты за сына не платить. Реагировал очень спокойно на все. Да и алиби у него нормального так и нет. Ясно, по-моему, что это он их всех убил, я не знаю, почему его еще тогда не задержали, хотя бы...

– Ясно. Что же, спасибо вам за помощь, господин Рауш.

Мы вас больше не задерживаем. Желаю хорошего дня.

– Рад, что смог помочь. Скажите, а это дело вновь открыли?

– Оно на доследовании.

– Тогда я вот что вам скажу: Шлиттенбауэр до сих пор в Кайфеке живет. За такое время он мог решить, что о нем все забыли и допустить какую-нибудь промашку, выдать себя чем-нибудь...

– Спасибо, господин Рауш. Мы обязательно приглядимся к нему повнимательнее. До свидания.

Майер присоединился к Хольгеру и тоже попрощался с Раушем.

– Да, до свидания, господа. Удачи вам!

– Как же жаль, что в Америку эмигрировал Носке, а не он!

Как только за Раушем закрылась дверь, Вюнш дал некоторую волю эмоциям. Франц молча кивнул.

Глава 21

Карамель

Свинцового цвета тучи будто вытягивали из окружающего мира цвета, оставляя только разные оттенки серого и белого. Было то состояние погоды, когда абсолютно очевидно, что дождь будет, но он все не начинается, будто набирая силу и готовясь к решительному наступлению.

Черная машина скользила по прямой дороге, по обеим

сторонам которой располагались поля. Если бы птица посмотрела на этот автомобиль с высоты, ей бы показалось, что движение его плавно, а дорога является идеально ровным полотном. На деле же Хольгер и Майер изрядно натряслись на старом сельском тракте. Сюда еще не дошла большая автодорожная стройка, а потому дорога представляла собой простую грунтовку, раскисшую, к тому же, от весенней беспутицы.

– Сначала в Кайфек или на то место, где была ферма?

Вюншу было все равно, поэтому он предоставил право выбора Майеру.

– На ферму.

– Хорошо, тогда, если верить карте, нам направо.

За полем по правой стороне их взору давно уже был открыт смешанный лес. Хольгер неплохо ориентировался на местности и по его прикидкам этот лес и скрывал от них Хинтеркайфек. Дорога из просто старой превратилась в отвратительную, стоило только Вюншу повернуть направо. Здесь почти никто не жил, а потому и держать дорогу в порядке было некому и незачем. День перевалил за четвертый час и цвета полностью утратили яркость.

Лес начинал нервировать Хольгера. Он будто вглядывался в незатейливых путников, странным ветром занесенных в эти безлюдные места. При этом всего в километре к востоку находилась средних размеров деревня и кипела крестьянская жизнь. Согласно карте купленной в Ингольштадте, это

место было окружено деревьями, но при этом само по себе довольно пустынно и изолировано.

Лес, подступавший порой к самой дороге, внезапно оборвался, и взглядам полицейских предстала небольшая долина, ограниченная с одной стороны лесом, а с другой небольшой речкой. Вюнш сразу узнал кромку леса. Именно ее он видел на фотокарточках. Судя по всему, облик этого места за последние одиннадцать лет изрядно изменился. Не только усадьбы Груберов, но и двух ближних к ней, видимых на фотографиях из дела, больше не существовало. «Ничего мы здесь не откапываем...» – мысли Хольгера были безрадостны. Ближе к берегу реки все еще стояли несколько домов, в некоторых из них даже был виден свет.

– Заедем. Вдруг узнаем, кому сейчас принадлежит земля.

Франц, скорее всего, кивнул, но Хольгер даже не посмотрел на него.

Wanderer Вюнша, очевидно, заметили издали так как, когда он подъехал к ближнему по дороге дому, хозяин уже стоял на улице. Невысокий седеющий мужчина явно был насторожен.

– Добрый день! Мы из полиции. Я, оберкомиссар Вюнш.

– Комиссар Майер.

– Чем могу вам помочь, господа?

– Вы давно здесь живете?

– Всю свою жизнь.

– Значит, вы должны помнить, что у леса стояли три фер-

мы.

– Помню, конечно. Только вам ведь не три фермы нужны. Вам нужна только одна. Та, где всех убили.

– Вы знаете что-нибудь об этом?

– Пройдемте в дом. Не уличные это разговоры.

Хольгер не видел смысла отказываться, Майер тоже не был против, поэтому вскоре полицейские и хозяин дома расположились в комнате, которую можно было назвать столовой. Мужчина, скорее всего, жил один, во всяком случае, никаких следов других людей в доме не было.

– Как ваше имя?

– Юлиус Кранах.

– Вы говорили, что знаете что-то про убийство, произошедшее на соседней ферме...

– Здесь все знают про это убийство что-нибудь.

– Понятно. Вы были здесь в то время, когда произошло убийство?

– Да, я был здесь. Меня на следующий день, после того как тела обнаружили, опрашивал следователь.

– И что вы ему сказали?

– Правду, что не видел ничего. От меня тот дом плохо видно было – далеко, да и ферма Волькенштейна загораживала. Жена моя, покойная ныне, тоже ничего такого мне не рассказывала. Помню, что дым шел из труб, его видно было, а больше ничего особенного не видал.

– Может быть, в лесу какие-нибудь огни были?

– Может и были, да только мало ли какие огни в лесу могут быть...

– Как бы вы охарактеризовали Груберов?

– Не любили их здесь, вы наверняка знаете почему. Андреаса с женой совсем не привечали, а вот Викторию жалели. Я с ними не особенно-то общался. Пару раз повздорил с Андреасом, не помню уже по какому поводу, но с ним все хотя бы пару раз повздорили. Да в гости к жене Виктория иногда заходила. Они обе травничали, на этой почве и приятельствовали. Дочка Виктории и Карла, помню, бойкая была очень, как-то в дождь прибежала к жене с травой, которую в поле нарвала, и давай ее допрашивать: «А это что за трава? А эту как надо заваривать?» И все это без смущения какого-то. Меня потом, когда про убийство узнал, уж такая злоба взяла. Бедные дети...

– А Карла Габриеля вы знали лично?

– Немного. Он из Лаага был. Спокойный такой парень. Мне показался очень толковым малым. Они вроде еще с детства с Викторией знакомы были, но врать не буду – точно не знаю. Так или иначе, долго они вместе не прожили. Не хочу пустые сплетни гонять, но говорят, что не смог он под одной крышей с Андреасом жить и терпеть его отношения с Викторией. А потом Война началась. Насколько я знаю, он погиб.

– Вы военных в окрестностях в дни, когда убийство произошло, не видели? Может, следы от армейских сапог? – Франц впервые вступил в разговор.

– Не помню, может и был кто-нибудь. Да только ничего подозрительного не было точно.

Майер больше не имел вопросов и, казалось, утратил интерес к разговору, уставившись в окно.

– А что вы можете сказать о Лоренце Шлиттенбауэре?

– Знал, что вы про него спросите... Его еще тогда подозреваемым номер один сделали, хотя по мне, глупость это. Он ведь забрать Викторию хотел, жениться на ней, усыновить ее детей, причем и дочку тоже. А ведь слухи нехорошие ходили, что дочка у Виктории не от Габриеля, а от Андреаса, да и сын не от Шлиттенбауэра... Так оно или не так, судить не возьмусь – слухи есть слухи. В общем, не верю я, что Лоренц их убил. Кроме того, ну сами посудите – зачем бы Шлиттенбауэру оставаться в доме после убийства, тем более, что я его видел в Кайфеке в один из тех дней, когда убийца должен был сидеть на ферме?

– Вы знаете, где он сейчас живет?

– Там же, где и тогда, в деревне, третий дом слева по Браунштрассе...

Франц отвлекся от созерцания пейзажа и вновь вступил в разговор:

– А где мы можем найти хозяев ферм соседствовавших с фермой Груберов?

– На кладбище, молодой человек. Тобиас Волькенштейн умер в 24-м году, а его супруга и вовсе до Войны. У них был сын Якоб, он еще при жизни старика переехал в Шробен-

хаузен и я его последний раз видел на похоронах Тобиаса. А Циммеры умерли в 26-м один за другим с интервалом в неделю, насколько мне известно, детей у них не было.

– А кто сейчас владеет этой землей?

– Никто. По крайней мере, никто за ней не следит. Дом Груберов снесли еще в 23-м. Оно и понятно – наследников у Груберов не нашлось, а продать дом с такой историей было гиблой затеей. А вот дома Циммера и Волькенштейна снесли почти одновременно, в июне 26-го года. Я почему так точно запомнил-то – месяц всего со смерти Кунигунды и Эриха прошел...

«И фотографии дома были изъяты из полицейского архива в июне 26-го. Неужели дело в праве владения землей?..»

– Что, просто пригнали технику, снесли дома и уехали?

– Именно так. Я сначала подумал, что кто-то купил оба участка и на них сейчас начнется какое-то строительство, но в итоге получилось то, что вы сказали: приехали, снесли и уехали.

– Скажите, а кто из ваших соседей в 1922-м уже жил здесь и может нам помочь в этом деле?

– Далее по дороге живет фрау Штробль, но она уже тогда была пожилой женщиной, а сейчас испытывает очень серьезные проблемы с памятью, так что вы едва ли сможете что-то у нее узнать. Есть еще Мария Шульц с мужем, но она, напротив, тогда была десятилетней девочкой и тоже, скорее всего, ничего конкретного вам не скажет. Остальные переехали

сюда позже этого срока. Вам лучше поспрашивать в деревне – там живет много людей знавших Груберов.

– Спасибо вам за помощь.

– Не стоит. Это дело снова открыли?

– Его и не закрывали, просто теперь отправили на исследование.

– Ну что же, удачи вам. Вдруг у вас получится сделать то, что не удалось вашим коллегам одиннадцать лет назад. Я буду искренне рад, если ублюдок, совершивший это, получит по заслугам.

– Сделаем все, что сможем. Доброго дня.

– До свидания, господа.

– Нет никаких причин ехать на то место, где стояла ферма. Предлагаю сразу проехать в Кайфек. Надеюсь, удастся сегодня допросить Шлиттенбауэра.

Франц кивнул, но Хольгер скорее разговаривал сам с собой. Они снова тряслись на раскисшей дороге. Облака, копившие мировую скорбь, уже начинали орошать ею землю. Минут через двадцать должен был начаться настоящий ливень.

Вюнш увидел впереди поворот налево. Не дорога, а скорее тропа, ведущая к тому месту, где некогда стояла ферма Груберов. «Там ничего нет. Ни дома, ни сарая, ни следов. Это пустая трата времени» – логика, казавшаяся столь твердой и выстроенной, на самом деле уже уступила в неравном бою с инстинктом. Вюншу нужно было там побывать. Не бы-

ло ни одного шанса найти там что-либо кроме грязи и пыли, но острая потребность, поселившаяся в голове Хольгера, как только они въехали в эту долину, не могла больше оставаться неудовлетворенной, поэтому он крутанул руль и повернул налево.

– «При проведении любого расследования посещение места преступления – первейшая необходимость. Полицейский не должен пренебрегать работой на месте преступления независимо от его расположения, доступности и возможной степени сохранности улик...» – Хольгер процитировал вслух слова оберкомиссара, который вел курсы повышения квалификации, позволявшие полицмейстеру стать детективом. Вюнш хорошо учился, и пусть многие вещи, которым его учили, успели изрядно устареть, он хорошо помнил слова учителей. Франц Майер, всполошившийся в тот момент, когда Вюнш повернул, внимательно посмотрел на старшего коллегу, а затем, видно, приняв его доводы, кивнул.

«Да что за запах?» – стоило им повернуть к ферме, Хольгер учуял едва уловимый аромат, столь мимолетный, что трудно было понять, есть ли он в реальности. Тропа обрывалась – они прибыли на место. Вюнш вышел из машины, и Франц последовал его примеру.

От дома ничего не осталось. Не было даже фундамента или ямы на его месте. Тот, кто руководил сносом, очень постарался, чтобы о доме не осталось никаких воспоминаний.

Однако Хольгер видел дом. Фотографии и описания обстановки накладывались на безрадостный пейзаж и создавали перед его внутренним взором картину дома в мельчайших известных ему деталях. Запах усилился.

– Я пройду до кромки леса и посмотрю, какой оттуда обзор.

– Да, конечно, Франц. Только не теряйтесь.

Для постороннего глаза движения Хольгера были хаотичными и бессмысленными, однако он не просто метался по мертвой прошлогодней траве. Сейчас Вюнш стоял на том месте, где был вход в сарай. Если он откроет эту дверь, то увидит тела, сваленные в кучу у входа и присыпанные соломой. В сарае запах был очень сильным, заполняя все нутро Хольгера и мешая ему сосредоточиться на воссоздании облика этого места. «Карамель!» – Вюнш узнал этот до отвратительного сладкий запах конфет. Определив его для себя, Хольгер смог избавиться от наваждения – запах отступил, оставшись где-то на границе восприятия.

Он шел по дому, не таясь, на ферме больше никого не было. Все жители этого места лежали в сарае, кроме девочки, она еще была жива, когда он уходил из сарая. Вдруг он услышал шум. «Есть кто-то еще». Трудно было ступать бесшумно в тяжелых армейских сапогах, но он справился с этой задачей. Дверь была не заперта. Он резко дернул ее на себя и увидел женщину. Изумление на ее лице быстро уступало место ужасу. Он стремительно покрыл разделявшее их рассто-

яние и, прежде чем она успела произвести хоть звук, нанес ей удар...

На этом реконструкция обрывалась. Хольгер не знал, чем был нанесен удар. Потребность была удовлетворена, можно было отправляться в Кайфек. Вернулся со стороны леса Майер. Вюнш задал ему вопрос, на который уже и так знал ответ:

– Франц, вы не чувствуете запах карамели?

Франц отрицательно помотал головой.

Глава 22

Спокойствие

Едва успев спрятаться от наступавшего ливня в салоне авто, Хольгер и Майер провели короткое совещание и пришли к тому, что дотемна они успеют встретиться только с Шлиттенбауэром.

– Пожалуй, имеет смысл заночевать в Кайфেকে, а завтра закончить с опросом очевидцев и, раз уж приехали, посетить Лааг. Кто-то там должен помнить Карла Габриеля и его родственников.

– Согласен. Можно будет разделить. Лааг недалеко – вы можете проехать туда, а я в это время поговорю с местными.

Решение было выработано, оставалось лишь его реализовать. Оставив Хинтеркайфек позади, Хольгер повел машину в сторону деревни. Вюншу не хотелось оставаться на ночь

в деревенской гостинице, но возвращаться сюда из Мюнхена завтра ему хотелось еще меньше. «Надо будет извиниться перед Хеленой...» – с утра он не знал, сможет ли вернуться в город, и невольно ввел ее в заблуждение, договорившись о встрече в «Охотнике».

Вопросы влекли за собой новые вопросы. Кто являлся владельцем земли, на которой раньше стояла ферма? Хольгер помнил, что и в Рейхсархиве не было документа, указывавшего нынешнего хозяина. Список владельцев фермы заканчивался на Виктории. Станным было и то совпадение, по которому фотографии из полицейского архива забрали почти одновременно со сносом домов соседей Груберов. Вюнш пока не видел связи между запутанной историей владения этой землей и убийством, и этой связи вполне могло не быть вовсе, но совсем не обращать на это внимания было бы неверно. «Похоже, придется еще раз побеспокоить господина Кампля и фрау Циллер» – Хольгер вспомнил переполох, произведенный его прошлым визитом, и представил лицо директора в момент, когда он снова явится в его кабинет с вопросами.

Из-за пелены дождя появление огней Кайфека было для Вюнша немного внезапным. Деревня была уже совсем близко. «И как мы узнаем, в какой стороне Браунштрассе? Ведь черта с два хоть один абориген сейчас на улице!». Однако опасения Хольгера оказались напрасны – прямо на центральной площади деревеньки стоял указатель, позволивший сле-

дователям быстро найти Браунштрассе и нужный им дом.

– Окна светятся – там точно кто-то есть. Вы прихватили с собой зонт, Франц?

Перед таким сильным ливнем, Хольгер был готов перебороть свою нелюбовь к зонтам, однако отрицательный жест Майера разрушил его надежды остаться сухим. Быстро проскочив через незапертую калитку и участок, полицейские оказались на крыльце массивного двухэтажного дома. Навес над крыльцом был недостаточно велик для двоих взрослых мужчин и Вюнш с Францем изрядно вымокли, ожидая пока им откроют дверь. «Хороши полицейские – вымокшие до нитки, в грязной обуви, пара уставших штатских отрывающих мирных граждан от ужина». Дверь приоткрылась, и Хольгер увидел полноватую девушку, скорее даже молодую женщину, с красивыми голубыми глазами.

– Добрый вечер, фройляйн! Это дом Шлиттенбауэров?

Вюнш старался, чтобы его голос звучал как можно более беззаботно.

– Да... А вы кто? Добрый вечер...

– Простите за столь поздний визит, мы из полиции. Я, оберкомиссар Вюнш, а это мой коллега, комиссар Майер.

Франц молча кивнул.

– Нам нужно поговорить с Лоренцем Шлиттенбауэром. Он здесь?

– Папа только что вышел, сказал что вернется через полчаса... Проходите, господа. Простите за неучтивость, мы со-

всем не ожидали гостей в такой час.

– О, благодарю!

В иной ситуации Хольгер предпочел бы дожидаться возвращения Шлиттенбауэра в машине, чтобы не смущать девушку, но нещадно хлеставший по спине дождь изменил его мнение. Войдя в просторную прихожую, Вюнш тут же отметил порядок и основательность окружающей обстановки. Майер, тем временем, достал свои документы и, посмотрев прямо в глаза девушке, сказал:

– Фройляйн Шлиттенбауэр, не стоит доверять каждому, кто заявляет, что он полицейский. Вы забыли проверить наши удостоверения.

На щеках девушки вдруг выступил румянец, а улыбка, с которой она осмотрела документы Майера, была совсем рассеянной. «Это он так хотел или так просто получилось?» – Вюнш ясно видел, что в своих юных снах фройляйн Шлиттенбауэр сегодня увидит статного полицейского детектива Майера. Лицо Франца, впрочем, осталось равнодушно.

– Простите мою бестактность, фройляйн Шлиттенбауэр, но не могли бы вы дать мне и моему коллеге полотенце, чтобы вытереть лицо?

– Да... конечно, проходите в гостиную, я принесу вам полотенце и заварю чай.

Девушка тут же побежала хлопотать, а Хольгер едва успел перехватить, уже направившегося в указанную комнату, Майера за плечо.

– Разуйтесь, Франц. Чего нам точно не стоит делать, так это оставлять за собой грязные отпечатки обуви.

Вопреки обыкновению Франц ответил вслух:

– Да, вы правы.

Его голос прозвучал хрипло, что совсем не понравилось Вюншу.

– Франц, да вы никак простужаетесь?

Майер прокашлялся, прочищая горло, и обычным своим голосом сказал:

– Нет, все нормально, просто в горле запершило.

– Вы смотрите, нам еще предстоит побегать на этой неделе.

Молодой полицейский кивнул и, разувшись, прошел в гостиную.

Вскоре лица и руки были высушены, а чай выпит. Вюнш внимательно разглядывал окружавшую его обстановку. Массивные стулья стоящие рядом с крепким столом, тяжелый шкаф, на дверцах которого аккуратной рукой оставлена тонкая резьба – мебель была сделана талантливым мастером, но при этом не была лишена некоторых шероховатостей. «Похоже, что ее делал хозяин дома». Вообще вся обстановка, даже чашки, в которые был налит чай, говорила о том, что хозяин этого дома – человек твердо стоящий на ногах и предпочитающий удобство красоте. Хольгеру было искренне жаль разрушать покой этих людей разговорами об убийстве.

Наконец раздался глухой стук в дверь. Фройляйн Шлит-

тенбауэр, не произнесшая за последние пятнадцать минут ни слова, отложила вышивку и побежала открывать дверь. «Она всегда так передвигается по дому или это нервозность так сказывается?..» Реакция на внезапно оказавшихся в доме вооруженных мужчин могла быть не вполне адекватной, а потому Вюнш поспешил напустить на себя самую добродушную гримасу. Он и Майер встали рядом ближе к центру комнаты и заранее достали документы.

– Ну и льет там, дорогая... Чья это обувь?

– Пришли двое мужчин, папа. Они полицейские, я сама видела их документы. Они сказали, что им нужно с тобой поговорить. Я пригласила их в дом, чтобы не заставляя мокнуть под дождем. А это они, наверное, чтобы не нести грязь в комнату, разулись...

– Ладно... Хельга, налей мне чаю, пожалуйста.

Разговор Лоренца Шлиттенбауэра – одного из главных подозреваемых в убийстве шести человек – с дочерью, пускай и происходил в другой комнате, не стал для полицейских секретом. Вюнш видел, как Хельга проскочила на кухню, а затем в гостиную вошел Шлиттенбауэр. Он был среднего роста, не очень широк в плечах, но даже под верхней одеждой было видно, что у него мощный торс и крепкие руки, заканчивающиеся большими ладонями. Седовласый, подходивший к рубежу старости, он вызывал ассоциации с каким-нибудь древним языческим богом, даром, что из растительности на лице имел только усы.

– Добрый вечер, господин Шлиттенбауэр. Простите нас за столь поздний визит. Я, оберкомиссар Баварской полиции Юнш.

– Комиссар Майер.

Лоренц внимательно посмотрел сперва на Хольгера, затем на Майера и, наконец, произнес:

– Добрый вечер, господа. Чем я могу вам помочь?

– Это связано с Хинтеркайфеком.

– Понятно. Присаживайтесь, господа. Постараюсь ответить на все ваши вопросы.

«Действительно, спокойный как слон...». Шлиттенбауэр вышел, очевидно, чтобы снять пальто, и вернулся, держа в руках немного помятую пачку папирос.

– Без толку сходил, все равно все вымокли... – Слова эти были обращены к самому себе.

– Я могу угостить, если позволите.

– Позволю. Спасибо большое.

Хольгер протянул Лоренцу свой портсигар, с сожалением отметив, что осталось только две, прикурил сам и начал разговор:

– Господин Шлиттенбауэр, дело об убийстве в Хинтеркайфеке передали на следствие и мы с комиссаром Майером его ведем...

– И проверяете все обстоятельства связанные с теми событиями. Поэтому, в итоге, ваше дело привело вас в мой дом...

– Совершенно верно. Вы активно сотрудничали со след-

ствием в тот раз, надеюсь, окажете нам содействие и сейчас.
– Разумеется.

Вошла Хельга Шлиттенбауэр с чашкой чая для своего отца. Хольгер рассчитывал, что он либо попросит дочь выйти, либо предложит им самим перейти в другую комнату для продолжения разговора, однако Лоренц лишь с благодарностью принял чай, а Хельга спокойно вернулась к вышивке.

– Расскажите о ваших отношениях с Груберами.

– С Андреасом и Цицилией у меня не было никаких близких отношений. Единственная из них с кем я общался, это Виктория. Она часто бывала в деревне, пела в хоре, продавала аптекарю свои травяные сборы. Я тогда овдовел. Фрейя – мать моего сына Бальдура и Хельги – умерла от туберкулеза в 1918-м году. В 19-м весной мы с Викторией встретились в аптеке, разговорились, условились о следующей встрече. У нее на Войне погиб муж, но с тех пор прошло пять лет, я тоже был вдов уже больше года, поэтому не видел смысла скрывать наши отношения, однако уступил ее просьбе. Наши встречи проходили тайно, обычно у меня в сарае по вечерам...

Лоренц Шлиттенбауэр рассказывал об этом абсолютно ровным голосом, ничуть не смущаясь при описании своей связи с Викторией, присутствовавшей в комнате дочери. Та, в свою очередь, не показывала не то что смущения, но даже и заинтересованности, продолжая заниматься вышиванием.

– В декабре 19-го года у Виктории родился мальчик. К

тому моменту я уже несколько раз звал ее замуж. Я с трудом справлялся с воспитанием детей, а она с большой любовью относилась к своей дочери. Я обещал Виктории, что если она выйдет за меня, я заберу ее с дочерью из родительского дома и приму Маргариту как свою. Наконец, она согласилась, но с условием, что я получу благословение Андреаса. Скорее всего, он продолжал спать с Викторией в течение всего периода наших с ней отношений. Я уже тогда не был уверен, что Йозеф мой сын, но это было не особенно важно для меня.

Андреас с порога отверг мое предложение, чуть с кулаками на меня не бросился. Виктория, в который уже раз, не стала перечить своему отцу и наши отношения сошли на нет. Йозефа я был готов признать только при условии моего участия в его жизни – не хотел, чтобы он вырос, видя Андреаса в качестве примера. Кроме того, у меня была надежда, что Виктория все же согласится выйти за меня, если я буду чаще бывать с ней и Йозефом. Все мои условия были отвергнуты Андреасом, что в итоге вышло ему боком: так как его уже ранее судили за инцест, а я не признал Йозефа своим сыном, Андреаса задержали и завели на него дело – ему грозил реальный срок. Виктория пыталась убедить меня признать отцовство. Я согласился, но на своих условиях. Пусть это и обременяло меня выплатой алиментов за него, я смог добиться своего – смог бывать рядом с сыном.

Андреаса отпустили и, судя по всему, их связь с Викторией продолжилась. Меня это уже не интересовало. Она боль-

ше не хотела быть со мной, а я не настаивал. Через полгода я встретил свою нынешнюю супругу Кристиану Боден. Она сейчас в Аугсбурге, гостит у сестры.

Мои визиты в дом Груберов были не очень часты – я приходил раз в неделю, самое большее, на пару часов. Обычно просто гулял с Йозефом. Мои подозрения о том, что его настоящим отцом был Грубер, подтверждались. Йозеф не был похож на меня. По младенцам всегда трудно судить, но за два года у него не появилось моих черт. Кроме того, он почти не вытянулся в росте и вообще сильно отставал в развитии. Может это ничего не значит, но ведь кровосмешительство потому и считается преступлением...

– Ты любил Викторию? – Этот вопрос задала Хельга, внезапно вмешавшись в разговор.

– Да. Но кроме того, она была бы вам хорошей матерью, если бы только смогла выбраться из того дома...

Хольгер не хотел грубить хозяевам, но поспешил вернуть разговор в нужное русло:

– Расскажите о тех днях, когда произошло убийство.

– Весна выдалась холодной. В конце марта еще лежал снег. Я не был у Груберов уже две недели после очередной ссоры с Андреасом. Насколько помню, он с чего-то решил, что я хочу отнять у него дом. Даже если бы я захотел, не особенно понимаю, как бы я мог это сделать. Так или иначе, я не видел в эти две недели никого из Груберов, кроме дочки Виктории Маргариты. Она ходила в школу в Кайфеке, и я несколь-

ко раз замечал ее в деревне. Следовательно... Рейнгрубер мне рассказывал, что убийство произошло в ночь с тридцать первого марта на первое апреля. Отсутствие свидетелей видевших меня в эту ночь, очевидно, было главной причиной для того, чтобы считать меня подозреваемым.

«Действительно, абсолютно спокоен. Ровный голос, ровная речь, глаза не бегают...».

– Я иногда испытываю острую потребность в одиночестве. Знаю, что это может прозвучать странно, но в такие моменты я становлюсь раздражительным и... неприятным. Эта черта у меня с детства и она доставила мне немало хлопот в молодости, прежде чем я научился с ней справляться. В сарае у меня до сих пор оборудовано что-то вроде убежища, где я провожу некоторое время в одиночестве, когда чувствую необходимость в этом.

– И это был тот самый момент?

– Да. Я сообщил Бальдуру и Кристиане, что эту ночь проведу в сарае. Они, разумеется, знали об этой моей черте, поэтому не удивились. Я взял бутылку вина, фонарь и большую часть ночи занимался своим увлечением – изготовлением мебели. В ту ночь я, если память не изменяет, закончил стул, на котором вы сейчас сидите, господин Майер, а потом, допив вино, лег спать.

Хольгер посмотрел на указанный стул и вынужден был признать, что если господин Шлиттенбауэр действительно сам сделал эту вещь, то он отличный мастер. Особенно уда-

лась ему резьба на ножках стула – цветочный узор, оплетавший ножки, поднимался по спирали к сиденью как барельеф на римской колонне.

– Вас никто не видел в эту ночь?

– Да. Никто не входил в сарай, и я не выходил наружу.

Франц Майер впервые вступил в разговор:

– А чем вы занимались в следующие четыре дня?

Если Лоренц и заметил подвох в этом вопросе, вида он не подал.

«Не боится. Уверен в себе, или, как говорил Иоханнес, скудная эмоциональная реакция?..» – мысли Хольгера вернулись к тому портрету, который составил доктор. Шлиттенбауэр вполне в него вписывался, но Вюнш не собирался спешить с выводами.

– Ничем особенным. Работал по хозяйству. Два раза съездил в Ингольштадт...

– На чем?

– С Акселем Фогелером на его автомобиле.

Франц кивнул, и разговор вновь повел Вюнш:

– Как вы обнаружили тела?

– Четвертого апреля во второй половине дня ко мне пришел Хофнер, это механик из Вайдхофена, который часто работал в окрестных деревнях. Он сказал, что сделал работу, о которой договорился с Андреасом, но на ферме никого нет. Меня это насторожило. Я уже слышал от почтальона Мейера, что Груберы не открывают ему дверь в последние дни.

Это не было редкостью – они часто так делали. Но то, что за весь день, пока Хофнер возился с тем двигателем, никто из них так и не показался, было странно даже для Андреаса.

– Почему Хофнер обратился именно к вам?

После того как я признал отцовство над Йозефом, наши отношения с Викторией перестали быть тайной. В следующие два года мне часто приходилось становиться чем-то вроде контакта между Груберами и жителями деревни. Меня, признаюсь, это тяготило, но сделать ничего было нельзя – я уже с ними ассоциировался.

– Что было дальше?

– Я забеспокоился и, взяв с собой четверых человек, отправился на ферму.

– Почему вы решили, что с Груберами что-то случилось? Они ведь могли просто уехать куда-нибудь.

– Они никогда так не делали. Груберы могли не открыть дверь, я сам видел, как Цицилия не открыла Мейеру, когда посещал Йозефа, но в доме всегда кто-нибудь был. Да и не выезжали они никуда, тем более все вместе и на долгий срок...

– Вы можете вспомнить имена тех, кто пошел тогда с вами?

– Да. Альберт Хофнер, я попросил, чтобы он сходил с нами. Аксель Фогелер – мой сосед и друг. Он до сих пор живет через дорогу от нас. Мориц Боден, это брат моей Кристианы. Он умер два года назад. Также с нами был Георг Зигль,

я нанял его для помощи по хозяйству.

– Вы не подскажите, где мы можем найти Альберта Хофнера и Георга Зигля?

– Хофнер и сейчас живет в Вайдхофене. У него теперь своя мастерская на Линденштрассе. Где сейчас Зигль, я не знаю. Он проработал у меня один сезон и больше я его не видел.

Наступал самый ответственный момент разговора. Хольгер собрался с мыслями, готовясь не просто слушать то, что скажет Лоренц, но и обрабатывать, искать изъян. Вюнш посмотрел на Майера и Франц едва заметно кивнул, без слов поняв, что нужно сосредоточиться.

– Господин Шлиттенбауэр, расскажите нам о том, что вы увидели на ферме.

– Мы подошли к дому. Я постучал и, не получив никакого ответа, обошел дом вокруг. Окно кухни было не заперто. Там было много следов на снегу. Сперва я решил, что они принадлежали почтальону Мейеру – он бросал почту в окно кухни, если ему не открывали дверь. Была еще цепочка следов, ведущая в сторону леса. Увидев их, я почти не сомневался, что случилось что-то плохое.

Мы решили вынести входную дверь, но она была тяжелой и очень крепкой, к тому же, была обита железом. Зигль предложил проверить, вдруг сарай не заперт и в нем удастся найти какой-нибудь инструмент, потому что без него сломать дверь не получилось бы. Он дернул на себя дверь сарая и тут

же отшатнулся с криком. Мы подбежали к нему и увидели тела прямо у входа. Я даже не сразу понял, что это трупы – они были свалены все вместе и присыпаны сверху соломой так, что еще метров за десять казались просто непонятной грудой тряпья.

Я почти сразу узнал Викторию – она была одета в свое повседневное платье, кроме того, ее отличали темные волосы.

– Вы передвигали тела...

Франц утверждал, а не спрашивал

– Да, передвигал. Зигль говорил мне, что нужно дождаться полиции, но во мне теплилась надежда найти Йозефа живым, поэтому я перевернул тело Андреаса, лежавшее сверху, и переложил его на пол рядом. Я понимаю, что помешал этим полиции, но в тот момент меня это не беспокоило.

Лишь когда речь зашла о мальчике, на лице Шлиттенбауэра появились эмоции – на нем была написана печаль.

– Кто-нибудь заходил в сарай кроме вас?

– Нет.

– Вы видели что-нибудь подозрительное возле дома? Может, людей? Или огонь фонаря?

– Нет. Возможно, что-то было, но я не заметил.

– А как вы все же попали в дом?

– Зигль и Хофнер были в шоке. Фогелеру пришлось дать им несколько пощечин, чтобы вернуть в нормальное состояние. После этого мы решили проникнуть в дом через кухню. Окно было достаточно большим, чтобы туда мог пролезть

взрослый мужчина. Зигль предложил тянуть жребий, но Боден вызвался сам. Он пролез в дом и открыл нам входную дверь.

– Почему вы не поступили так сразу?

– Не знаю даже. Просто в голову не пришло.

– Опишите, что вы увидели в доме?

– Беспорядка не было, это я точно могу сказать. Все предметы стояли на своих местах. Ничего не пропало. Единственное, что бросалось в глаза, это кровавые следы на полу. Я сразу же направился в детскую, там же была и спальня Виктории. Увидев коляску, я подумал, что мой сын... что Йозеф, возможно, жив, но подойдя, я понял, что ошибся...

Это была первая ярко выраженная эмоция, которую Юнш увидел у Лоренца Шлиттенбауэра.

– Хельга, дорогая, принеси мне, пожалуйста, стакан вина. Вы присоединитесь?

Хольгер, поразмыслив, согласился на вино, а Франц попросил еще чаю.

– В это время мои спутники осмотрели остальные комнаты и нашли тело той женщины. Я ее не знал, оказалось, что она только приехала. Я хотел проверить, все ли на месте – Андреас не доверял банкам и все деньги хранил в доме – но Аксель, к счастью, меня отговорил.

– Что было дальше?

– Фогелер вызвался съездить в Ингольштадт за полицейскими на своей машине. Я рассчитывал, что он обернется за

пару часов, но, как я потом узнал, машина сломалась в дороге и Акселю пришлось долго ее чинить.

Вернулась Хельга с кружками. Вюнш с благодарностью принял вино и, пригубив, едва смог сдержать улыбку удовольствия – фруктовое вино было восхитительным. Сделав пару глотков, Хольгер продолжил:

– А Хофнер, Зигль и Боден?

– Хофнер отпросился домой. Он сказал матери, что уезжает только на пол дня, а были уже сумерки. Я не стал его удерживать, но, насколько мне известно, показания у него потом брали. Мориц вернулся в Кайфек, чтобы сообщить о случившемся бургомистру и отправить телеграмму в Мюнхен. А Зигля я попросил обойти окрестные дома и предупредить, чтобы они были настороже – убийца мог быть где-то поблизости...

Франц отвлекся от чая и вновь вступил в разговор:

– А вы в это время оставались на ферме в одиночестве?

– Да. Я старался ничего лишнего раз не трогать, только свет зажег и проверил хлев.

– Зигль вернулся на ферму?

– Да, он около часа обходил соседние фермы, а потом вернулся.

– Что было дальше, когда прибыли полицейские?

– Сначала только один полицмейстер пешком пришел. Носке, кажется... Он рассказал, что Фогелер со вторым полицмейстером застряли из-за сломанной машины на полпу-

ти, а он решил дойти пешком.

– Зигль все еще был на ферме к тому времени как пришел Носке?

– Да. После того как пришел полицейский, я отпустил Зигля, попросив предупредить Кристиану, что я не приду до утра.

– То есть вы оставались в Хинтеркайфеке на ночь?

– Да, вместе с Носке, а второй полицейский заночевал на ферме, кажется, Циммеров – они были соседями Груберов.

Франц замолк, и эстафета снова перешла к Хольгеру:

– Давайте вернемся к тому моменту, когда прибыл Носке. Вы отпустили Зигля. Что было дальше?

– Я показал ему тела в сарае. Сразу сказал, что трогал тела и объяснил причину этого. Не было смысла скрывать, кто-нибудь из моих спутников все равно рассказал бы полиции. После этого мы прошли в дом. Я показал ему следы на полу и тела Йозефа и домработницы. Простите, не могу вспомнить ее имя. После этого я показал ему следы, ведущие из дома в лес.

– О чем он вас спрашивал?

– Спрашивал, кто я, откуда знаю хозяев дома, давно ли их видел последний раз? Помню, попросил показать подошвы сапог, в которых я тогда был, сказал, что следы очень характерные. Про огни спрашивал...

– Про какие огни?!

Хольгеру не до конца удалось выдержать ровную интона-

цию.

– Спрашивал, видел ли я огни в лесу?..

«Дурак! Куда ломанулся? Не спеши!» – Вюнш клял себя последними словами.

– Он делал что-нибудь?

– В смысле?

– Может, вел записи, что-нибудь трогал, передвигал, рассматривал? Может быть, отлучался куда-нибудь?

– Смотреть – смотрел. Записи какие-то тоже вел. Никуда не уходил, это точно. Ничего не трогал и мне запретил, только собаку отвязал в хлеву.

– Расскажите подробнее о том, что было в хлеву.

– Животные все, которых Груберы держали, там были. Андреас с Цицилией, при всех своих недостатках, хозяевами были хорошими: держали трех коров, свиней, лошадь, немного кур. Я еще, когда только ждал полицию, проверил хлев и увидел, что все животные на месте. Даже Блонди там была привязана.

– Блонди? Собака?

– Да, померанский шпиц. Я еще в хлеву понял, что убийство произошло несколько дней назад – навоз давно никто не убирал. Корм был по полу разбросан, видимо, чтобы животные не шумели. Блонди была почти обессилевшей. Она меня не любила и облаивала каждый раз, когда я приходил, а тогда могла лишь скулить.

– Когда появился второй полицейский?

– Примерно через полчаса после прихода первого. Может чуть больше. Он приехал с Фогелером. Этого полицмейстера не помню, как звали.

– Фогелер остался с вами?

– Нет, он только высадил второго полицмейстера и уехал. У Аксея в то время очень болела супруга, и он начинал беспокоиться, если долго с ней не виделся. Он даже не вышел из машины в тот раз.

– Что было после того, как приехал второй полицейский?

– Носке показал ему тела и дом. Они снова опросили меня. Провели обыск, и нашли сбережения Груберов. Андреас не особенно прятал их – драгоценности и деньги оказались в небольшой шкатулке в серванте в столовой. Я не смог сказать, сколько денег должно быть в доме, поэтому второй полицейский предположил ограбление. Носке с ним не согласился, они немного поспорили и пришли к выводу, что пусть дальше разбирается детектив.

– В каком часу это было?

– Не помню точно, после десяти. Было уже совсем темно и полицмейстеры решили, что лучше дождаться следующего дня. Помню, Носке сказал: – «Мы уже затоптали следов больше, чем нашли». Второй полицейский ушел к Циммерам, а я остался вместе с Носке на ферме.

– Почему вы решили остаться?

– Мне показалось, что кто-то должен быть на ферме на случай, если убийца вернется. К тому же, я не знал, насколько

ко растянется обыск фермы. Кроме того, когда второй полицмейстер ушел, Носке попросил меня остаться до рассвета. Я думаю, он просто не хотел оставаться там в одиночестве и я его прекрасно понимаю...

Франц вновь вступил:

– Где вы расположились?

– В гостиной – там было кресло и диван. Свет мы, разумеется, гасить не стали.

– Как прошла ночь?

– Ничего не произошло, если вы об этом. Хотя, наверное, господин Носке об этом расскажет лучше. Я очень устал в тот день – наверное, это был самый длинный и тяжелый день в моей жизни – поэтому, как только я улегся на диван, тут же провалился в сон и проснулся только около пяти утра.

«То есть, в принципе, он способен уснуть на ферме среди трупов...»

– Вы разжигали камин?

– Нет. Я предложил, но Носке запретил под предлогом того, что в камине могли быть какие-нибудь улики.

– Вы проснулись около пяти утра. Что было дальше?

– Не знаю, спал ли Носке, но когда я проснулся, он уже бодрствовал и осматривал следы и кровавые брызги, оставленные в доме. Мы с ним очень старались ступать как можно более аккуратно, чтобы не смазывать следы на полу, но, к сожалению, в гостиной большая часть следов оказалась затоптана. Я спросил разрешение идти домой, Носке подумал

некоторое время, но все-же отпустил меня, попросив, чтобы я не уезжал из Кайфека и, предупредив, что ко мне еще придут с вопросами. Я это и сам понимал. В общем, я ушел с фермы в половину шестого и примерно через полчаса был дома. А днем пришел Носке, тот второй полицейский и следователь Рейнгрубер.

– Что вы им рассказали?

– То же, что и вам. Может быть, тогда я заметил еще какие-нибудь детали, но сейчас, через столько лет, уже не смогу их вспомнить.

Опрос подходил к завершению. Несмотря на частичное соответствие портрету составленному доктором Иоханнесом и некоторые обстоятельства, говорившие в пользу виновности Шлиттенбауэра, после личного общения Хольгер уже почти не сомневался, что человек, сидевший перед ним, не был убийцей.

– Спасибо вам за откровенность и за то, что приняли нас в столь поздний час, господин Шлиттенбауэр. У нас осталось еще только два вопроса...

– Георг Зигль в своих показаниях утверждал, что вы были слишком спокойны, когда были обнаружены тела, и, даже, не были ничуть удивлены. – Майер буквально перебил Хольгера и поставил вопрос намного жестче, чем это сделал бы Вюнш. «Пытается вывести из себя, заставить проявить свою сущность! Ай да Франц! Опасно, но если сработает...». Лицо Шлиттенбауэра осталось бесстрастным, казалось, выпад

Майера его не задел:

– Что я могу на это сказать? Разве только то, что из всех людей, бывших со мной в тот вечер на ферме, Зигль знал меня хуже и меньше всех. Я с детства выделялся спокойным поведением и характером. Люди, которые давно со мной общаются, знают это и не удивляются, когда я спокойно реагирую на то, что вызывает в других людях сильные чувства. Фогелер, Хофнер и Боден знали меня в течение долгого периода времени, поэтому им не бросилось в глаза мое кажущееся спокойствие.

Шлиттенбауэр посмотрел прямо на Майера. Его взгляд был тяжелым, очень тяжелым, но он не был наполнен ненавистью, злобой или, напротив, страхом. Лоренц заговорил:

– То, что произошло на ферме – одно из самых трагических событий в моей жизни. В одночасье я потерял ребенка, который, возможно, не был моим родным сыном, но о котором я заботился с самого его рождения, и женщину, которая своей любовью помогла мне справиться со смертью первой супруги и вернула желание жить дальше. Возможно, я выглядел спокойным, но мое сердце пылало, когда я нашел их убитыми, и пылает до сих пор, когда я думаю о них.

Майер выдержал этот взгляд и ответил спокойно и веско:

– Я приношу вам искренние извинения за то, что мы пришли в ваш дом и обеспокоили вас с дочерью, а также за то, что вернули вас в ту ночь, но некоторые вопросы мы не можем не задать.

Хельга Шлиттенбауэр подняла глаза от вышивки и посмотрела на Франца при этих его словах. Взгляд ее выразительных глаз был не легче взгляда ее отца, но в нем Вюнш увидел что-то еще, пока трудноопределимое. Между тем Майер и Лоренц продолжали разговор:

– Я понимаю...

– Тогда позвольте задать вам еще один вопрос. Где мы можем найти вашего сына Бальдура?

– Он живет в Лааге, работает в столярной мастерской Шипплока – она на центральной площади, не ошибетесь.

Пора было откланиваться. Хольгер посмотрел на часы – была половина десятого вечера. Ливень превратился в простой дождь.

– Спасибо за помощь и за гостеприимство, господин Шлиттенбауэр, и вам, фройляйн...

Вюнш встал и направился в прихожую, Майер шел следом. Проходя мимо все еще сидевшего Шлиттенбауэра, Хольгер выронил документы из кармана брюк. Майер и Лоренц дернулись одновременно. Никто из них не успел схватить удостоверение, и оно упало на дощатый пол, но Вюнша волновало не это – Шлиттенбауэр пытался поймать его правой рукой. Хольгер в течение всего разговора следил за руками Лоренца, но так и не смог однозначно определить его ведущую руку, поэтому и решил прибегнуть к этому немного неловкому трюку.

– Спасибо вам. Что-то ваше замечательное вино сделало

меня рассеянным... Пусть Вюнш и позволил себе выглядеть глупо, зато теперь он мог почти наверняка исключить Лоренца Шлиттенбауэра из числа подозреваемых. После короткой перебежки под дождем двое полицейских укрылись в салоне автомобиля.

– Она очень мила...

Лицо Франца было сосредоточено и казалось немного печальным.

– Да, Франц, вы правы – она очень мила.

«Интересно, а как это выглядит у него? Как морская волна или как пламя? Хотя с него станется чувствовать это как снежное утро...» – Хольгер надеялся, что очарование Хельги Шлиттенбауэр не помешает Майеру в работе.

– Поехали в гостиницу, Франц. Сегодняшний день был слишком длинным. Только сейчас, выйдя из дома Лоренца, Вюнш понял, какого напряжения сил потребовало от него общение с этим человеком.

Глава 23

Трактир

Сонная девушка, выполнявшая функции метрдотеля, даже не сразу поняла, чего хотят от нее два промокших и уставших господина. Как и ожидал Хольгер, свободных комнат хватало. В итоге Майер и Вюнш взяли два дальних от лестницы на первый этаж номера. Номера были среднего уровня,

впрочем, Хольгер не жаловался. «Бывало намного хуже...» — он не без содрогания вспомнил некоторые места, в которых ему доводилось ночевать. Тепло вернуло ему бодрость духа, и он не смог отказать себе в желании спуститься в общий зал и пропустить кружку-другую местного пива, да и ужин был бы совсем нелишним.

Вюнш в очередной раз удивлялся странному свойству человеческого организма: утром, после полуночных перешептываний с Хеленой, ему ужасно хотелось спать и часов до четырех дня это желание не покидало его. Но сейчас, в десять вечера, сна не было ни в одном глазу.

Очевидно, Майер испытывал что-то похожее, потому что когда Хольгер спустился в общий зал, Франц уже был там и что-то с аппетитом уплетал.

– Что это вы так активно едите, Франц?

– Бойшель...

Майер явно с большой неохотой отвлекся от тарелки, а Хольгера даже передернуло. Бойшель представлял собой рагу из телячьих потрохов, подавался с хлебными клецками и молочным соусом, и был весьма любим жителями Нижней Баварии и австрийцами. Вюншу когда-то очень не повезло с этим блюдом — вкус той несъедобной кашицы до сих пор прочно ассоциировался у него с чем-то совершенно омерзительным. Умом Хольгер понимал, что в тот раз блюдо просто готовил плохой повар, но предубеждение уже сложилось, и перебороть его было крайне тяжело.

– Надеюсь, у них есть что-нибудь кроме бойшеля.

Вюнш заказал себе простой ужин из вареного картофеля, квашеной капусты и белой колбасы, а также две кружки подогретого пива – для себя и для Майера. В общей зале кроме них было еще только три посетителя: благообразный мужчина в одеянии священника, читавший книгу, и пара местных, судя по одежде, выпивох в предпоследней стадии опьянения. А вот что серьезно расстроило Хольгера, так это отсутствие в трактире табака. Папиросы закончились еще во время разговора с Шлиттенбауэром, а магазин, по словам трактирщика, был уже закрыт. Ужин, ставший наградой за плодотворный день, и весьма недурное пиво окончательно привели Вюнша в положительное настроение.

– Как вам сегодняшний день, Франц?

– Полезный.

– Согласен с вами.

Они закончили ужин и теперь лениво потягивали пиво. «Хорошо, что решили не возвращаться сегодня в Мюнхен!» – Хольгер посмотрел в окно, за которым все никак не кончался дождь, и представил, как бы они сейчас пробирались по размокшей дороге в темноте.

– Завтра я могу съездить в Лааг к Бальдуру Шлиттенбауэру и по тому адресу, где стоял дом Габриелей – если повежет, их до сих пор кто-нибудь помнит. Кроме того, заеду в Вайдхофен к Альберту Хофнеру.

– А я поспрашиваю людей в Кайфеке, поговорю с Акселем

Фогелером и попробую попасть к местному бургомистру.

– Сходите в кирху⁴⁹. Отец Хаас – священник в местной церкви – дал важные показания по нашему делу, вдруг он еще жив.

Франц молча кивнул.

– Хорошо, так и поступим. Что вы думаете насчет владельца Хинтеркайфека – связано это с убийством?

– Почти уверен, что нет.

В этот раз молча кивнул Хольгер.

– А что вы думаете по поводу Лоренца Шлиттенбауэра, Франц?

– Думаю, что он этого не совершал.

– Почему?

– Прежде всего, потому, и на это уже обращали внимание многие, что ему абсолютно не было смысла возвращаться в Хинтеркайфек после убийства. То, что он жил там безвылазно в эти четыре дня не подтверждается Кранахом, и я думаю, что завтра к Кранаху присоединится еще кто-нибудь, кто видел его в дни между убийством и нахождением тел, тот же Фогелер. Я и сегодня хотел спросить об этом Хельгу Шлиттенбауэр, но это слишком сильно накалило бы атмосферу. Допустим, он возвращался в этот дом по каким-нибудь делам, но тогда зачем оборудовать место для сна? Зачем брать еду из этого дома? Это было бы очень глупо, а на дурака он не похож.

⁴⁹ Кирха (нем. Kirch) – церковь, храм.

Вюнш попросил Франца продолжать и занялся пивом. Пока то, что говорил Майер, полностью соответствовало выводам самого Хольгера.

– Потом: вы обратили внимание на то, как он говорил о Виктории и Йозефе? Он любил их обоих. Спасибо Хельге – она нам невольно помогла, когда спросила у Лоренца про его чувства к Виктории. Он не соврал ей, нам мог и солгать, а вот ей сказал правду. Я, признаться, попытался немного поддеть его вопросом про показания Зигля и, помните, насколько эмоционально он отреагировал? Шлиттенбауэр вообще очень много говорил про Викторию и Йозефа, а знаете, про кого он не сказал почти ни слова?

– Про Маргариту.

Хольгер понял, куда клонит Франц.

– Именно. Опять дыра в мотиве. Зачем ему проявлять особую жестокость по отношению к тому, кто не играл для него большой роли?

– Да, с мотивом серьезные проблемы... А как вам его алиби?

– Пожалуй, тут как раз самая тонкая часть его показаний. С другой стороны, вы видели мебель в их доме – она не фабричного производства. Поверить в то, что человек иногда проводит ночь за обтачиванием ножки стула не сложнее чем в то, что кто-то коллекционирует почтовые марки или монеты.

– Я думаю, немного должен пролить свет на это Бальдур

Шлиттенбауэр, он вполне может помнить, когда появился тот или иной стул в родном доме, особенно если его действительно сделал Лоренц.

– Обратите внимание на то, что Хельга не удивилась и не стала спорить с отцом, когда он рассказал о том, что уходит иногда на ночь в сарай и делает мебель.

– Она могла быть в сговоре с ним.

– А зачем? В газетах ведь не писали, что дело снова расследуется, значит, мы были для Лоренца как снег на голову. Успеть сказать он ей ничего не мог – они не оставались вдвоем кроме момента, когда Хельга побежала его встречать, но мы слышали весь их разговор в прихожей. Да и слишком мало времени они там пробыли для составления плана. Если дочь с ним в сговоре, то этот сговор сложился давно, еще когда она была ребенком.

– Вы правы – это маловероятно.

Хольгер представил, как Лоренц говорит маленькой Хельге: «Если когда-нибудь придут полицейские, и я скажу им, что часто ухожу на ночь в сарай и делаю там стулья, не спорь со мной» – не то чтобы это было совсем невозможно, но все же очень маловероятно.

Вюнш задал вопрос, на который не мог себе ответить однозначно:

– Лоренц соответствует психологическому портрету, составленному доктором Иоханнесом?

– Мне кажется, что не в полной мере. Я бы не сказал, что

он полностью безэмоционален – мы три раза за время разговора спровоцировали у него сильную эмоциональную реакцию. Скорее, он просто не проявляет своих чувств внешне.

– Наверное, вы снова правы, Франц... Опять же, жестокость по отношению к девочке непонятна.

– И с изъяном не получается – видимых увечий или особенностей внешности у Лоренца нет.

– Но это не значит, что их нет вообще.

Франц кивнул.

– После разговора с Шлиттенбауэром я очень пожалел, что мы не можем поговорить с Носке. Он много времени провел с Лоренцем на ферме. Если Шлиттенбауэр все же наш убийца, он мог себя чем-нибудь выдать или хотя бы бросить на себя тень подозрения, а Носке вполне мог это заметить. Вместо этого нам достался Рауш...

Ответом Хольгеру был очередной молчаливый кивок. Франц сделал большой глоток пива и сказал:

– В пользу Шлиттенбауэра, как мне кажется, говорит его полная откровенность и с Рейнгрубером, и с нами. Он сам признался, что передвигал тела, сам сообщил, что у него был мотив, сам рассказал, что повредил часть улики, сам сказал, что имел конфликт с Андреасом Грубером перед убийством...

– Ни нам, ни группе Рейнгрубера ни разу не удалось уличить его во лжи, поймать за язык. – задумчиво протянул Вюнш.

Очередной кивок.

– Франц, вы обратили внимание на то, что он правша?

– Да. Кстати, я еще с дома Шлиттенбауэра хочу спросить: вы что, специально это представление устроили с документами в кармане брюк?

– Да, специально. В деле написано, что он правша, но я хотел проверить сам. Обратите внимание: левая рука была ближе – если бы Лоренц был человеком с одинаково развитыми руками, он бы потянулся ближней рукой.

– Он ярко выраженный правша!

– Именно, Франц! Откровенно говоря, после этого его можно смело исключать из числа подозреваемых – слишком много «если» должно совпасть, чтобы убийцей все же оказался он.

Майер допил пиво и после этого кивнул.

– Но тогда у нас не остается фигурантов. Нужны имена, Франц! Те, кто знал, мог, был... Нужны персоналии.

Этот день был полезен, но, как и все предыдущие, вопросов оставил больше, чем дал ответов. С этой мыслью Хольгер и провалился в сон без сновидений, лишь под утро ему почудилось, что он обнимает Хелену, но мираж растаял, не оставив следа.

Глава 24

СЫНОВЬЯ

Лааг находился в пяти километрах к северо-западу от Кайфека. Эта деревня была немного крупнее, Хольгер даже назвал бы ее маленьким городком. Вчерашняя непогода сменилась солнечным утром. Между камней брусчатки центральной площади оставалась влага, но луж не было.

Вюнш вышел из машины и придирчиво оглядел свой Wanderer – тут и там на автомобиле виднелись следы путешествия по сельской дороге. Следы от грязных брызг, пыль, потеки от капель дождя создавали на окрашенном в черный цвет металле причудливые картины и узоры в духе абстракционизма. Хольгер не был большим поклонником этого жанра, а потому думал не о переплетении линий и пятен, а об автомойке, которую в обязательном порядке нужно было посетить по возвращении в Мюнхен.

Они с Францем договорились встретиться в Кайфеке в пять часов, а до этого времени Вюнш должен был найти в Лааге Бальдура Шлиттенбауэра и место, где раньше стоял дом Габриелей, а также съездить в Вайдхофен и разыскать там Альберта Хофнера.

Была половина десятого утра. Лоренц Шлиттенбауэр указал, что его сын работает в мастерской Шипплока, расположенной на центральной площади. С Бальдура и решил начать Вюнш. «Мастерская Шипплока. Мебель, деревянная посуда и игрушки» занимала первый этаж в длинном здании, выходявшем на площадь торцом.

Стоило Хольгеру открыть дверь, как на него обрушилось

множество запахов: смола, древесина, клей, лак и другие, менее заметные ароматы. Мастерская не только выполняла заказы, но и продавала готовую продукцию. Небольшой зал был буквально завален столами, стульями, тумбами, шкафами и креслами. Вюнш, стараясь ничего не уронить, пробрался к стойке продавца.

– Доброе утро! Не каждый день увидишь посетителя в мебельной мастерской в такой час. Чем могу помочь?

Угрюмого вида здоровяк, сидевший за стойкой, оказался, вопреки внешности, улыбчивым, дружелюбным и, что удивило Хольгера больше всего, тонкоголосым.

– Добрый день. Я бы хотел пообщаться с Бальдуrom Шлиттенбауэром, мне сказали, что я могу найти его здесь.

– Правильно сказали. Однако позвольте поинтересоваться, кто вы и зачем ищете Бальдура?

Улыбка не покинула лицо продавца, но дружелюбия в ней стало значительно меньше.

– Извольте – Хольгер достал документы. – Оберкомиссар Вюнш, Баварская полиция.

– А я, Отто Шипплок, к вашим услугам. Владею этим заведением. Бальдур сейчас в мастерской. У него проблемы?

– Нет. Он проходил свидетелем по одному делу, и я хочу уточнить его показания.

– Понятно. Я ценю Бальдура, так что вы его у меня не уводите. Пригласить его сюда или вы пройдете к нему?

– Лучше к нему. Не хочу мешать вашей торговле.

– Да какая торговля в такой час? Впрочем, к нему так к нему...

Шипплок вышел из-за стойки и пробрался к прикрытой двери, ведшей, очевидно, в мастерскую. Он снял висевший слева от двери фартук и передал его Хольгеру:

– Набросьте. Сами понимаете – опилки, пыль...

Вюнш кивнул, надел фартук и прошел в дверь вслед за хозяином мастерской.

Бальдур Шлиттенбауэр был красив – голубые, как и у Хельги, глаза и волевые черты лица Лоренца. Перед ним лежала широкая прямоугольная доска. «Скорее всего, дверца шкафа». Шлиттенбауэр занимался созданием резьбы по ней. По периметру доски уже был закончен узор из дубовых листьев, а за центральную часть Бальдур только принялся и Хольгер пока не мог сказать, что за узор он создает. Судя по всему, резчик в мастерской был только один, потому что рабочее место Шлиттенбауэра было отделено от других мастеров. «Тем лучше» – Хольгер уже продумывал грядущий разговор.

Бальдур был так увлечен работой, что Шипплоку дважды пришлось окликнуть его:

– Бальдур! Бальдур, отвлекись на время! Тут пришел человек, который хочет с тобой поговорить.

Шлиттенбауэр посмотрел на Вюнша и Хольгер отметил, что взгляд у него от отца.

– Добрый день, господин Шлиттенбауэр. Я, оберкомиссар

Вюнш из полиции. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Я не очень понимаю...

– Это касается Хинтеркайфека.

– Ясно. Хорошо, помогу, чем смогу, только я ничего особенного не видел.

Шипплок вышел и задвинул занавеску из плотной ткани, отделив нишу, в которой находился стол резчика, от остальной мастерской. Они остались вдвоем. Хольгер решил начать с простого:

– Ваш отец – Лоренц Шлиттенбауэр?

– Верно.

– Что вы можете рассказать о произошедшем в Хинтеркайфеке?

– Ужасное преступление. Мне было четырнадцать, когда это произошло, и я уже был не совсем ребенком. Груберов не любили, я как-то спросил у отца, за что, но он тогда ушел от ответа. Помню, отец очень близко общался с Викторией – одной из убитых. У меня тогда умерла мать, и отец порой говорил, что надеется, что Виктория скоро станет нам с Хельгой – это моя сестра – второй матерью. У них даже общий сын был – Йозеф – но я его никогда не видел. Его тоже в ту ночь убили. Я знал Викторию и немного ее дочку Маргариту. Когда это все произошло, все, в том числе и я, были обескуражены... Детей потом долго не отпускали гулять по вечерам.

Мне никто особенно не рассказывал, что там произошло. Знаю, что всех забили до смерти, даже Маргариту и Йозефа. Знаю, что убийца жил там еще несколько дней, правда не помню, до или после убийства... Помню, что отца подозревали поначалу. И тела нашел он, и мотив у него был, и алиби не очень хорошее, хотя мы с Кристианой – это моя мачеха – сообщили, что он провел ночь в сарае.

«Тоже очень спокойный, хотя и не настолько, как отец...»

– О той ночи я и хочу поговорить. Ваш отец сказал, что увлекается изготовлением мебели и иногда проводит целую ночь в сарае за этим занятием. Вы можете это подтвердить?

– Вы общались с ним?

– Да, вчера.

– Я подтверждаю его слова. Иногда ему необходимо побыть в одиночестве, чтобы не начать превращать жизнь окружающих в ад. В такие дни он может часами сидеть в сарае, не выходя из него. Так было в моем детстве, насколько я знаю, он делает так и сейчас. Отец рассказывал, что увлекся работой с деревом именно для того, чтобы занимать себя в такие дни.

– То есть в ту ночь он просто хотел побыть один?

– Да.

– Вы видели его после того, как он ушел?

– Нет. О чем я и сообщил полиции, но я уверен, что в ту ночь он был в сарае.

– Почему?

– Мое окно выходило на ту сторону, и я помню, что в ту ночь из-под двери сарая пробивался свет.

– Он мог зажечь свет и уйти.

– Мог. И я вполне мог спать в этот момент и не заметить, как он ушел, но на следующее утро он принес в дом стул, который доделал ночью.

– Вы могли бы описать этот стул?

– Да. У него была очень красивая резьба на ножках – переплетающиеся цветы спиралью поднимающиеся вверх. Я очень хорошо его запомнил – глядя именно на этот стул, видя, как отец его делает, я подумал, что тоже хочу сделать подобную вещь. Как вы можете видеть, это желание сбылось.

– Почему вы не рассказали об этом полиции?

– Я рассказал. Полицейские спросили, видел ли я его в сарае в ту ночь. Я не видел, о чем и сказал им. Но то, что отец провел там ночь, я могу подтвердить под присягой в суде, если будет необходимо.

«Лоренц опять не соврал» – Хольгер все больше убеждался в невинности Шлиттенбауэра. Теперь нужно было отыскать участок, где жили Габриели.

– Спасибо вам за помощь. У меня еще только один вопрос. Вам знакома фамилия Габриель?

– Кажется, такая фамилия была у Виктории.

– Верно. Больше вы ее не слышали?

Бальдур задумался, но отрицательно помотал головой.

– Что же, спасибо и на этом. Доброго вам дня.

– Оберкомиссар Вюнш, я знаю, что мой отец производит впечатление холодного и черствого человека, но это не так. Он очень тяжело пережил случившееся с Викторией и моим братом и до сих пор не любит об этом вспоминать. Он не мог их убить.

– Надеюсь на это, господин Шлиттенбауэр. Искренне надеюсь...

Хольгер не врал – он и впрямь надеялся, что Лоренц Шлиттенбауэр и его семья не причастны к этому убийству.

В деле говорилось, что Карл Габриель на призывном пункте назвал в качестве домашнего адреса дом родителей в Лааге на Брудерштрассе. Еще в деле говорилось, что дом сгорел в 1920-м году, а его последнего владельца – Ульриха Габриеля – найти не удалось. Хольгер все-же надеялся, что сможет найти хоть какие-то следы Габриелей на месте их старого дома. У него ушло некоторое время на поиски нужного адреса. Дом по этому адресу был совсем новым, не больше двух-трех лет. Отсутствие налета времени бросалось в глаза.

Как и ожидал Хольгер, в доме жили совсем другие люди. Габриелей они не знали, а участок купили пять лет назад с аукциона ничейной земли, устроенного местным бургомистром. Оставался еще один шанс: Вюнш узнал у хозяев адрес самого пожилого местного жителя.

Дом «вдовы Мюлленбек», как ее называли в разговоре с Хольгером, был через четыре дома от участка, некогда принадлежавшего Габриелям. Он, напротив, был старым. Вюн-

шу он показался не просто старым, а по-настоящему старинным. Несмотря на общую ветхость, участок и дом не производили впечатление неухоженных и брошенных.

Вюнш собрался с мыслями и постучал в старую, начавшую рассыхаться, дверь. Долгое время ничего не происходило. Наконец, дверь приоткрылась и из полумрака на Хольгера подслеповато посмотрела старуха. На вид ей было около восьмидесяти, а то и больше. Старуха была одета в полностью черный, скорее всего, траурный наряд. Вюнш улыбнулся и представился, не забыв при этом немного увеличить громкость голоса:

– Добрый день, фрау Мюлленбек! Я из полиции. Оберкомиссар Вюнш. У меня есть несколько вопросов о людях, живших по соседству с вами когда-то.

– Не кричите вы так, оберкомиссар Вюнш! Я вас великолепно слышу! Не стойте на пороге, заходите. Постараюсь ответить на эти ваши вопросы.

Голос вдовы был бодр и все еще достаточно силен.

«Уже интереснее» – Хольгер был рад, что фрау Мюлленбек, судя по всему, сохранила разум в полном порядке. Это значительно упрощало его задачу.

– Садитесь. Будете чай или, может, шнапс? У меня есть отличный персиковый шнапс.

– Чай, если позволите.

– Ну, значит, мне шнапса больше достанется.

Старуха ушла на кухню и начала греметь посудой, а Вюнш

получил возможность осмотреться. Первое, что бросилось в глаза Хольгеру, когда он привык к полумраку, царившему в доме, это идеальная чистота и прибранность. Возможно, что-то скрадывал сумрак, но, тем не менее, глазу нельзя было зацепиться за лежавшую не на своем месте вещь. На стенах висело несколько довольно небрежных натюрмортов, а над камином, как в каком-нибудь замке, расположились роскошные олени рога. Вернулась фрау Мюлленбек и, поставив поднос с чашкой чая и стаканом шнапса, разбавленного, судя по немаленькому объему стакана, водой, направилась к окну.

– Что же вы? Темно же. Я просыпаюсь поздно, поэтому часто задергиваю занавески, а вам зачем в сумерках сидеть?

Свет ворвался в комнату и немного дезориентировал Хольгера. Когда у него перед глазами перестали плясать разноцветные змеи, он увидел, что вдова уже сидит в кресле напротив и держит в руке стакан с алкоголем.

– Итак, молодой человек, у вас были вопросы...

– Да. Линденмайеры сказали мне, что вы живете здесь уже несколько десятилетий.

– Это верно. Да только вы, наверное, и сами могли бы это понять по внешнему виду моего дома, не беспокоя по таким пустякам Линденмайеров.

– Я побеспокоил их не поэтому. Тем участком, которым сейчас владеют Линденмайеры, раньше владели Габриели. Помните таких?

– Конечно, помню! Ади и Эдда с тремя сыновьями.

– Тремя сыновьями?

– Ну, возможно кто-то из них был девочкой, но носили они мужскую одежду, да и усы, опять же...

«Она бы нашла общий язык с Каспаром Шнайдером...»

– Расскажите о них, пожалуйста.

– Родились, жили, умерли, конец... Неплохие были ребята. Ади дружил с моим Фрицем, а Эдда меня не особенно жаловала, что, впрочем, немудрено. Поселились здесь, давайте подумать... в 79-м году. Приехали откуда-то издалека, не помню уже откуда. Приехали при деньгах, потому что отстроили дом, как раз на том месте, где сейчас дом Линденмайеров. Ади таксидермистом был, причем достаточно известным. Сделанные им чучела по всем зоологическим музеям Баварии найти можно, да и в частных руках. В общем, не бедствовали.

– Расскажите об их сыновьях.

– Три мальчика у них было. Старший – Ули, в 84-м родился. Серьезный такой с детства был. Средний – Карл, в 88-м году появился. Болел с детства сильно, они его с трудом выносили, да только не пожил совсем... А третий – Вольфганг, сорванец, каких поискать. Он в 95-м родился. Росли нормально, дети как дети.

Все на Войну пошли. Карл погиб в 14-м году – Эдда чуть заживо себя не сожгла, когда письмо пришло. Тогда ее Ади остановил, да только без толку – слегла и через два месяца

умерла. Ади любил ее сильно, а тут еще новость пришла, что Ульрих обгорел тяжело. Его домой вернули, да в первую же ночь у Ади сердце не выдержало...

У Ули вся правая сторона тела была обожжена от пояса, на руке пальцев не хватало, в общем, тяжело ему было хозяйство вести. Он говорил, что женщину нашел в Мюнхене, стал ездить в город часто, да в итоге и вовсе туда перебрался. А Вольфганга я только раз после Войны видела. Дайте подумать... в 21-м! Весной. Его тоже Война не пощадила – шрам остался на том же месте, что и у вас, только длиннее и глубже и хромал он немного. Да еще седина, помню, появилась.

– А что дом?

– Дом сгорел в 1920-м. Уже не помню, в чем там дело было, но дом оставленный был, Ули в нем уже два года постоянно не жил...

– Вы не знаете, где сейчас можно найти Ульриха Габриеля?

– Не знаю. Я его последний раз видела как раз в 20-м году. Он на пепелище приезжал... Вы тоже прошли через нее?

Неожиданный вопрос вызвал у Хольгера недоумение:

– Простите?

– Вы тоже были на Войне?

– Да.

– Я это сразу поняла, как только увидела вас. Когда мой Фриц в 71-м из Франции вернулся, у него такой же взгляд как у вас был. Он долго потом просыпался в холодном поту

среди ночи и говорил, что не помнит, о чем был сон. Вы тоже так жене говорите?

– Я не женат.

– У Фрица, у Ули, у Вольфганга, у вас, у всех искалеченных мальчишек такой взгляд – бедные мужчины...

Стакан вдовы Мюлленбек опустел на две трети и алкоголь уже творил свою магию, но у Хольгера еще оставались вопросы:

– Фрау Мюлленбек, вы уверены, что видели Вольфганга Габриеля весной именно 1921-го года?

– Оберкомиссар, мне восемьдесят три года – я ни в чем не уверена! Вроде бы в 21-м, могло быть и в 22-м, и в 23-м. Точно не в 20-м – весной 20-го года дом Габриелей еще стоял, а Вольфганг, когда я его видела, просто хотел попасть домой, только дома больше не было. Я окликнула его, рассказала о доме, предложила ночлег, но он будто не услышал...

– Понятно. Вы знаете что-нибудь про жену и ребенка Карла Габриеля?

– Аааа, вот мы и подобрались к цели вашего визита! Груберы! Я знаю про них. Про них все знали, и пробить череп Андреасу Груберу тоже многие были не прочь, да только Карл уже давно пал за Германию, как и положено – не в Германии. Да и не стал бы Карл Викторию и дочку свою убивать, если конечно, она его, а не Андреасом деланная.

Карл ведь всю свою жизнь любил Викторию. Хотел настоящую семью с ней создать, плевать хотел на все разговоры,

которые ходили и здесь, и в Кайфеке, и во всех окрестных деревнях. Только ошибся немного – ей, оказывается, нравилось жить с отцом-насильником и матерью-«я не кому не скажу, только не бей меня!».

Карл переехал в Хинтеркайфек, наверное, надеялся, что при нем грешить побоятся. Вернулся через три недели в родной дом и, даже, разговаривать о жене отказывался. Глупо все это. Глупо и жестоко...

Вдова Мюлленбек одним глотком допила шнапс и замолчала, уставившись в одну точку. Пора было собираться.

– Спасибо вам за помощь, фрау Мюлленбек. Мне пора.

– Обращайтесь, оберкомиссар! Ближайшие четыреста лет я к вашим услугам...

Вдова попыталась было встать, но алкоголь совсем лишил ее сил, и она плюхнулась обратно в кресло.

– До свидания, фрау Мюлленбек.

– Всего доброго.

Хольгер развернулся, чтобы уйти, но старуха окликнула его:

– Оберкомиссар! Если у вас все же будет жена, расскажите ей, что снится вам в ночных кошмарах.

– До свидания, фрау Мюлленбек...

Вюнш вышел под приветливое апрельское солнце и шумно втянул воздух в легкие. Ему было совестно, что он напоил пожилую женщину, но это позволило продвинуться вперед. Теперь в деле был новый фигурант. Хольгер закурил и ши-

роко улыбнулся – у него снова были подозреваемые.

Глава 25

Механик

Вайдхофен располагался севернее Лаага и примерно соответствовал ему размерами. Здесь на Линденштрассе находилась автомобильная мастерская Альберта Хофнера. Того самого Хофнера, который четвертого апреля сообщил Шлиттенбауэру о том, что на ферме никого нет.

Хольгер вошел в небольшую контору при мастерской и подошел к стойке, за которой сидел скучающий темноволосый юноша.

– Добрый день. Чем могу помочь?

– Я ищу Альберта Хофнера. Мне сказали, что он владелец этой мастерской.

– Это верно. А по какому вопросу? Если вы хотите сдать автомобиль в ремонт, то я могу вам помочь.

Пришло время представляться.

– Дело в том, что я из полиции, и мне необходимо пообщаться именно с господином Хофнером.

– Ладно, хорошо... Идите за мной.

Юноша вышел из-за стойки и направился в сторону большого гаража. Из-под

грузовика, стоящего отдельно от остальных машин, торчали ноги, и доносилось насвистывание. Проводник Хольге-

ра обратился к ногам:

– Господин Хофнер, тут человек вас спрашивает.

– Оформи его и прими машину. Я занят.

– Этот человек из полиции...

Хофнер вылез из-под грузовика и, не вставая, посмотрел на Вюнша.

– Вы по какому вопросу?

– По поводу Хинтеркайфека.

После этих слов механик поднялся на ноги и отряхнулся, как будто это могло очистить его рабочий комбинезон. На перепачканом лице Хофнера выделялись карие глаза, которыми он внимательно оглядывал фигуру полицейского.

– Тило, возвращайся за стойку, если будут спрашивать – меня нет. Пройдемте в мой кабинет.

Вопреки ожиданиям Вюнша, кабинет, располагавшийся прямо в здании гаража, действительно можно было назвать кабинетом. Полки с книгами и журналами – как успел заметить Хольгер – в основном технического содержания и большой рабочий стол с креслом. Хофнер предложил следовательно присесть и попросил подождать, после чего вышел.

Пока его не было, Вюнш раздумывал над тем, как ему поведи беседу. Хофнер, если верить материалам дела, предоставил надежное алиби и не считался подозреваемым, но он вполне мог застать убийцу на ферме, более того, именно появление механика могло спугнуть преступника и заставить его покинуть дом.

Хофнер вернулся, вымыв лицо и сняв рабочий комбинезон. У него были темные волосы и смугловатая кожа, которые, вкупе с темным цветом глаз, говорили о южном происхождении кого-то из его предков.

– Простите, что не поздоровался как следует. Уже неделю бьюсь над этим грузовиком и все без толку – не заводится и все... Впрочем, Альберт Хофнер, к вашим услугам.

– Оберкомиссар Вюнш, Баварская полиция.

– Вы сказали, что хотите поговорить о Хинтеркайфеке. Дело опять расследуют?

– Да, и вы один из ключевых свидетелей.

– Ну да, ну да...

Хофнер сложил руки замком и подпер подбородок. Взгляд его был отстранен и задумчив.

– Вы знали Груберов?

– Немного. Пару раз чинил двигатель, который Андреас использовал как генератор. В тот раз я тоже оказался там для этого.

– Как вы можете их охарактеризовать?

– Слухи разные ходили... Лично я ничего плохого сказать про них не могу. Андреас был капризным клиентом, но платил исправно и не зажимался. Викторию я видел несколько раз в Лааге и в Кайфеке, но знаком с ней не был. А больше я никого из них не видел, или, может быть, и видел, но не знал, что они из этой семьи.

– Вы сказали во время следствия, что договорились с Ан-

дреасом на четвертое апреля о том, что приедете и посмотрите барахливший двигатель. Постарайтесь вспомнить, когда и при каких обстоятельствах произошел этот разговор?

– Это было тридцать первого марта в Шробенхаузене. Мы случайно на улице встретились. Я приезжал тогда погостить к своей подруге и столкнулся с Грубером. Он сказал, что двигатель опять барахлит (там была давняя проблема с газораспределительным механизмом) ну и попросил приехать посмотреть. Я уже договорился о работе на ближайшие три дня и поэтому предложил приехать четвертого. Он был немного раздосадован, но согласился.

– Он был взволнован? Может, вел себя подозрительно? Может быть, рассказал вам о ком-то виденном им у дома?

– Нет, ничего такого не было. Я бы вспомнил об этом при допросе после убийства. Андреас вел себя обыкновенно, хотя я не очень хорошо его знал и мог просто не заметить.

– Вы сказали, что у вас была работа на период с первого по третье апреля. А где вы были вечером тридцать первого марта?

– Об этом я тоже уже говорил. Я провел весь вечер и всю ночь в Шробенхаузене у своей подруги Анны-Софии Блюмбергман. И да, она может это подтвердить. Ее можно найти в шестом доме по этой же улице и сейчас она моя жена.

«Нужно попытаться сбавить напряженность».

– Простите, что заставляю вас повторять это вновь, но мне необходимо проверить все детали, поэтому я и опрашиваю

вас так подробно.

– Ничего, я понимаю. Работа есть работа...

– Вы были поблизости от Хинтеркайфека в период с первого по третье апреля?

– Да, второго в Кайфеке.

– Вас видели там?

– Ну да, я чинил паровой котел в Церкви Святого Венделина, отец Хаас меня видел.

«А он был весьма востребован...» – в 1922-м году Хофнеру было только двадцать три года, но его уже нанимали для работы с самой разнообразной техникой. Судя по всему, он был хорошим механиком.

– Расскажите о том, что было четвертого апреля.

– Я приехал в Хинтеркайфек около девяти утра. Постучал в дверь, но никто не открыл. Я решил, что Груберы могли уехать куда-нибудь, например, в Ингольштадт.

– А вы сами откуда отправились на ферму?

– Из Вайдхофена. Из того самого шестого дома...

– Вам не открыли и тогда вы решили подождать возвращения Груберов?

– Ну да, и прождал больше часа.

– Что-нибудь происходило вокруг, пока вы ждали? Может быть, мимо проходил кто-нибудь или из дома шум доносился?

– Мимо точно никто не проходил – ферма на отшибе была, там простые прохожие редко появлялись. Шума в доме

тоже, вроде-бы, не было. Вообще очень тихо было. Может быть, я это потом уже напридумывал себе, но тишина по-настоящему зловещая стояла... Ааа, еще, как только я к дому подъехал, собака залаяла, но быстро смолкла.

– Что было потом?

– Я решил больше не терять времени и заняться работой. Я знал, где находится двигатель, поэтому принялся за починку.

– Помещение, в котором вы нашли двигатель, получается, было незаперто?

– Ну да.

– Это не показалось вам странным: хозяев нет дома, а гараж не заперт?

– Показалось, но я списал все на безалаберность. Здесь ведь не Мюнхен – здесь часто двери оставляют незапертыми.

– Вы привезли свои инструменты или воспользовались теми, которые были в гараже?

– Свои, конечно! Я же профессионал.

– Что было дальше?

– Я работал часа четыре... Даже больше, четыре с половиной, наверное.

– Что-нибудь изменилось за это время в доме или рядом с ним?

– Нет, хотя я не могу точно утверждать. Меня порой трудно отвлечь от работы.

– Вы производили шум, пока работали?

– Разумеется, производил! Запускал двигатель несколько...

– Господин Хофнер! Господин Хофнер, там приехал господин Мюллер, спрашивает насчет своего грузовика... – Тило ворвался в кабинет без стука, едва не вынеся дверь.

– Тило, я же сказал, что меня для всех нет! Иди и передай господину Мюллеру, что я сам вечером к нему зайду и расскажу о грузовике. И перестань врываться в мой кабинет без стука!

Юноша опешил от столь жесткого приема и, понутив голову, вышел из комнаты.

– Племянник жены. Толковый парень, только невоспитанный до ужаса. Я в его возрасте не то что к начальнику в кабинет стучался – я к матери на кухню без разрешения не заходил... На чем мы остановились?

– Вы рассказывали о шуме, который производили.

– Ну да, шум. Так вот, я несколько раз запускал двигатель на пробу, к тому же у меня есть привычка насвистывать во время работы, так что шума было хоть отбавляй.

– Вы знаете, что временное жилище убийцы находилось на чердаке над гаражом?

– Да, следовательно рассказал мне об этом, но, только, то обстоятельство, что я ничего и никого не заметил, от этого не меняется. Может, его уже не было на ферме четвертого апреля?

Хофнер до сих пор не хотел признать, что, возможно, находился от убийцы на расстоянии пары метров. Вюнш решил

не заостряться на этом обстоятельстве и двинулся дальше:

– Вы закончили с двигателем, что было после этого?

– Там была старая проблема. По-хорошему, механизм надо было менять, о чем я сказал Андреасу еще в прошлую починку, но он тогда не согласился со мной, даже обругал. Я поправил, как мог, распредвал и, там еще, с клапанами... В общем, все более-менее заработало, а я стал думать, что делать дальше. Хозяева так и не появились, а значит, плату мне было взять не с кого. Тогда я решил проехать в Кайфек и спросить о том, когда ждать Андреаса, у Лоренца Шлиттенбауэра.

– Вы были на автомобиле?

– Нет, на велосипеде.

– А почему вы решили обратиться именно к Лоренцу Шлиттенбауэру, когда никто из Груберов не появился?

– Так он же часто бывал в том доме. Ну, может, не часто, но чаще остальных местных. Вы наверняка знаете, что у дочери Андреаса Виктории был сын от Шлиттенбауэра, поэтому я и решил, что Лоренц может знать, когда ждать Груберов.

– А откуда вы сами знаете Лоренца Шлиттенбауэра?

– Здесь жителей немного, все всех откуда-нибудь знают...

«Скрывает или просто не помнит?» – оценка, которую Хофнер мог дать Лоренцу Шлиттенбауэру, была очень важна для Вюнша.

– Как бы вы его охарактеризовали?

– Лоренца? Спокойный, замкнутый, очень любит своих детей. Я знаю, что его подозревали тогда, а значит, подозревают и сейчас. Так вот – глупость это и пустая трата времени с вашей стороны. Такой человек как Шлиттенбауэр мог убить, и даже нескольких человек, но он бы никогда не тронул своего сына.

– А как он отреагировал, когда вы сообщили ему, что на ферме никого нет?

– Как я уже сказал, Лоренц человек спокойный, поэтому даже если он и удивился, то виду не подал. Однако он сразу же предположил, что что-то произошло, и решил отправиться на ферму.

Хольгер прекрасно знал, что произошло дальше, но иногда при допросе важно было, будто мимоходом, задать такой вопрос, который заставил бы собеседника отойти от намеченного плана:

– Шлиттенбауэр ушел на ферму, а что сделали вы?

– Нет-же, все было не так! Это же должно быть у вас в деле: он попросил Бодена, Фогелера и своего работника пойти с ним. Я тоже к ним присоединился.

– Почему?

– Мне так и не заплатили за работу, кроме того, Шлиттенбауэр попросил меня об этом.

– Как вы добрались до фермы?

– На автомобиле Фогелера.

Если Лоренц Шлиттенбауэр и солгал полиции хоть в чем-

то, Хофнер был соучастником этой лжи, а в такое обстоятельство Вюншу верилось с трудом.

– Что произошло, когда вы добрались до Хинтеркайфека?

– Сразу скажу, что за время моего отсутствия ничего не изменилось. Мне кажется, что убицы там уже не было в тот день...

«Действительно, до сих пор боится!»

– ...Шлиттенбауэр постучал в дверь, а после того как никто не открыл, решил обойти дом.

– А где были вы?

– Я остался у автомобиля с Фогелером, помню, мы говорили о каких-то непонятных шумах в двигателе.

– То есть, рядом с Шлиттенбауэром в этот момент находились Боден и Зигль?

На лице Хофнера появилось недоумение, Хольгер верно оценил его причину:

– Зигль, это нанятый Шлиттенбауэром рабочий.

– Ааа, тогда верно, они втроем обошли дом.

– Значит, вы не видели следы, уходившие в лес?

– От кухни? Видел. Потом, после того, как мы нашли тела.

– Расскажите об этом.

– Они вернулись к машине. Лоренц сказал, что нужно ломать дверь. Фогелер, помню, спросил, что произошло, а Шлиттенбауэр ответил, что что-то не так и что, скорее всего, в доме был посторонний. Этот самый Зигль предложил сообщить в полицию, и я его поддержал, но Боден и Фогелер

лер согласились с Лоренцем. А там дверь была очень крепкая, такую плечом не выбьешь. Зигль предложил поискать какой-нибудь инструмент, пошел в сторону сарая, а потом... резко так отшатнулся и вскрикнул...

– Где вы были в этот момент?

– Мы все, кроме Зигля, у двери в дом стояли.

– Опишите, что вы увидели в сарае.

– Да ничего я там не увидел. Куча тряпья какого-то лежала, подхожу, а это трупы. У меня как в голове сложилось, что я полдня на этой проклятой ферме пробыл, когда в сарае мертвецы уже лежали, признаюсь, нехорошо стало, душа в пятки провалилась. Помню, Фогелер мне даже пощечину отвесил, чтобы в чувство привести.

– То есть в сарай вы не входили?

– Нет, конечно. Туда, вроде, только Шлиттенбауэр зашел. Тело Андреаса – оно сверху лежало – поднял и рядом положил. Сказал, что хотел Йозефа найти. Я даже не сразу понял, что он сына своего имел в виду.

– Вам не показались его поведение и реакция странными?

– Не знаю. Не могу сказать. А какая реакция должна быть, когда ты находишь гору трупов?!

– Что было дальше?

– Решили все-таки проникнуть в дом. Окно в кухню на другой стороне незаперто было. Туда, пусть и с трудом, мог протиснуться каждый из нас. Да только страшно всем было, никто не решался. Тогда, не помню уже кто, предложил жре-

бий тянуть, но Боден сказал, что он пойдет.

– Что вы обнаружили в доме?

– Следы кровавые и еще два трупа. Шлиттенбауэр сразу в детскую помчался – он все надеялся сына живым найти, за ним Фогелер пошел. Зигль остался у входной двери, а я и Боден зашли в комнату домработницы, она ближняя от входа была. Там ее труп был, вещи неразобранные еще...

– Что было дальше?

– Фогелер поехал в Ингольштадт сообщить полиции. Я обещал матери быть дома к четырем часам, а тогда уже было шесть – помню, часы пробили шесть раз, громко так...

– Никто не предпринял попыток вас удержать?

– Нет, не было такого.

– Вы были после этого на ферме?

– Нет. Я там на всю жизнь страха понабрался, до сих пор стараюсь мимо того места не проезжать лишний раз, хотя уже и дома того давно нет.

– Во сколько вы были в Вайдхофене?

– Около семи. Помню, ехал и все оборачивался, нету ли кого, а там лес этот еще чертов...

Через десять минут Хольгер уже ехал по направлению к Кайфеку. Ему было, что рассказать Францу, и он надеялся, что у Майера тоже будут результаты.

Глава 26

Возвращение

– Фогелер полностью подтверждает слова Шлиттенбауэра и Рауша. Он действительно долгие годы знает Лоренца и подтвердил, как слова Шлиттенбауэра о периодах нелюдимости, так и его увлечение изготовлением мебели. Даже показал мне подаренные ему Лоренцем поделки...

Хольгер вернулся в Кайфек на полчаса раньше условленного времени и, дожидаясь Майера за чашкой кофе, записал в свой журнал, прихваченный в дорогу, факты и обстоятельства, которые им удалось узнать за последние два дня.

Франц пришел почти ровно в пять с несколько рассеянным видом. За едой (Майер, весь день бывший на ногах, предложил перекусить перед дорогой) Хольгер рассказал коллеге о том, что ему удалось узнать за день, уделив особое внимание братьям Карла Габриеля, а теперь, в дороге, слушал о том, что узнал Майер.

– ...Также он сообщил, что действительно был в Ингольштадте около семи вечера, и что у него сломалась машина, когда он вез Носке и Рауша в Хинтеркайфек.

– Фогелер отметил в полиции на следующий день?

– Нет. Он оправдывает это тем, что провел весь следующий день с женой – она плохо себя чувствовала. Она умерла в 23-м, так что подтвердить его слова никто не может.

«Шлиттенбауэр вчера упоминал, что у Фогелера болела жена в то время» – ниточка ложилась к ниточке, деталь крепилась к детали без шероховатостей и изъянов. Либо то, что говорил Шлиттенбауэр, было правдой, либо существовал за-

говор умолчания, вовлекавший в себя большое количество людей самых разных возрастов и профессий. В подобные разговоры Хольгер не верил.

– А что насчет его показаний по поводу обнаружения тел? Сходятся со словами Шлиттенбауэра?

– Полностью, хотя он и забыл многие детали, но открытых несостыковок я не заметил.

– Он сказал еще что-нибудь?

– Да, как и все сказал, что убийцей не мог быть Лоренц. Шлиттенбауэра вообще характеризуют положительно, отмечают, правда, его холодность, но все, с кем я говорил о нем, сказали, что Лоренц не стал-бы убивать своего сына и Викторию.

– Шлиттенбауэра видел кто-нибудь с первого по третье апреля?

– Да. Фогелер и еще два человека: бакалейщик и один из соседей – я записал их имена – сказали, что видели его. Нужно будет подшить их показания к делу.

– Обязательно подошьем. Вы нашли священника?

– Да, отец Хаас до сих пор служит в Церкви Святого Винделина. Его показания соответствуют тем, которые он дал Рейнгруберу в 22-м. Виктория действительно призналась ему в инцесте в 1915-м году, и отец Хаас вынужден был нарушить тайну исповеди, чтобы привлечь Андреаса к ответственности. По его словам, на суде свидетелем выступал он сам, Тобиас Волькенштейн, еще один сосед Груберов

(его имя я тоже записал), а так же – и это очень интересно – брат Карла Габриеля Ульрих. Андреаса приговорили к году каторги, а Викторию к месяцу содержания в специальном учреждении. Отец Хаас так и сказал: «Специальное учреждение», скорее всего это какая-то разновидность психиатрической лечебницы. Хаас предполагает, что после отбытия срока и возвращения Андреаса их порочная связь возобновилась, но доказательств у него нет, а Виктория больше об этом не говорила.

– Действительно интересно...

Это была зацепка. «Ульрих возвращается с Войны со страшными увечьями, потеряв одного за другим младшего брата и родителей, и выясняет, что вдова его брата успела родить ребенка, причем возможно, что от своего собственного отца. Это могло подтолкнуть его к преступлению...» – Хольгер оборвал размышления и приказал себе не спешить с выводами. Для составления внятной версии у них было слишком мало информации.

– Святой отец не знает, кто сейчас является владельцем земли?

– Нет. Но мне все равно удалось узнать это в магистрате...

– Вы умница, Франц!

Хольгер не сдержал эмоций – то, что представлялось ему тяжелой задачей, решение которой могло отнять много сил и при этом не дать никакого результата, было решено Францем за полдня. Мысленно Вюнш ему аплодировал, а

вслух похвалил. Майер немного смутился, но продолжил:

– Все три участка в 1926-м году приобрел некий Райнхард фон Штокк... Вы что, знаете это имя?

Радость на лице Хольгера сменилась таким выражением лица, словно его заставили съесть целый лимон.

Райнхард фон Штокк был одним из тех, кому удалось нажиться на Войне. Он имел крупное ателье по пошиву одежды и когда дела на фронте пошли хуже предложил свои услуги Министерству обороны Баварии⁵⁰. Государство выделило деньги и получило офицерскую форму, которая за месяц окопной войны превращалась в рванину. Фон Штокку удалось доказать, что он не знал о некачественном материале и по голове получил только его поставщик. А вырученные от государственного заказа деньги фон Штокк пустил в скупку недвижимости.

Вел он свои дела в сфере недвижимости, не гнушаясь грязных методов. Отдел экономических преступлений уже приличное время следил за ним, но все никак не удавалось схватить фон Штокка за руку. Зигмунд Шигода – детектив, занимавшийся этим делом – говорил, что фон Штокк имеет целую сеть информаторов и агентов, с помощью которых

⁵⁰ Бавария, Вюртемберг и Баден, войдя в Германскую империю, сохранили широкую автономию, в частности, имели собственное военное министерство и вооруженные силы. В случае войны, тем не менее, они переходили под руководство Прусского генерального штаба, создавая, наряду с прусскими вооруженными силами, сформированными из представителей всех остальных государств империи, Германскую императорскую армию.

провокачивает свои дела. Именно такой агент и мог вынести фотографии из полицейского архива.

– Да, Франц, я знаю это имя, и у нас будет много хлопот с ним. Фон Штокк – человек, которого можно назвать американским словечком «гангстер» – в свое время он разбогател на военных заказах, заодно став одним из тех, кто нанес мне... я хотел сказать: фронту удар в спину. А сейчас он является одним из крупнейших землевладельцев Баварии. Даже поговорить с этим человеком будет непросто. Причем, по-прежнему неясно, насколько он связан с убийством. Я сомневаюсь, что фон Штокк стал бы организовывать смерть шести человек ради земли – это привлекает слишком много внимания, а он человек осторожный.

Несмотря на то, что Майер оперативно нашел имя владельца земли, работы не убавилось, а, скорее, прибавилось.

– Ладно, отложим пока фон Штокка. Что-нибудь еще вам удалось узнать у бургомистра? Удалось поговорить с ним самим?

– Да, но с тех пор бургомистр сменился, а прошлый уже умер. Он, разумеется, знает об этом деле, но не больше остальных. По большому счету, у меня все.

– А в деревне удалось что-нибудь узнать?

– Нет. В Кайфеке это что-то вроде местной легенды и потому каждый добавляет какую-нибудь деталь. Очевидцев нет, а вымысла больше чем правды. Все сходятся в отрицательной характеристике Андреаса Грубера и его жены, а в

остальном – полная свобода трактовок.

– Этого следовало ожидать... В любом случае, хорошая работа, Франц! Вообще, мне кажется, мы неплохо поработали в эти два дня.

Франц молча кивнул.

Вечерний Мюнхен встречал их огнями окон и фонарей – темнело все еще довольно рано. Франц и Хольгер молчали. Вюнш думал о том, что скоро окажется в «Охотнике» и, возможно, сыграет с Хеленой в шахматы за кружкой пива. Только вернувшись в город, он осознал, что изрядно соскучился по ней. Вюнш быстро прикинул в уме, сколько времени они провели вместе – получилось три ночи и два дня. «Слишком мало для того, чтобы просто выработалась привычка, значит и впрямь влюбился...»

Углубленный в размышления, Хольгер не сразу заметил, что Майер вертит в руках и неотрывно рассматривает какой-то небольшой предмет. На лице молодого человека застыла рассеянная улыбка. «Шпилька для волос!» – это было лишь догадкой, но было похоже на правду. Приглядевшись немного, Вюнш даже вспомнил, на ком он ее видел. «Похоже, об одной своей сегодняшней встрече Франц не рассказывал, впрочем, это его дело. Хотя, возможно, придется все же попросить его повременить с Хельгой до конца расследования...» – пускай Хольгер с Майером и исключили Лоренца Шлиттенбауэра из числа подозреваемых, профессиональную этику никто не отменял.

– Я собираюсь заехать в «Охотника», если хотите, можете составить мне компанию.

– Нет, я немного устал, лучше сразу домой. Можно попросить вас об услуге?

– Конечно.

– Завезите меня на Рамбергштрассе, вам это по пути.

– Хорошо, Франц.

Рамбергштрассе была тихой улочкой примерно в часе пешего хода до Управления. Несмотря на близкое расположение к центру города, сама Рамбергштрассе была как бы в стороне от основных транспортных и людских потоков. Майер попросил остановить в самом начале улицы.

– Выспитесь как следует, Франц, вы это заслужили. Жду вас завтра в своем кабинете не раньше одиннадцати.

Хольгер руководствовался не только добрыми чувствами – ему необходимо было как следует подумать над тем, что делать дальше и подшить к делу новые материалы.

– Хорошо. Доброго вечера, оберкомиссар Вюнш.

– Доброго вечера, Франц.

Была половина восьмого и столик Хольгера, как и всегда, был не занят.

– Что же вы, господин Вюнш, пообещали встретиться с девушкой, а сами не пришли – некрасиво...

– Никак не мог, господин Харрер – работа.

– Это вы ей объяснять будете, я-то понимаю.

– А она здесь?

– Вчера сказала, что придет. Я позволил себе усадить ее за ваш столик.

– Господин Харрер, сколько раз я просил не держать специально для меня место?

– Еще раз так точно, господин Вюнш. Так вы изволите поужинать?

– Да, пожалуйста.

– Как всегда – блюдо дня?

– Да, а что это сегодня?

– Свиная рулька с квашеной капустой.

– Отлично! Несите вашу рульку.

– А пиво?

– И пиво несите...

Вскоре Хольгер был сыт и почти доволен. Размеры этого противного «почти» увеличивались с каждой минутой – Хелены все не было. Наконец, в половину девятого дверь открылась, и Вюнш увидел ту, чье отсутствие служило ему канцелярской кнопкой, подложенной на стул, в течение последнего часа. Вюнш не без интереса отметил, что Харрер, очевидно, признал в ней завсегдатая, так как его шестое чувство теперь работало и на нее – когда Хелена вошла, Харрер уже встречал ее у двери.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер. Прости за то, что не пришел вчера.

– Возможно, я и хотела бы на тебя пообижаться, да только слишком устала сегодня. Кроме того, ты же меня предупре-

дил, что не знаешь точно, когда вернешься из Ингольштадта. Впрочем, если ты чувствуешь себя виноватым, я могу тебе помочь избавиться от этого чувства.

На ее лице появилась улыбка, и Хольгер понял, что все в порядке.

– Что я должен сделать?

– Сходи со мной в субботу в «Гизеллу». Там будет митинг и принятие новых членов в партию. Для некоторых представительниц Женской организации выделили места в первых рядах и разрешили прийти с кавалерами. Мне бы хотелось быть там с тобой.

Это был серьезный поворот – после этого их отношения перестанут быть секретом и она это понимает. А ведь именно Хелена предложила ходить на работу врозь. Хольгер отдал себе должное – на размышления у него ушло всего около полуминуты:

– Конечно. Во сколько?

От улыбки, появившейся на лице Хелены, можно было греться, чем Вюнш немедленно и занялся. Он заказал ей вина, и вечер потек приятным потоком.

Глава 27

Четверг

Ледяной ноябрьский ветер охлаждал разгоряченное лицо. Мыслей не было, эмоций тоже. Лейтенант Вюнш обвел

взглядом свое бравое воинство. Позицию удерживали двенадцать человек, из которых он был старшим по званию.

Последний год Войны отгремел, оставив тяжелые сны о том, что им вновь, как и в 14-м, удалось дойти почти до самого Парижа. И, как и в 14-м, противник все перевернул, когда победа была необычайно близка. Французы встали на смерть,гнулись, но никак не хотели ломаться, а потом развернули контрнаступление. К ноябрю германская армия из последних сил держала фронт в Бельгии и Восточной Франции. Из дома приходили новости одна хуже другой, ходили даже слухи о том, что кайзер отрекся, а переговоры о мире все тянулись и тянулись.

За последнюю ночь французы провели восемь атак на одинокую, отрезанную от всего и вся позицию, которую удерживали остатки взвода Хольгера. Мрачные старики, за четыре года до этого сведшие своих детей в смертельном объятии, уже обсуждали, как будут грабить мир, оставшийся после Войны, и только один неугомонный французский капитан все бился и бился о, занозой впившуюся в тело его Родины, немецкую траншею.

Из взвода, командиром которого Вюнш стал месяц назад, в строю оставались восемь человек, включая его самого. Еще четверо были из штурмовой группы. Эти ребята были настоящими психами – в промежуток между бесконечными французскими атаками они отправились в вылазку, как сказал их командир лейтенант Вирхов – за едой. Фураж не подвозили

уже двое суток. Из пятнадцати человек, ушедших в вылазку, вернулись семеро, еще трое погибли в течение следующего часа.

Следующая атака французов будет последней – кожух охлаждения последнего рабочего MG был погнут и пробит после того, как пулемет пришлось использовать в качестве дубины, а без него позицию вскроют как гнилой орех.

– Эй, а Иммель-то, похоже, кончился...

– Не мели чепухи, Зиберт, я просто задремал.

– Не терпиться спровадить еще кого-нибудь в Вальгаллу, а, Зиберт? Не беспокойся, скоро французы об этом позаботятся.

– Заткнулись все! Эрлих, ты это слышал?

– Да, лейтенант. Это свисток.

«Пора!»

– А ведь обещали перемирие...

– На той стороне новости медленнее доходят.

– Отставить разговоры! На позиции! Зиберт, что там с пулеметом?

– Нет больше пулемета, лейтенант...

Без пулемета все это не имеет смысла. Хольгер невольно улыбнулся – впервые за последний год у него было в досталь пулеметных лент. Вот только пулемета не было.

– Розенберг, как Дайслер?

– Преставился, господин лейтенант...

«Одиннадцать!»

– Стрелять по готовности. Не на звук, а на силуэт – не хватало еще последние патроны пустить в чертов французский туман!

Внимание Вюнша вдруг привлек боец из штурмовой группы: заляпанное грязью лицо и растрепанные волосы дополнялись тем, что он скинул мундир и остался в одной рубахе. Боец стоял во весь рост, будто готовился сам идти в атаку. Хольгер хотел окликнуть его, но, увидев искаженное гримасой бешенства лицо, понял, что это бесполезно. В правой руке боец держал трофейный бельгийский Наган, а в другой...

Вюнш увидел над собой встревоженное лицо Хелены. Ткань сна рвалась постепенно, Хольгер обернулся, отчаянно желая увидеть, что держит в левой руке боец из штурмовой группы, по неясной ему самой причине это было для него очень важно, но увидел лишь белую ткань простыни. Вскоре вернулись звуки.

– Да проснись же ты, Хольгер! Слышишь меня?!

– Да, слышу...

– Слава Богу! Как же ты меня напугал! Что случилось?

– Дурной сон...

– Ты сильно кричал и ругался во сне, я подумала, что ты с ума сошел!

– Только слегка. – Хольгер попытался немного успокоить Хелену шуткой, но не преуспел.

– Я очень испугалась.

– Прости, пожалуйста. Дай мне пять минут.

Вюнш встал и, распахнув окно в апрельскую ночь, закурил. Ноябрь все еще держал его своими ледяными когтями.

«Как будто он когда-то тебя отпускал...» – внутренний голос услужливо усугубил ситуацию.

– Что тебе снилось?

– Уже не помню, прости.

– Часто с тобой такое?

– Иногда бывает.

– Закрой окно, холодно.

Хольгер затушил окурок и, прикрыв окно, вернулся в кровать.

– У тебя такой взгляд страшный был, когда я тебя разбудила... Обними меня, я замерзла.

– Хорошо.

Он почувствовал, что она дрожит то ли от холода, то ли от страха.

– Прости меня еще раз.

– Спи, до утра еще далеко.

Остаток ночи прошел спокойно. Призраки прошлого больше не терзали Хольгера и он даже смог выспаться. Первое, что он обнаружил, когда проснулся, это отсутствие рядом Хелены. Вюнш рывком сел и посмотрел на часы. Было ровно семь утра. Рядом с часами лежали заколка и повязка Хелены, значит, она все еще была здесь.

Хольгер поднялся и широко потянулся. Вопреки тяжелой ночи, настроение было превосходным. В ноздри ему бросил-

ся запах еды. Вюнш, стараясь не шуметь, умылся, после этого оделся и прошел в сторону кухни. Он не очень часто пользовался этой комнатой – готовить Хольгер не любил, а принимать пищу предпочитал в пивных. Домовладелец приносил раз в неделю некоторые продукты: хлеб, масло, яйца, иногда мясо, но частенько находил их забытыми и безнадежно испортившимися. Хольгер призадумался, вспоминая, когда в последний раз ел дома. По всему выходило, что сие знаменательное событие произошло в самый первый визит Хелены утром прошлой субботы.

Дверь в кухню была открыта, там горел свет. Взгляду Вюнша предстала стоявшая спиной девушка. Она уже была одета и возилась рядом с газовой плитой. Хольгеру вдруг представилось, что он вновь стал ребенком. Что он проснулся за десять минут до того времени, в которое мать обычно приходила его будить, и осторожно идет на кухню, где она готовит ему завтрак. Вюнш не сдержал улыбку. Он бесшумно подошел к что-то тихо напевавшей Хелене и обнял ее за талию.

– Доброе утро.

– Ты как яичницу предпочитаешь?

– С яйцами.

– Тогда тебе понравится. Не ленись и займись кофе.

– У меня есть кофе? – Хольгер был немало удивлен.

– Да, почти полная банка в шкафу слева.

После недолгих поисков кофе и кофейника он принялся за приготовление. Хелена сделала яичницу в корзинке,

Вюнш не ел такую лет пять.

– Когда ты последний раз готовил что-нибудь на своей кухне?

– Варка яиц считается?

– Нет.

– А приготовление бутербродов?

– Тоже нет.

– Тогда не помню.

– В таком случае даже мои скромные кулинарные таланты придутся тебе по душе.

– Однозначно.

Хелена явно скромничала – на взгляд Вюнша, яичница получилась замечательно. Кофе, к его удивлению, тоже был вполне себе. Когда с завтраком было покончено, Хольгер решил высказать вслух мысль, крутившуюся в его голове с самого пробуждения:

– Поедем сегодня вместе?

– А ты не опасаясь?

– Чего?

– Ну, слухов: ты оберкомиссар полиции, а я секретарша...

– Я не женат, ты не замужем, мы оба взрослые. К тому же, мы ведь просто придем вместе, я же не предлагаю тебе обжиматься в каждом закутке, как подростки.

– Хотя звучит заманчиво...

– И весьма!

– Хорошо, я согласна.

Хольгер вышел в утреннюю прохладу и закурил, вскоре Хелена присоединилась к нему на улице.

Через три часа Вюнш отвлекся от записей и повертел затекшей шеей. Дело потихоньку толстело, обретая фотографии, карты и результаты допросов. В его записной книге тоже добавилось текста. Четверг получался немного незанятым и Хольгер решил посвятить его решению вопроса с Райнхардом фон Штокком, чье имя так некстати всплыло в их с Майером расследовании.

Первое, что Вюнш планировал сделать в этой связи, это переговорить с Зигмундом Шигодой. Поэтому он запер свой кабинет, привычно тщательно прибрал его перед уходом, и направился в Отдел экономических преступлений.

Зигмунд Шигода был поляком, которого невесть-как занесло из родной Силезии в Мюнхен. В полиции он работал на несколько лет дольше Хольгера и всю карьеру занимался экономическими преступлениями. Вюнш был знаком с ним через Калле, с которым Шигоду связывала тянущаяся еще с начала 20-х дружба. Хольгер не мог назвать Зигмунда своим другом, но приятелями они были неплохими. Именно Шигода занимался разработкой фон Штокка.

– Доброе утро, Зигмунд.

– Не особенно-то оно доброе, Хольгер... Слышал, ты вышел на работу?

Зигмунд имел склонность к пессимизму, приобретавшую порой весьма комичные черты, особенно на контрасте с веч-

но улыбающимся Калле.

– Как видишь.

– Чем занимаешься?

– Спустили старое дело об убийстве. Сложное, но зато я – освобожденный следователь.

– Завидую я тебе, Хольгер... А на вас тоже скинули кучу старых дел?

– Да. Новая власть, новый начальник полиции...

– И каждый из них уверен, что старые дела не раскрыты только из-за злоупотреблений их предшественников и нашей лени.

– Прямо с языка снял. Кстати, про злоупотребления – ты все еще работаешь над тем, чтобы засадить Райнхарда фон Штокка за решетку?

– Если ты имеешь в виду, что это дело лежит на мне мертвым грузом, тогда да, я им занимаюсь.

– Вот об этом я и хочу спросить. Я не уверен, но, возможно, мое расследование связано с фон Штокком.

– Каким образом?

– Участок, на котором стоял дом жертв, принадлежит теперь ему, как и два соседних.

– А где это?

– Деревенька рядом с Ингольштадтом.

– Хм... Интересно. Но чего ты от меня хочешь?

Вюнш потратил некоторое время с утра, чтобы ответить на этот вопрос самому себе. Он, конечно, был не прочь по-

мочь коллеге и засадить такого мерзавца как фон Штокк, но никаких доказательств его причастности к резне в Хинтеркайфеке не было.

– Его более-менее постоянный адрес. У меня нет доказательств, которые бы указывали на его связь с моим делом, поэтому я хочу просто с ним поговорить.

Как и ожидал Вюнш, Шигода смерил его тяжелым взглядом – Хольгер мог взбаламутить воду и заставить фон Штокка лечь на дно. Наконец, Зигмунд ответил:

– Габсбургерплатц, дом девять. Он часто бывает в этом особняке. Только с чего ты взял, что он вообще согласится с тобой разговаривать?

– Потому что мое расследование никак не связано с твоим.

– Хм... Сколько, говоришь, было жертв?

– Шесть, двое из них – дети.

– Jesus, Maria... Как ты можешь работать с таким, Хольгер?

– Если есть тот, кто может такое совершить, значит должен быть и тот, кто сможет с таким работать.

– И то верно... Но ты прав – твое дело не связано с моим. Фон Штокк мошенник, но не детоубийца. Да и не стал бы он заниматься настолько «мокрым» делом.

– Ты уверен в этом?

– Почти наверняка. Я об одном прошу тебя, Хольгер – не спугни!

– Постараюсь, Зигмунд.

На часах было без десяти минут одиннадцать, а значит, скоро должен был прийти Майер. Вюнш распрощался с Шигодой и поспешил в свой кабинет.

Глава 28

Земля

Майер уже ждал его у двери кабинета. Хольгер открыл дверь и пригласил коллегу зайти.

– Завтра нам предстоит забрать у доктора Йоханнеса отчет и получить в Союзе по уходу за военными захоронениями информацию по Карлу Габриелю...

– И список личного состава его роты.

– Да, верно. Кроме того, нужно приложить усилия по поиску Ульриха и Вольфганга Габриелей, но этим я предлагаю заняться на следующей неделе, а сегодня можно съездить к Райнхарду фон Штокку – я выяснил, где он может быть.

Франц кивнул, соглашаясь.

– И еще, Франц, я бы хотел попросить вас взять дело и внести в него ту информацию, которую вы узнали вчера, ну и в целом посмотрите, может быть, я что-то упустил или неверно запомнил. Это можно сделать и завтра с утра, но лучше сегодня.

Майер взял дело и вышел, чтобы отнести его в свой рабочий стол. Хольгер же отправился ждать его в машину. Через десять минут они ехали в сторону Габсбургерплатц.

Эта площадь, получившая свое имя в честь легендарной фамилии Габсбургов⁵¹, находилась в северной части города. Названный Шигодой дом оказался особняком в модном стиле ар-деко. Новехонький, буквально бросающийся в глаза своей дороговизной, он стоял в окружении домов начала прошлого века и наверняка вызывал недовольное ворчание у местных старожил.

Хольгер тщательно обдумывал будущий разговор. Процедура была бы вполне рутинной, если бы не личность допрашиваемого. Вюнш припарковал автомобиль за несколько десятков метров, не желая раньше времени предупреждать хозяина дома о своем присутствии.

– Говорить буду я. Вы вставляйте свои колючие вопросы, но не слишком резко. Я, конечно, сомневаюсь, что кто-то в этом доме попытается нас убить, но мы здесь за сведениями и нам вполне могут их не предоставить, если будем вести себя неаккуратно.

Ответом Вюншу был молчаливый кивок. Перед входной дверью никого не было. «Он же не дурак, чтобы держать штатного громилу снаружи». Хольгер подошел к двери и позвонил.

⁵¹ Габсбурги – германская аристократическая династия. Правители последовательно: Австрии, Священной Римской империи, Австрийской и Австро-Венгерской империи с 1282 года по 1918 год. В разные годы так же правили: Испанской, Португальской и Мексиканской империями, Чешским, Венгерским, Хорватским и Неаполитанским королевствами. Тосканой, Пармой, Моденой и еще целым рядом более мелких государственных образований.

Дверь открыл высокий старик, одетый во все белое.

– Добрый день, господа. Чем могу помочь?

– Добрый день, мы из полиции. Я, оберкомиссар Вюнш, а это, комиссар Майер.

Взвесив все варианты, Вюнш решил действовать напрямую. Это был единственный шанс сразу поговорить с фон Штокком о том, что их интересует.

– Мы бы хотели побеседовать с господином фон Штокком.

Лишь на мгновение на лице дворецкого появилось удивленное выражение, тут же вновь сменившееся полным равнодушием и безмятежностью.

– Боюсь, что господина фон Штокка сейчас нет. Не могли бы вы зайти позже?

– Нет. Нам очень нужно с ним поговорить и поэтому, если вы не возражаете, мы подождем его в доме. Уверен, что он не был бы против.

Хольгер вел себя бестактно, но все это было нужно лишь для того, чтобы пройти в дом, а там уж фон Штокк никуда не денется.

– Сожалею, но я возражаю. И я вынужден настаивать, если у вас, конечно, нет документа, позволяющего вторжение в частную собственность.

– Хорошо. В таком случае мы пришлем господину фон Штокку официальное приглашение в наше заведение для дачи показаний по делу о массовом убийстве. Так же хочу от-

метить, что если господин фон Штокк проигнорирует наше приглашение, мы будем вынуждены все же запросить упомянутый вами документ у нашего начальства, и можете не сомневаться – наша просьба будет удовлетворена. Новый полицайпрезидент Гиммлер очень серьезно относится к расследованиям дел об убийстве, тем более когда речь идет об убийстве детей. Но в нашей баварской специфике он пока в полной мере не разбирается и потому может счесть активный отказ господина фон Штокка от сотрудничества с полицией... как бы это сказать... подозрительным.

Это была откровенная угроза, но Хольгер не сомневался, что сможет ее хотя бы частично реализовать. Возможно, посадить фон Штокка за махинации не выйдет, но испортить ему жизнь Вюнш был вполне способен. На лице дворецкого застыла непроницаемая маска, но закрывать дверь перед Хольгером и Майером он не спешил, очевидно, размышляя над дальнейшими действиями.

«Давай, старый болван! Раз ты знаешь, что твой хозяин не хочет общаться с полицией, значит, примерно представляешь, кто он и чем занимается. Он вряд ли погладит тебя по головке, если из-за тебя его имя начнет светиться в связи со смертью шести человек – это вредно для его репутации...»

В то, что фон Штокка действительно не было дома, Хольгер не верил – роскошный Mercedes-Benz 770 был припаркован прямо за калиткой справа от дома. А значит, либо фон Штокк должен был скоро вернуться, либо находился в доме,

либо его вообще не было в данный момент в городе, но тогда Шигода скорее всего знал бы об этом и предупредил бы Вюнша. Наконец, дворецкий принял решение:

– Вы не могли бы подождать некоторое время здесь?

«Какой неуступчивый!» Ворваться в этот дом без разрешения, подписанного даже не Калле, а самим Гиммлером, полицейские не могли, а потому пришлось согласиться на просьбу дворецкого.

– Думаете, он здесь?

– Почти уверен. Посмотрите – машина на месте. Если он и не здесь, то точно неподалеку. Кроме того, если бы его не было дома, какой смысл дворецкому просить нас подождать?

Прошло почти пять минут, а дворецкий все не возвращался. Хольгер начинал беспокоиться. Однако его опасения вскоре были развеяны: дверь отворилась, и дворецкий впустил их в дом. Он провел полицейских в гостиную, точнее в одну из гостиных первого этажа.

– Подождите здесь, пожалуйста.

Еще через пять минут в комнату вошел худой лысый мужчина. На вид ему было около шестидесяти. Вместе с ним вошел крайне мрачного вида субъект, превосходивший в плечах немаленького Хольгера раза в полтора. «А вот и штатный громила».

– Добрый день, господа. Признаться, я изрядно удивлен визиту полиции в столь законопослушный дом. Хольцхаус сообщил мне, что у вас есть вопросы, касающиеся какого-то

убийства. Я охотно постараюсь ответить на них, но признаться, не представляю, чем могу вам помочь – я никогда не был свидетелем или, тем более, участником убийства, и уж конечно, никогда не участвовал в таком злодеянии, как массовое убийство. Сама мысль об этом внушает мне ужас...

Поток красноречия фон Штокка пора было перекрывать. Хольгер предпочел выбрать столь же многословный стиль:

– Добрый день, господин фон Штокк. Мы с коллегой приносим вам извинения за причиненное беспокойство, но некоторые детали расследуемого нами дела не оставляют нам ничего иного, кроме как прервать ваш досуг и расспросить вас о связанных с вами напрямую обстоятельствах, которые к убийству ни в чем неповинных людей имеют отношение лишь косвенное.

– Тогда прошу пройти в мой кабинет.

– С превеликим удовольствием.

Устроившись в широком и неприлично дорогом кресле в своем кабинете, заставленном полупустыми книжными полками, фон Штокк продолжил:

– Не желаете настоящего шотландского виски? 1899-й год!

– Нет, спасибо.

Франц помотал головой.

– Тогда, может, вина?

– Нет, благодарю, ничего не нужно.

– Что же, тогда чем я могу вам помочь?

– Вам знакомо название Хинтеркайфек?

– Хинтеркайфек... Хинтеркайфек... Простите, не припоминаю.

– Ну как же? Согласно кадастровой ведомости магистрата Кайфека, именно вы являетесь владельцем этого места.

– Прошу меня извинить – в моей собственности так много недвижимости, что я не могу сразу вспомнить название конкретного участка. Если вы позволите мне обратиться к моим журналам, я смогу точно сказать, принадлежит ли упомянутый вами Хинтеркайфек мне...

– Извольте.

Хольгер напряг все свое восприятие. Определить, врет ли фон Штокк о том, что не помнит это название, по одним только его словам не представлялось возможным – он был слишком искусным лжецом. Однако то, как он будет искать, как будет водить взглядом по страницам журнала, за возможность посмотреть на который хоть одним глазком Зигмунд Шигода съел бы свою шляпу, могло пролить свет на степень его вовлеченности в эту историю. Если фон Штокк участвовал в убийстве, пускай и косвенно, он наверняка бы это запомнил, как и название фермы, где оно произошло. В таком случае, он не станет искать то, что ему и так известно, а лишь будет делать вид, что ищет, блуждая взглядом по страницам, и тянуть время. Риск ошибиться был очень высок, но рассчитывать, что фон Штокк выложит все сам, было бы наивно со стороны следователей.

Для человека, который не всегда ведет дела честно, фон Штокк совсем не был озабочен конспирацией. Журналы, к которым он обратился, стояли на полке в таком месте, где их могли увидеть даже прислуга или охранник. Как успел заметить Хольгер по надписям на корешках, журналы велись по территориальному принципу.

– А где находится этот участок?

– В двадцати пяти километрах к югу от Ингольштадта.

Проведя указательным пальцем по корешкам, фон Штокк вытащил тонкий журнал с наклеенной надписью «Шробенхаузен-Ингольштадт» и вернулся за стол. Он пристально и внимательно читал, водя глазами по строчкам. «Скорее всего, действительно ищет» Через несколько минут фон Штокк поднял палец вверх и сказал:

– Действительно! Хинтеркайфек, как вы и сказали. Я действительно владею этим участком с июня 1926-го года. Но я, признаться, по-прежнему не понимаю, как это связано с упомянутым вами ужасным убийством.

– В 1922-м году в Хинтеркайфেকে были убиты шесть человек, в том числе двое детей.

– Какой кошмар! Теперь я, кажется, припоминаю газетные заголовки. Но ведь это было за четыре года до того как землю приобрел я. К тому времени я уже позабыл об этом ужасном преступлении. Не думаете же вы, что я к этому как-то причастен?

Несмотря на сохранение им высокопарной манеры речи,

в глазах фон Штокка Хольгер видел настоящее удивление и, даже, затаенный страх. «И правда не помнит! Он не имеет отношения к убийству...» – теперь Вюнш собирался ковать железо пока горячо и помочь Шигоде. План новой игры быстро сложился в голове Хольгера. Он был рискованным, местами подвисал, но Вюнш не мог не попробовать его реализовать. Он начал говорить:

– Нет, я не думаю, что вы причастны. Однако нам необходимо выяснить: при каких обстоятельствах вами была приобретена эта земля?

– Прошу вновь меня извинить, но как я могу помнить обстоятельства покупки этой земли, если мне пришлось обращаться к бумагам, чтобы вспомнить, что она вообще мне принадлежит?

– Очень жаль...

Хольгер даже сочувственно цокнул языком

– Дело в том, что, согласно вашим же словам, Хинтеркай-фек принадлежит вам с июня 1926-го года. Я правильно вас понял?

– Да.

– Тогда же, в июне 1926-го года, из архива Центрального управления Баварской полиции было изъято дело. То самое дело о массовом убийстве. Вскоре дело вернули в наш архив, но без части фотографий. На пропавших фотографиях была запечатлена одна из ферм расположенных на этом участке. За четыре года до пропажи фотокарточек именно на этой

ферме были убиты люди.

Мы точно знаем, что изъял дело, а значит и фотографии, сотрудник Рейхсархива. Может быть, он просто проявил излишнюю исполнительность, а может быть... следы за собой заметал.

Нам, пусть и ценой серьезных усилий, удалось найти часть украденных фотокарточек в Рейхсархиве, а вот чего мы там не смогли найти, так это документов, которые бы подтверждали ваше право владения этой землей.

– Все это может быть простым совпадением...

– Я вообще-то не закончил. Недавно в Мюнхенской полиции сменился начальник, и он проявляет очень большой интерес к этому делу. Уж не знаю, чем оно ему глянулось, но силы он готов поднять для расследования немалые. И теперь вы – владелец земли – говорите, что не помните, при каких обстоятельствах ее приобрели. При том, что нам не удалось найти в Рейхсархиве документов, удостоверяющих бы ваше владение, а в тот же период времени кто-то из сотрудников Рейхсархива крадет доказательства из дела об убийстве, произошедшем на этой земле.

– Вам не удастся привязать это все ко мне!

Красноречивость фон Штокка испарилась без следа, уступив место шипению похожему на змеиное. На это шипение ответил Франц, решив вступить в разговор:

– Мы ведь найдем его. Рано или поздно, но мы выкопаем его. Если он еще работает в архиве, мы проверим всех со-

трудников, если он уже ушел оттуда, мы проверим всех, кто уволился с 26-го года. У нас хватит на это сил и терпения. А когда мы его найдем, и он будет сидеть в нашей допросной комнате и услышит то, что сейчас слышите вы, как вы думаете, господин фон Штокк, назовет он ваше имя или нет?

«Ай да Франц! Все правильно понял и вступил тогда, когда это было нужно».

– Вы не повесите на меня убийство!

Хольгер вновь взял слово:

– Да, не повесим. Но в суд мы вас притащим. Конечно, вы представите надежное алиби и наймете адвоката, который не оставит от линии обвинения и мокрого места. Все мы будем выглядеть дураками, может быть, нам даже придется принести вам официальные извинения. Но, как я уже сказал, в суд мы вас притащим, и в газетах будет ваша фотография. Вы ведь деловой человек, для вас очень важна соответствующая репутация, а ее после столь громкого процесса не будет. Наверняка найдутся ушлые журналисты, которые выловят в мутной воде вашего прошлого даже самые маленькие грешки. Всплывет и старая история с армейским заказом. Я уверен, что вы этого не хотите...

Фон Штокк молчал, уставившись в поверхность стола.

– Послушайте, фон Штокк, я не верю, что вы убили шесть человек. Я видел много убийц и вы не один из них. На ваши делишки мне плевать и если вы поможете нам сыкономить время, скажете всего лишь два нужных мне слова, я готов

забыть о том, что этот разговор вообще имел место.

– Какие два слова?

– Имя и фамилия вашего агента в Рейхсархиве. Подумайте, он ведь может быть убийцей, он мог убивать все эти годы.

Это уже была откровенная чушь, но Вюнш давил на все, на что только можно.

– Клаус Дреммлер. Он раньше работал в полицейском архиве, но потом перешел в Рейхсархив.

Хольгеру это имя показалось знакомым, но он решил отложить размышления об этом до лучших времен. Фон Штокк, между тем, продолжил:

– Оберкомиссар, мне нужны гарантии, что мое имя не всплывет в вашем расследовании.

– Хорошо, даю слово. Других гарантий дать не могу.

«В нашем расследовании оно не всплывет, ублюдок!»

– Спасибо вам за содействие следствию, господин фон Штокк. Вполне возможно, что ваши показания помогут задержать опасного преступника.

Каждое следующее мгновение было на счету. Фон Штокк мог прийти в себя в любую минуту. Поняв, что его облопошили, он должен был попытаться убрать Дреммлера – на это Хольгер и рассчитывал, но загнанные в угол крысы бывают очень опасны – фон Штокк мог попытаться остановить и их с Майером. Люгер Хольгера был заряжен и готов к бою. Вюнш надеялся, что Франц тоже не забыл свой револьвер дома на тумбочке.

– Доброго дня, господин фон Штокк.

– Да, доброго дня, господа...

К счастью, фон Штокк все еще прибывал в прострации.

До машины удалось добраться без происшествий. Только отъехав на несколько кварталов, Хольгер позволил себе расслабиться, но лишь на мгновение. «Теперь как можно быстрее в Управление!»

Через сорок пять минут Вюнш влетел в Отдел экономических преступлений. Майер не отставал.

– Зигмунд, слушай, вопросы задашь потом! Возьми ручку, чтобы записывать. Фон Штокк назвал имя одного из своих агентов. Зовут Клаус Дреммлер, он работает в Рейхсархиве. Его нужно немедленно найти, потому, что, скорее всего, его попытаются убить сегодня в течение нескольких часов. Не спорь. Это тот случай, когда фон Штокк готов замарать руки. Когда найдешь Дреммлера, раскалывай его делом №44518. Это номер моего нынешнего дела – Дреммлер брал его из полицейского архива, о чем есть запись, и украл фотографии из него. Обратись к Каспару... к Шнайдеру, я имею в виду. Нельзя тянуть с нахождением Дреммлера: либо в скором времени его убьют, либо фон Штокк полностью оборвет с ним связь. Если хочешь, я могу с тобой поехать в Рейхсархив и все тебе рассказать по дороге.

Шигода явно опешил от такого напора и количества информации, но быстро пришел в себя и уже через десять минут он, Хольгер и двое полицмейстеров ехали в направлении

Рейхсархива. Франца Вюнш попросил остаться в Управлении и заняться подшиванием к делу той информации, которую Майер узнал в Кайфеке. Хольгер предполагал, что дело на некоторое время придется отдать Шигоде для раскалывания Дреммера, а потому пополнить его нужно было сейчас.

Фрау Циллер вновь дежурила в приемной Баварского отделения Рейхсархива. Она сразу узнала Вюнша, а после того, как увидела, что он пришел не один, побледнела и сильно изменилась в лице. Хольгер взял слово на себя:

– Добрый день, фрау Циллер. Нам нужен господин Дреммер. Вы знаете, где он?

– Да, он должен быть на третьем этаже, а в чем собственно дело? Вы уже второй человек, который его спрашивает...

– А кто первый?! Лысый, лет шестидесяти?!

– Нет, очень широкоплечий...

– Он пошел наверх?

– Да, он сказал, что является родственником Клауса, и я отправила его в кабинет Дреммера.

– Это на третьем этаже?

– Да, сорок шестой кабинет.

– Давно он вошел?

– Буквально за пять минут до вас.

«Еще есть шанс!»

– Фрау Циллер, запирайте, пожалуйста, главный вход на ключ. Только не спорьте, это очень важно. У парадного входа останется этот красавец полицейский. После того, как запре-

те, идите к господину Камплю и предупредите его, и только его, о том, что мы проводим задержание преступника. Скажите ему, что лучшая помощь для нас – это отсутствие помех. После этого возвращайтесь сюда и слушайте, что скажет вам полицмейстер. Есть еще действующие выходы из здания?

– Да, один. И еще один закрыт...

– Хорошо, тогда перед тем, как идти к господину Камплю, отведите второго полицмейстера к тому из них, который открыт.

«Четверг получился очень содержательным, а ты боялся...» – Хольгер улыбнулся собственной шутке уголками рта, а потом сконцентрировался на работе.

Глава 29

Рассуждения о моральности

Хольгер откинулся на спинку кресла и устало прикрыл глаза. Было почти одиннадцать вечера, а он только пришел домой. Вюнш с Шигодой ворвались в сорок шестой кабинет, когда громила уже занес над головой Дремлера тяжеленный пресс-папье с острой кромкой. Хольгера удивил такой неаккуратный способ убийства, но это не помешало ему навести на громилу ствол Люгера. К счастью, обошлось без погонь и драк – услышав слово «полиция» неудачливый убийца и его удачливая жертва дружно подняли руки вверх.

Здоровяк раскололся почти сразу, понимая, что единственный способ снизить срок за покушение на убийство, это назвать своего заказчика. А вот с Дреммлером полицейским пришлось помучиться. Клаус просто замкнулся в себе и отказывался отвечать на вопросы. Шигода работал с ним больше часа без результата.

После того как Майер принес дело №44518, Хольгер снова разыграл историю о том, что похититель фотографий из полицейского архива очень хорошо подходит на роль убийцы. Уж на худой конец, он наверняка пойдет за решетку на долгий срок за кражу улики и препятствование следствию. Под таким напором Дреммлер раскололся и начал рассказывать очень интересные истории о том, какую информацию ему приходилось доставать для господина фон Штокка за последние девять лет.

В общем и целом картина выглядела следующим образом: в 1926-м фон Штокк поручил Дреммлеру собрать всю имеющуюся информацию по участку земли, который намеревался приобрести. На этом участке только что умерли последние жильцы, и фон Штокк хотел быстро и без шума обстряпать все документы, пока не повылезали разнообразные наследники. Клаус выполнил это поручение, но вспомнил, что название этого участка земли в свое время громко звучало в прессе в связи с массовым убийством. Хольгер не очень понимал, на что рассчитывал Дреммлер, влезая в полицейский архив, но так или иначе, фон Штокк об этом знал и

идею своего агента одобрил. Клауса в полицейском архиве знали, в его историю о путанице в Рейхсархиве поверили, процедуру выдачи выполнили неправильно потому, что «не в службу, а в дружбу». Дреммлер выкрал из дела фотографии, на которых был запечатлен дом и участок, а остальное вернул в полицейский архив. По иронии, к тому моменту, когда Дреммлеру удалось добыть фотокарточки, фон Штокк уже был владельцем Хинтеркайфека и фотографии ему были без надобности. Не желая рисковать, Дреммлер не стал возвращать фотокарточки в полицию, а оставил их пылиться в Рейхсархиве, где их и нашел Хольгер.

Это интересовало в первую очередь Шигоду, у которого даже глаза заблестели от открывшихся перспектив. Вюнша же больше беспокоила судьба тех фотографий украденных Дреммлером, на которых были видны тела, следы и временное пристанище убийцы. К его глубокому разочарованию, эти фотокарточки были уничтожены Дреммлером тогда же – в 26-м году.

А еще Хольгер вспомнил, откуда знал имя Клауса Дреммлера – именно за ним Рейнгрубер установил несанкционированную слежку в 1926-м году, о чем упоминалось в личном деле старого полицейского. И именно жалоба Дреммлера привела к уходу Рейнгрубера на пенсию. Каким образом Георг Рейнгрубер вышел тогда на Дреммлера, так, очевидно, навсегда и останется тайной, скрывающейся где-то в его воспаленном разуме.

Хольгеру очень хотелось ударить этого архивариуса-воришку чем-нибудь очень тяжелым, но ценных свидетелей бить было нельзя, поэтому он просто вышел из допросной комнаты и не возвращался до тех пор, пока не выкурил две папиросы подряд.

За час до этого, поняв, что задержится допоздна, Вюнш предупредил Хелену, чтобы она его сегодня не ждала. Майера он отпустил домой еще раньше – после того, как Франц принес дело.

Хольгер приоткрыл глаза и широко улыбнулся своей пустой гостиной – за прошедший день расследование убийства в Хинтеркайфеке не продвинулось, но он был рад, что удалось помочь коллеге и засадить фон Штокка за решетку. Шансов отвертеться от обвинения в организации покушения у того почти не было.

Бесцеремонная попытка Вюнша запугать фон Штокка закончилась тем, что тот сам себя подставил, сначала назвав имя своего агента, а после, попытавшись его убрать. Если бы фон Штокк ушел в тень, оборвал контакты с Дреммером или, если бы вообще не повелся на рассказы о неограниченных ресурсах, направленных на поиски архивариуса, тогда у Шигоды были бы основания обижаться на спугнувшего большую рыбу Хольгера. «Повезло всем назло» – Вюнш ухмыльнулся невольной рифме. Этой ночью он спал как младенец.

Утро пятницы выдалось холодным. Серединой апреля и

не пахло, скорее серединой марта. Перед работой Хольгер заехал в «Охотника» и плотно позавтракал. Вчера он так устал, что даже забыл поужинать. Сегодня им с Майером предстоял содержательный день: нужно было забрать отчет у доктора Иоханнеса и, наконец, получить в руки информацию по Карлу Габриелю.

А еще – и от этого у Вюнша упало настроение – ему сегодня нужно было писать докладную для Калле. С точки зрения фактических результатов похвастаться было нечем – теперь они окончательно могли вычеркнуть Лоренца Шлиттенбауэра из списка подозреваемых, оставив этот список пугающе пустым. Поиск Ульриха и Вольфганга Габриелей, даже увенчавшись успехом, мог ни к чему не привести и тогда ниточек, за которые можно было бы потянуть, и вовсе не останется.

Еще в тот момент, когда Хольгер только знакомился с делом, в его голове поселилась гадкая и липкая мысль, что, несмотря на все совпадения, и сам убийца мог быть простым прохожим бродягой, и дом он мог выбрать абсолютно случайно, а потом остаться, питаясь припасами Груберов, на несколько дней. В таком случае шансов раскрыть дело у них не было. К подобному итогу пришла группа Рейнгрубера, и в результате дело легло в архив. У Хольгера начинали болеть зубы, когда Каспар Шнайдер клал в архив дела, в которых не было пометки из суда и заключения о мере пресечения для преступника. «Впрочем, новые нити могут появиться сего-

дня же, после изучения того, что выдаст Народный союз» – Вюнш постарался подбодрить себя.

Майер уже ждал его у кабинета.

– Доброе утро, Франц!

– Доброе утро, оберкомиссар Вюнш. Вам удалось вчера чего-нибудь добиться от Дреммера?

– Да. Надеюсь, что фон Штокк уже задержан.

– Вы пообещали, что он не появится в нашем деле...

Хольгер ожидал подобного поворота. «Похоже, придется все-же провести лекцию о роли нравственности в профессии полицейского...»

– Дело фон Штокка ведет Зигмунд Шигода. Хинтеркайфек в этом деле фигурирует лишь потому, что принадлежит фон Штокку. Мы сами в этой истории дальше будем участвовать разве что в качестве свидетелей обвинения в суде...

Вюнш еще вчера заготовил аргументы на случай, если Франц решит с ним поспорить о данном фон Штокку обещании. Он собирался рассказать Майеру о четырех случаях странных возгораний в домах, стоявших на приобретенной фон Штокком земле. О жителях дома по Варнгауэрштрассе, которых выселили из их квартир в разгар декабря потому, что домовладелец вдруг, никого не поставив в известность, продал дом фон Штокку за цену в четыре раза ниже рыночной. О самом этом домовладельце, которого в тот же день нашли на улице в состоянии тяжелого алкогольного отравления и не смогли откачать. В деле фон Штокка было много

историй о шантаже и попытках запугать несговорчивых владельцев собственности. Была замечательная история о том, как он купил фармакологическую фабрику, а затем обанкротил ее, разумеется, оставив людей без работы.

Как часто случалось, у богача трупов за спиной было больше, чем у серийного убийцы. Хольгер всем сердцем ненавидел таких как фон Штокк за то что они наживались, когда страна из последних сил работала на фронт, наживались в годы послевоенной разрухи, богатели даже тогда, когда деньги перестали что-то стоить. Вюнш твердо был уверен, что с такими людьми нужно воевать, иначе они снова нанесут Германии удар в спину. А для того чтобы победить в войне иногда необходимо быть безжалостным.

Майер просто кивнул и внезапно улыбнулся. «Такая речь пропала!» – Хольгер был даже в некоторой степени раздосадован.

– Ну что же, Франц, предлагаю вновь разделиться. Я могу съездить к доктору Иоханнесу, а вы в Народный союз.

Вновь молчаливый кивок.

– Отлично, тогда встретимся здесь же к полудню.

За прошедшую неделю дом доктора ничуть не изменился. Фрау Иоханнес тоже, как и ее недоверчивое отношение к Вюншу. Хольгер прошел сразу в кабинет доктора. Приемная была пустой, к тому же, в прошлую встречу Иоханнес говорил, что примет их без очереди.

Несмотря на данное Вюншу разрешение войти, доктор

был занят телефонным разговором. «В прошлый раз я не обратил внимания на телефонный аппарат». Хольгер жестом попросил разрешения сесть и, дождавшись утвердительного кивка, устроился в удобном кресле, от которого у него еще с прошлого раза остались хорошие воспоминания.

– Нет, господин Вирт, я еще раз вам сообщаю, что не заинтересован в этом.

– ...

– Я понимаю, что вы радуете за будущее Германии, и вы напрасно думаете, что я за него не радею.

– ...

– Потому, что не понимаю, как научная психиатрия может пригодиться вам в ваших... оккультных изысканиях?

– ...

– Это вы меня не понимаете, господин Вирт, я не говорил, что сомневаюсь в существовании арийской расы, не говорил, что не верю в существование земли Туле, я вообще их не упоминал в нашей беседе. Дело в том, что мне в моем возрасте не интересна ни земля Туле, ни арийская раса.

– ...

– Да, можете считать, что я не интересуюсь прошлым, а даже интересуюсь я им, ну какие чисто профессиональные услуги я могу оказать вашей организации?

– ...

– Нет, это мне решать! Это мне решать, вовлекать ли себя в околонаучные изыскания, никак, повторяю – никак! – не

связанные с моей профессиональной деятельностью!

– ...

– Можете подождать. Что хотите, можете делать, но я не передумаю.

– ...

– Да плевать мне на то, как к вашим идеям относится Юнг! Мне они не интересны!

– ...

– Так! Позвольте мне оставить мое отношение к господину Юнгу только моим и его достоянием...

– ...

– Послушайте, господин Вирт, мы начинаем ходить кругами. Я последний и окончательный раз заявляю вам, что не вступлю в создаваемую вами организацию ни в каком качестве! На сем прошу меня простить – у меня клиенты.

– ...

– До свидания, господин Вирт!

Доктор Иоханнес положил трубку на аппарат, упер руки в стол и уставился немигающим взглядом на противоположную стену, очевидно, приходя в себя после тяжелого разговора. Хольгер выждал некоторое время, а после заговорил:

– Доброе утро, доктор Иоханнес.

Доктор повернул голову и посмотрел на Вюнша так, как будто впервые его увидел. Однако вскоре глаза Иоханнеса вновь стали живыми и внимательными:

– Да, добрый день, оберкомиссар Вюнш, кажется?

– Верно.

– А где юный Майер?

– У него другие дела, не смог приехать.

– Понимаю, работа есть работа... Я закончил отчет по поводу психологического портрета того убийцы и готов вам его передать. Признаюсь, это был интересный опыт для меня, и я был бы не прочь его повторить.

– Хорошо, если мне или кому-нибудь из моих коллег понадобится консультация такого рода, мы обратимся к вам.

– Спасибо, буду рад помочь. Вот ваш отчет.

Доктор извлек из верхнего ящика стола тонкую папку и передал ее Вюншу.

– Получилось не очень много, но и исходной информации было, откровенно говоря, маловато.

– Так или иначе, спасибо за сотрудничество. Нам это уже помогло. Я, разумеется, внимательно изучу ваш отчет, но я был бы благодарен, если бы вы рассказали мне о том, что бросилось вам в глаза за прошедшие с нашего с Майером визита дни.

Доктор, как и в прошлый раз, долго набивал и раскуривал трубку, не говоря при этом ни слова. Наконец, дым начал колечками подниматься к потолку и он заговорил:

– Все мои основные выводы остались неизменны. Я по-прежнему считаю, что убийца обладает скудной эмоциональной реакцией и не испытывает раскаяния.

Еще в прошлую нашу встречу я сказал вам, что убийца

выбрал этот дом не случайно и с тех пор мое мнение только укрепилось. Возможно, я беру на себя лишнее, но, как мне кажется, ключ к личности убийцы в «женщине средних лет» и ее дочери. Как я отметил в прошлый раз, они убиты с несимулированной, настоящей жестокостью, как мне видится, он вообще не хотел их убивать. Вот в чем нарушение его плана. Они вдвоем были для него важны, он испытывал к ним чувства, поэтому ему пришлось приложить усилия для их убийства. Эти усилия и выразились в жестокость.

Возможно, это все же действительно было сродни помешательству: что-то запустило травмирующий механизм, нейтрализовав эмоциональную составляющую личности убийцы. Под воздействием этой, если угодно, холодной ярости он убивает первых двух жертв, потом видит «женщину средних лет» и девочку, это запускает второй травмирующий процесс, который накладывается на первый. После этого его состояние не вернулось к норме, по крайней мере, несколько дней. Возможно, именно «выздоровление», ослабление психопатического состояния заставило его покинуть дом.

Позвольте мне задать один вопрос по обстановке?

– Да, пожалуйста.

– Из дома пропали какие-нибудь ценности?

– Нет.

– Значит, не исключено, что он покинул дом спонтанно, как-бы устранившись содеянного. Я понимаю, что это противоречит моим же словам о том, что убийца не раскаивает-

ся в совершенном преступлении, но такое объяснение тоже возможно.

Скажу сразу, изложенная мной только что версия не является основной. Как я уже сказал – психология преступника не мой профиль. Я внес ее в отчет под названием «Версия №2». Та версия, которую я изложил вам еще в прошлый раз, с парой-тройкой добавлений и обоснований видится мне все же основной и на вашем месте я бы сначала отработал ее, хотя вам, разумеется, виднее.

– Спасибо за откровенность, доктор. Я прислушаюсь к вашему совету. Можно еще один вопрос?

– Конечно.

– Что могло запустить этот травмирующий механизм?

– Что угодно. Резкий звук, плач ребенка, яркая вспышка, какие-либо слова или действия окружающих... Трудно сказать, не имея возможности сравнить свои выводы с личностью реального человека.

– Понятно. Спасибо вам еще раз за помощь, доктор Иоханнес.

– Обращайтесь, вы или ваши коллеги, я буду рад помочь. И еще, оберкомиссар Вюнш, желаю вам удачи и надеюсь, что вам удастся его поймать. Человек, который совершил подобное, не должен оставаться на свободе – он очень опасен для общества и должен быть из него изъят.

– Мы сделаем все возможное для этого. До свидания, доктор Иоханнес.

– До свидания, оберкомиссар Вюнш.

Глава 30

Список

В ожидании Франца Хольгер успел просмотреть отчет Иоханнеса. Доктор действительно увлекся этой работой: в тексте отчета было большое количество терминов, которые были не знакомы Вюншу, доктор часто обращался к разнообразным специализированным изданиям и много теоретизировал. Все это было похоже не на отчет, а скорее на статью для журнала, но общий смысл изложенного оставался тем же, что и в понедельник. Немного раздосадовало Хольгера то, что доктор, уйдя в дебри теоретических рассуждений, так и не выдал заключение, в котором четко бы указывал черты характера убийцы. Вюнш вложил отчет в папку с делом и закурил. Вскоре пришел Майер.

– Успешно?

Молчаливый кивок и перед Хольгером уже лежали тонкая папка и толстая тетрадь. Вюнш взял в руки папку и понял, что это было самое настоящее личное дело Карла Габриеля.

– Франц, а вам в Народном союзе личное дело выдали?

Майер кивнул. «Ничего себе они работают...» – максимум, на который рассчитывал Вюнш, отправляя запрос в Союз по уходу за военными захоронениями, это справка о дате смерти и месте погребения, в самом лучшем случае,

свидетельские показания сослуживцев, но уж никак не полноценное личное дело. Хольгеру пришла в голову немного безумная мысль, что вездесущий полицайпрезидент Гиммлер, прочитав докладную записку о ходе расследования за прошлую неделю, попросил Народный союз обработать этот запрос тщательнее, чем обычно. Так или иначе, личное дело Карла Габриеля было у них в руках.

Хольгер открыл папку. С фотокарточки на него смотрел усатый молодой человек с пронзительным взглядом. Совершенно удивительным для Вюнша было то, что фотокарточка оказалась цветной. Карл Габриель был заснят по грудь и одет в военную форму образца 1914-го года – светло-серую, с пикельхельмом⁵². «Он 14-м году был на семь лет старше, чем я...» Усы залихватски торчали в стороны, а волос совсем не было видно из-под шлема. «Скорее всего, фото сделано перед отправкой на фронт – через пять дней он погибнет».

Как и ожидал Вюнш, Карл Габриель действительно погиб двенадцатого декабря 1914-го года. В подтверждение этого к делу была приложена фотокарточка братской могилы в Сен-Лоран-Бланжи – одной из многочисленных деревенок под Аррасом. Хольгер с удовлетворением отметил, что, судя по фотографии, за могилой ухаживали. Окончательным же доказательством смерти Карла была подшитая к делу копия от-

⁵² Пикельхельм – традиционный немецкий шлем. Использовался в армии и в пожарной службе. Обычно делался из кожи, реже из стали. Характерной чертой пикельхельма является шип, выходящий из теменной части шлема. Часто шипы делались отъемными.

чета о потерях, поданного гауптманом Бертинком шестнадцатого декабря 1914-го года. «Молодцы! Основательно поработали...» – в чем бы ни заключалась причина тщательности работников Народного союза, Вюнш мог лишь похвалить их работу.

На следующей странице приводились показания сослуживцев Габриеля, видевших его смерть. В голову Хольгера пришло подозрение, что Рейнгрубер подшил к делу №44518 копию этих показаний, однако после сверения имен опрошенных он был вынужден отказаться от этой мысли. Только два человека давали показания и Рейнгруберу, и для Народного союза – Леопольд Маркс и Пауль Фишер. Разница в описаниях была только внешней, с точки зрения фактов они друг другу соответствовали. У Вюнша больше не оставалось сомнений в том, что Карл Габриель действительно погиб в середине декабря 1914-го года.

Хольгер обратился к медицинскому листку, очевидно, скопированному прямо из личного дела в Министерстве обороны. «А парень-то явно добровольцем пошел...» – медицинский лист однозначно говорил Вюншу, что в 14-м году в общий призыв Карл Габриель не попал бы по здоровью. Насколько ему было известно, с астмой и в 18-м определяли в части тылового снабжения, а то и вовсе признавали негодным к службе. Помимо астмы у Карла были проблемы с внутренним ухом, а также был вырезан аппендикс.

«Астматик с плохой координацией движений в условиях

окопного кошмара и газовых атак – у него не было ни одного шанса...» – сердце Хольгера в очередной раз сжала стальная рука разочарования. В 14-м году им всем казалось, что Война это победный парад в Париже. «Причем не только мы, но и австрийцы, русские, французы, бельгийцы, англичане... Если бы все мы знали тогда, через что нам придется пройти в ближайшие годы, мы бы послали куда подальше наших ниспосланных Богом правителей с их стремлением что-то кому-то доказать».

Больше в папке ничего не было. Карл Габриель родился, вырос, женился, погиб – дело закрыто.

Вюнш закурил очередную папиросу и попытался привести мысли в порядок. Карла Габриеля тоже можно было исключать. Подделка отчета гауптмана о потерях была крайне сомнительна, да и остальные доказательства были достаточно убедительны. Хольгер проговорил про себя: «Ни Карл Габриель, ни Лоренц Шлиттенбауэр не убивали Груберов».

Теперь оставались только братья Карла, Ульрих и Вольфганг, а их поиск, соответственно, становился первостепенной задачей. Вюнш выругался про себя – ему нужно было опять закапываться в архив и по обрывочным материалам пытаться установить судьбу двух человек, последняя проверенная информация о которых относилась к началу 20-х годов. «Черта с два я заявлюсь в Рейхсархив раньше понедельника» – эта неделя его изрядно утомила.

Майер, тем временем, закончил изучать отчет Иоханнеса

и положил его в папку к остальным материалам расследования.

– Что вы думаете об этом, Франц?

– Думаю, что доктор немного перебарщивает со специальной терминологией, а также, что мы, в общем и целом, знали все это с понедельника.

– Как вам Версия №2?

– А я бы не назвал ее отдельной версией, скорее рассуждениями на полях. Она не противоречит Версии №1. Вполне мог быть какой-то сигнал, «запустивший» убийство, но что это за сигнал, мы все равно не знаем. А по поводу того, что убийца ушел из дома второпях – это все же домыслы...

– Согласен с вами. Но, Франц, идея составить психологический портрет убийцы не была неудачной. Мы многое узнали благодаря доктору. Вы успели прочитать дело Габриеля?

Франц помотал головой.

– Хорошо, тогда вы берите на себя Карла, а я возьму список его роты.

Хольгер подвинул к себе толстую тетрадь, на которой было написано: «3-я рота 13-й резервный полк 6-я Баварская дивизия 3-й Баварский армейский корпус». Он углубился в чтение. Ребята из Народного союза создали громоздкую, но достаточно эффективную систему: сразу на первом листе указывалось, что рота была на перекомплектовании четырнадцать раз, а значит, существовало четырнадцать списков личного состава и все они были в этой тетради. Хольгер

быстро разобрался с примечаниями. Крест напротив имени значил, что военный погиб, в этом случае далее указывалась дата смерти. Сначала в списке шел офицерский состав в алфавитном порядке, а за ним был такой же список нижних чинов.

Насколько помнил Вюнш, списки личного состава в армии выглядели совсем не так, но они были нужны для поиска живых, а подобная структура помогала быстро найти мертвых. Ему предстояло внимательно отсмотреть только первый список, так как Карл Габриель погиб в одном из первых боев своей роты. Хольгер еще раз задумался, что именно они хотят здесь найти? Поняв, что пытается оттянуть неизбежное, он решил просто цепляться глазами за странные совпадения и неожиданные встречи. Вюнш глубоко вдохнул, досчитал в уме до четырех, выдохнул, снова вдохнул и начал читать:

Бертинк Альфред Макс фон — гауптман + 02.03.1917
Фридель⁵³ Георг-Хайнц — лейтенант
Кель Георг — оберлейтенант + 21.06.1915
Натткемпер Герман Иоганн — лейтенант + 07.11.1918
Рафтль Рудольф — лейтенант + 15.12.1914
Вигольд Гаральд Йозеф — лейтенант

С офицерами было покончено, теперь шли рядовые и унтер-офицеры.

⁵³ Используется латинский алфавит.

Адлер Хорст – рядовой + 28.01.1915
Айхель Отто Герман – рядовой
Альменредер Карл – рядовой + 27.06.1917
Аманн Людвиг — рядовой
Арндт Стейн — унтер-офицер + 05.06.1916
Бааде Эрнст Гюнтер – рядовой
Бирмейер Фриц – унтер-офицер + 11.10.1917
Билльман Вильгельм — фельдфебель + 01.03.1917
Бем Йозеф Иоахим — рядовой + 12.12.1914
Боймер Пауль — рядовой + 11.10.1918
Брандт Якоб – унтер-офицер
Капеле Эдуард фон – унтер-офицер
Цилль Курт – рядовой + 13.12.1914
Даманн Густав – рядовой
Данкльман Генрих – фельдфебель + 30.10.1918
Даубе Вильгельм – рядовой + 20.08.1915
Денкерт Вальтер – рядовой
Дирлевангер Оскар Пауль – унтер-офицер
Эберхардт Фридрих Георг – рядовой + 08.06.1916
Эйкен Арнольд – рядовой
Фангер Пауль – рядовой + 15.04.1918
Фауст Иоганн Георг – унтер-офицер
Фишер Херварт – рядовой + 14.08.1915
Фишер Пауль – рядовой
Фридеричи Эрих – фельдфебель

Габриель Карл – рядовой + 12.12.1914

Габриель Вольфганг – рядовой

Гонтерманн Генрих – рядовой + 30.10.1917

Гутманн Уго – рядовой + 22.06.1915

Хальм Ганс – рядовой + 14.12.1914

Хансен Кристиан – рядовой

Хартманн Эрих Альфред – унтер-офицер + 21.04.1918

Хартманн Людвиг Манфред – рядовой + 21.04.1918

Хаузер Вильгельм – рядовой

Хитцфельд Отто Максимилиан – фельдфебель

Иммельман Макс Франц – рядовой + 18.06.1916

Йодль Альфред Йозеф Фердинанд – унтер-офицер

Юнгер Эрнст – рядовой

Капитульский Эрнст — фельдфебель + 22.06.1916

Кениг Ойген – рядовой + 11.11.1918...

У Хольгера хватило сил добраться до рядового Ларса Маршалла, погибшего в бесконечном 1917-м, после этого он понял, что больше не может. Мозг отказывался воспринимать реальность. Самое важное он уже увидел – на следующей после Карла Габриеля строчке был Вольфганг Габриель и напротив его имени не стоял крест. Вюнш еще не понимал, что именно это им дает, кроме того факта, что младший брат служил в одной роте с Карлом, но все же был рад, что прошел через этот список не совсем напрасно. Он передал тетрадь Майеру и вновь закурил, но закашлялся и затушил

папиросу.

Франц пробежал список глазами за пару минут и отложил в сторону.

– Есть что-нибудь необычное после буквы «М»?

Хольгер постарался, чтобы его голос звучал ровно и спокойно, но предательская хрипота выдала его истинное настроение. Майер уже собирался задать очевидный вопрос, но поймал взгляд Вюнша и передумал. Вместо вопроса Франц дал ответ:

– Нет. Кроме Вольфганга Габриеля никаких совпадений с именами фигурантов дела. Есть пара непонятных мне вещей по списку в целом...

– Например?

– Почему так мало офицеров? Как мне кажется, для эффективных действий нужно большее количество офицеров, кроме того, где, например, медицинская служба или служба связи? Если каждый лейтенант командует взводом, то кто координирует артиллерию?

Сказывалось отсутствие у Майера военной подготовки.

– Все это находится в ведении полкового командования, а уж артиллерией и вовсе управляет командир дивизии, а обычная пехотная рота это несколько офицеров и простые бойцы... Что думаете по поводу Вольфганга Габриеля?

– Пока не ясно связано ли это как-нибудь с убийством, но найти Вольфганга необходимо.

– Это верно. Нашли что-нибудь интересное в деле Карла

Габриеля?

– Не знаю насколько это интересно, но вам не показалось странным, что его взяли на фронт с астмой?

– Я тоже обратил на это внимание. Скорее всего, он пошел добровольцем и смог убедить врача признать его годным.

Майер кивнул. Лицо его было задумчиво.

– Как вы полагаете, Франц, Карл Габриель и впрямь погиб двенадцатого декабря 1914-го?

– Думаю, да. Иначе, как и в случае с Шлиттенбауэром, слишком много сил и времени приложено к организации этой лжи и слишком много людей должно быть в нее вовлечено. Мне это не кажется вероятным.

– Согласен с вами. Но это означает, что теперь у нас остаются только братья Габриели.

На это Франц тоже молча кивнул.

После того, как в дело была занесена информация о Карле Габриеле, Хольгер отпустил Майера домой, попросив обращать внимание на газеты или радио – вдруг там прозвучит фамилия «Габриель». Особенных соображений по поводу местоположения Ульриха и Вольфганга у полицейских не было, а значит, нужно было пытаться извлечь информацию из всего, что только возможно. Самому Вюншу еще предстояло написать докладную для Калле. Он не повторил ошибку предыдущей недели и воспользовался печатной машинкой.

– Молодцы! У вас и так было немного подозреваемых, так вы их всех и исключили.

Калле прибывал в не самом лучшем настроении, поэтому почти не улыбался.

– Зато нашли новых...

– Ты про Ульриха и этого... второго... Вольфганга Габриелей?

– Да.

– Ты же понимаешь, что подозреваемыми они являются только потому, что никого другого у вас нет?

– В общем да, но не до конца. Например, Ульрих был свидетелем на процессе против Андреаса Грубера в 15-м году, а Фрау Мюлленбек видела Вольфганга, возможно, в 22-м весной.

Иберсбергер откинулся на спинку стула и подвигал головой из стороны в сторону, вызвав характерный хруст в шее.

– «Возможно в 22-м весной» – очень точные показания... Впрочем, я понимаю, что дело сложное, а вы и так продвинулись дальше чем Рейнгрубер. Скажи мне лучше вот что, Хольгер, сколько еще времени, как тебе кажется, потребуются на это дело?

– Трудно сказать. Скорее много, чем мало. А что, новые дела жмут?

– Не без этого. Хотя начальство по-прежнему настаивает, чтобы вы с Майером занимались только этим убийством. Я тебе одну вещь скажу, только ты это при себе держи – я твои докладные должен Гиммлеру лично сдавать, так он, когда прошлую прочел, сказал мне, чтобы я выделил вам столь-

ко времени сколько возможно. Уж не знаю, чем ему именно это убийство приглянулось, но пока вы как за каменной стеной. Только ты учти – я через неделю Майеру другое дело дам, а твое будет ему в довесок. Уж не обессуди, ловить действующую мразь тоже кому-то надо.

– Понимаю.

– Зигмунд, кстати, передает сердечный привет. Фон Штокк уже дает признательные показания. Разумеется, только по одному эпизоду, но все же. Молодцы, что помогли коллегам из Экономического отдела. Им фон Штокк поперек глотки сидел уже очень давно. Хорошо, что сориентировались и смогли воспользоваться ситуацией, а то могли и упустить такой шанс... Хотя рисковал ты, конечно, изрядно – мог все дело запороть. Да что с вас – счастливичиков – взять? Фон Штокк, кстати, тебя недобрый словом вспоминает, да все про то, что ты обещание какое-то не сдержал, говорит.

– Это тебе все Шигода рассказал?

– Ну, да. Обедали сегодня вместе, вот он и просветил, а про, ворвавшихся ураганом в Управление, Вюнша с Майером мне еще Пауль рассказал. Так что за обещание ты ему дал?

– Обещал, что для него все закончится без последствий, если он архивариуса сдаст.

– Обманул...

– А ты против?

– Нет, конечно.

Хольгер вышел из управления вместе с Хеленой. Он был очень благодарен ей за то, что этот вечер она решила провести рядом с ним. Прошедшая пятница далась ему тяжело.

Глава 31

«Гизелла»

«Гизелла» располагалась на Августинерштрассе и была одной из крупнейших пивных города. Всего в паре кварталов была Мариенплатц и хозяева заведения всячески подчеркивали, что в том числе и отсюда во время Пивного путча в 1923-м году нацисты отправились к центру города. Связь с политикой, а также вечная многолюдность в свое время отпугнули Хольгера от этого места. Национал-социалисты любили «Гизеллу», считая ее местом своей боевой славы, а потому часто устраивали здесь разнообразные мероприятия вроде митингов и награждений.

Количество людей со свастикой на плече превышало все разумные пределы, и Вюнш чувствовал себя белой вороной. Несмотря на уговоры Хелены, он не стал надевать свой Железный крест и пришел в своем самом что ни на есть гражданском виде, благо его гражданский вид всегда был весьма аккуратен.

Еще за два квартала до пивной Хольгер начал замечать следы грядущего события. Листовки и транспаранты, приглашавшие на митинг всех мюнхенцев и гостей города, были

по обеим сторонам улицы. Как не без ехидства отметил про себя Вюнш, приглашение подкреплялось обещанием дармового пива и сосисок «...от Партии!». «В чем никогда нельзя было отказать национал-социалистам – они знают, какими должны быть политические лозунги!» Хольгера всегда интересовало, откуда нацисты брали деньги на роскошные пиры, в которые частенько превращались их митинги и съезды?

В пивной яблоку негде было упасть от народа набившегося внутрь. Хольгер инстинктивно отступил, увидев такую толпу, но почувствовал, что Хелена чуть сильнее сжала его плечо, и смирился со своей судьбой. «В конце концов, она первый раз тебя о чем-то попросила!».

Вюншу попадались в толпе знакомые лица. Многие известные в городе, да и во всей Баварии люди собирались провести этот вечер в «Гизелле». Хелена уверенно пробиравась в толпе, практически таща Хольгера за собой. Они вышли почти прямо к импровизированной сцене и Хелена начала здороваться со своими знакомыми. Вюнш участвовал в разговорах, когда это было необходимо, не особенно вдаваясь в их суть и не стараясь запоминать лица и имена, мелькавшие перед ним.

– Добрый вечер, Фредерика.

– Добрый вечер, Хелена. Да ты, я вижу, не одна сегодня.

Познакомь нас с Марселем со своим кавалером.

– Разумеется, простите мою бестактность! Это оберкомиссар криминальной полиции Вюнш, он занимается рас-

следованием убийств. А это Фредерика Линдемманн со своим спутником господином Франком. Напомните-ка, господин Франк, чем вы занимаетесь?..

– Да, спасибо, что представила и нас тоже, Хелена...

Это был один из тех диалогов, которые великолепно умеют вести женщины испытывающие друг к другу острую неприязнь. Когда не было сказано ни одного грубого слова или оскорбления, но напряжение можно есть ложкой, а обмен ядовитыми шпильками в любой момент рискует перейти в драку.

Хольгер оценивающе посмотрел на капризное лицо Фредерики Линдемманн, а после на Марселя Франка. Тот был лет на двадцать старше своей подруги. Франк был в гражданской одежде, но на шее имел целого «Голубого Макса»⁵⁴, а на груди Железный крест. У него на рукаве тоже не было свастики, а сам он имел немного скучающий вид и, очевидно, оказался на этом мероприятии по той же причине, что и Вюнш. Кивнув друг другу, мужчины постарались развести своих спутниц подальше, не дожидаясь момента, когда их беседа перетечет в сферу сравнения модности обуви оппонента со своей.

– Как-же я ее не люблю! Вечно воображает о себе невесть что... «У меня есть мужчина! Мой Марсель так меня лю-

⁵⁴ Голубой Макс – неофициальное название ордена «Pour le Mérite» (фр. – «За заслуги»). Высшая военная награда Пруссии до конца Первой мировой войны. Обычно вручалась военачальникам и политическим деятелям по итогам войн. Для получения ордена «За заслуги» нижнему и среднему чину необходимо было продемонстрировать беспримерное мужество и героизм на поле боя.

бит!» У меня тоже есть мужчина!

– И ты не забыла привести и показать его...

Хольгер не испытывал злости или огорчения, скорее умиление: своей подростковой выходкой Хелена напомнила ему, насколько она все-таки юна.

– Нет, я вовсе не думала...

Наткнувшись на легкую улыбку Вюнша, она поняла, что ее коварный план раскрыт.

– Прости.

– Ничего страшного. Сказала бы сразу, я бы полицейскую форму надел.

– Издеваешься?

– Конечно, но ты это заслужила.

– Да, заслужила... Главное, не обижайся.

– Не буду.

Хелена провела его к их местам – Вюнш изрядно удивился, что в пивной были зарезервированные места – и они, наконец, успокоились. Хольгер не без удовлетворения отметил, что Франк и Фредерика Линдемманн сидели достаточно далеко. На часах было без пятнадцати шесть, а митинг должен был начаться через четверть часа. Вюнш посмотрел на вход в пивную и в очередной раз похвалил свою привычку приходить пораньше – в дверях образовался самый настоящий затор.

Хольгер от скуки водил глазами по людям в толпе. Они, наконец, начинали рассаживаться по местам. Взгляд Вюнша

упал на человека в черном гражданском костюме. Человеку было за пятьдесят, он был почти седым, но самой запоминающейся чертой его внешности был большой шрам от ожога, уродовавший правую половину лица и уходивший за воротник рубашки. Хольгер, не веря до конца в такое везение, даже привстал, чтобы увидеть руки этого человека. Ему удалось лишь на мгновение найти их взглядом в прорехе между разделявшими их людьми. На плече человека была свастика, а на руках перчатки. «Ни о чем не говорит. Он может быть кем угодно!» Внезапно в голову Вюнша пришла идея настолько простая и очевидная, что он мысленно дал себе подзатыльник за то, что не дошел до нее раньше.

– Хелена, ты, случаем, не знаешь, кто тот мужчина в черном костюме со шрамом на лице?

Хольгер постарался, не привлекая внимания, показать ей человека в черном. Хелена удивилась его вопросу, но ответила:

– Знаю. Это господин Ульрих Габриель. Он входит в мюнхенский Совет молодежных организаций НСДАП, курирует обеспечение ребят из Гитлерюгенда⁵⁵ униформой. Он пару раз выступал перед нами, призывая идти работать на государственные швейные фабрики. У него голос очень запоминающийся – сиплый и хриловатый. А почему ты спрашиваешь?

⁵⁵ Гитлерюгенд – молодежная организация НСДАП для мальчиков в возрасте с 14 до 18 лет.

Вюнш готов был расцеловать ее прямо здесь при всех, не только за то, что знала Ульриха Габриеля, но и за то, что решила похвастаться ухажером перед знакомой и вытащила его в «Гизеллу» именно сегодня. В который уже раз за время этого расследования Хольгеру удавалось экономить массу времени с помощью откровенного везения.

– Спрашиваю потому, что работа догнала меня. Я понимаю, что порчу тебе вечер, но ты посматривай на этого человека одним глазком, хорошо? Если он соберется уходить, сразу говори мне, я тоже буду за ним следить...

– Он что, преступник?

Хелена с опаской оглянулась на Габриеля.

– Нет, но мне очень нужно с ним поговорить.

– Почему ты не подойдешь сейчас?

– Уже шесть. Сейчас митинг начнется, не хочу привлекать внимание. Кроме того, я ведь обещал, что буду рядом с тобой сегодня, а разговор с ним может занять много времени.

– Хорошо, я послежу за ним.

– Спасибо, ты ангел!

– А ты повторяешься...

Хольгер планировал подойти к Габриелю после митинга и договориться о встрече. В принципе, делать это было не обязательно, так как теперь найти его не составляло особого труда. Но это сэкономило время, а кроме того, нервная реакция на неожиданное столкновение с полицией или активный отказ от встречи могли проявить суть Ульриха Габриеля

лучше, чем длительный и обстоятельный разговор.

На сцену вышел высокий и худой, как жердь, человек одного с Хольгером возраста. Он, как и Вюнш с Франком, был в гражданской одежде, но, в отличие от них, носил свастику на плече. Человек начал выступать. Он призывал бороться за все хорошее против всего плохого, говорил о величии и борьбе, о превосходстве и справедливости. Хольгер слушал в пол уха, посматривая то и дело на Ульриха Габриеля. После того, как человек закончил выступление, он вскинул правую руку и прокричал «Хайль Гитлер!». Практически все, кто был в зале, подскочили на ноги и повторили этот жест.

Хелена тоже встала и подняла руку. Хольгер постарался рассмотреть ее лицо в тот момент, когда она кричала «Хайль Гитлер!» и увидел на этом лице высочайшую степень одухотворенности и счастья. «Я тоже так выглядел в 14-м...» – Вюнш завидовал окружающим его людям. В их жизни было место чему-то, во что можно было слепо верить. Быть преданным без размышлений, без угрызений совести и сомнений. Это чувство, будто ты будешь жить вечно, будто ты всемогущ, стоит тебе лишь вскинуть руку и прокричать «Зиг Хайль!», было очень хорошо знакомо Хольгеру, пускай всегда и имело для него другое внешнее выражение. Именно оно стало первой жертвой, которую он принес Германии. Судьба милостиво оставила Вюншу руки и ноги, но лишила его возможности слепо, отчаянно верить во что-то, и сейчас он чувствовал это как никогда остро.

Началось награждение передовиков производства и партийной работы, а также принятие в партию новых членов. Совершенно внезапно для Хольгера прозвучало имя Хелены. Она вышла к трибуне, чтобы получить партийный билет и значок. Вюнш готов был поклясться, что видел в ее глазах слезы. За те две недели, что они были знакомы, он впервые видел ее настолько незащищенной. Хелена, нетвердо ступая, вернулась на свое место и буквально рухнула на стул. Через пару минут шок начал проходить и она уже придирчиво рассматривала свою фотографию в партийном билете.

– Как всегда! Никогда не могу получиться на фотографии нормально! Посмотри, разве это я? Это какая-то двенадцатилетняя школьница. А ведь это серьезный документ...

Хольгер взял у нее документ и внимательно его осмотрел. Он видел уже билеты НСДАП, но никогда не имел возможности посмотреть на них вблизи. Фотография, удостоившаяся нареканий Хелены, показалась Вюншу отличной. Она здорово передавала и резкие, пронзительные черты ее лица и столь же резкий характер девушки. Хольгер вернул ей билет и в очередной раз обернулся на Габриеля. Тот сидел на прежнем месте и внимательно следил за тем, что происходило у трибуны.

После того, как были награждены почетными значками за успехи в учебе мальчики и девочки из молодежных организаций, на трибуну вышел лысый, угрюмого вида мужчина лет сорока пяти. Он начал речь и страсть, с которой он говорил,

смогла привлечь даже внимание Вюнша:

– ...Они как зараза! Болезнь, терзающая нашу Родину! Коммунисты, предатели, а более всех – унтерменьши! Евреи, наложившие свои нечистые руки на богатства нашей страны. Я вижу здесь сегодня множество ветеранов – людей, отчаянно бившихся за Германию, получавших боевые награды и ордена. Я и сам такой, я – один из тех, кто готов был отдать жизнь за нашу Родину. И я спрашиваю у вас, мои боевые товарищи, разве забыли мы, как проклятые социал-демократы, коммунисты и евреи плели заговор против нас? Как они, отсиживаясь в тылу, точили нож, чтобы вонзить его нам в спину? Те, кто помнит ледяной ветер Фландрии в 1918-м году, не даст соврать – мундиры расползались по швам, винтовки клинило после десяти выстрелов, а виноваты в этом были они – коммунисты и евреи! Они и сейчас хотят уничтожить нас! Они и сейчас сидят в своих берлогах и вынашивают планы по порабощению всего мира своей черной воле! И лишь мы можем их остановить! Только у нас – у немцев – хватит сил бороться с коммунистическо-еврейской заразой надвигающейся на Европу!

Всего десять лет назад я был готов признать, что мы близки к поражению, что еврейство почти поглотило нашу Германию, но наш фюрер, наш любимый фюрер уже тогда говорил, что мы еще восстанем против них, мы еще покажем им, что мы их не боимся! Он сказал тогда, что мы – немцы и, что как бы ни были тяжелы кандалы угнетателей, мы всегда

их скидывали. Он сказал тогда, что мы все равно поднимемся с колен и скинем еврейско-коммунистическое ярмо с наших спин! Так говорил наш фюрер в самые темные дни нашего движения. И я пошел за ним, мы все пошли за ним, как один, и сейчас мы, наконец, можем построить Германию для немцев, свободную от иностранного влияния, независимую и могучую!

Но они мешают нам! Каждый день я слышу о том, что коммунистические боевики нападают на немецких патриотов, даже здесь, в Мюнхене или в Нюрнберге. Их снабжают деньгами и оружием их еврейские союзники. Но мы остановим их! Я, Юлиус Штрайхер, говорю вам, что как бы ни был труден и тернист этот путь, мы сможем победить всех наших врагов потому, что с нами Бог! Но только объединившись, только преодолев внутренние разногласия терзающие нас, мы сможем встать, вскинуть наши руки и сказать, что Германия пренадлежит нам! Сказать «Слава Гитлеру!» и «Слава Победе!» Зиг... Хайль! Зиг... Хайль! Зиг... Хайль!

Даже некоторая скомканность речи не помешала ей найти почти полную поддержку зала. Вместе со Штрайхером кричала Хелена, кричали мальчики из Гитлерюгенда, кричали Франк и Фредерика Линдемманн, даже Габриель кричал, а Хольгер молчал. В этот момент он видел лицо Михаэля Шварценбаума и думал о том, что Михаэль тоже мог бы крикнуть «Зиг Хайль!», только вскинуть правую руку у него не получилось бы – нечего было вскидывать.

Официальная часть закончилась, и в пивной началось брожение – те, кто пришел только на митинг, пытались выбраться из помещения, а те, кто собирался испробовать обещанное бесплатное пиво, наоборот, пытались зайти. Возникшей толчее Хольгер старался не потерять из виду Ульриха Габриеля. Тот сидел на прежнем месте и, казалось, ждал чего-то. Вюнш решил, что лучшего момента не будет, и, попросив Хелену подождать, начал пробираться в сторону Ульриха. Он подошел к Габриелю одновременно с юношей из Гитлерюгенда, которого Ульрих встретил с улыбкой, придававшей его изувеченному лицу жуткий вид.

– Я очень горжусь тобой, Хенрик!

Голос Габриеля действительно напоминал звук наждачной бумаги. Хольгеру уже доводилось сталкиваться с подобным. Многие ребята, у которых были обожжены дыхательные пути, приобретали хриплый надтреснутый голос. «Неудивительно, что Хелене он так хорошо запомнился...»

– Спасибо, отец. Я старался.

Вюнш, невольно услышав разговор Ульриха с юношей, присмотрелся к подростку внимательнее. Хенрику было лет пятнадцать, и он не походил на Габриеля ни фигурой, ни лицом. Хольгер мысленно вернулся к словам вдовы Мюлленбек, которая не упоминала о том, что у Ульриха есть сын. Кроме того, он не слышал, чтобы со сцены сегодня называли фамилию Габриель. Вюнш пришел к выводу, что Хенрик, скорее всего, был пасынком Ульриха.

– Здесь шумновато. Поехали домой, мама обещала приготовить утку. Только, пожалуйста, сделай вид, что ты этому удивился. Она просила меня тебе не говорить...

Хольгер подошел и вмешался в разговор, обратившись к Ульриху:

– Добрый вечер, прошу простить мою бестактность, но мне необходимо с вами переговорить.

– Добрый вечер. А вы, собственно, кто?

– Я из полиции, оберкомиссар Вюнш. А вы, Ульрих Габриель?

– Совершенно верно. А это мой сын, Хенрик. Чем могу помочь полиции?

– Я бы не хотел портить вам вечер разговорами о деле, которое я сейчас расследую. Не могли бы вы сообщить, где и когда мы можем встретиться и поговорить?

Ульрих задумался на мгновение и ответил:

– Это ждет до понедельника?

– Вполне.

– Тогда приходите на Бриеннерштрассе сорок пять, там штаб-квартира НСДАП. Я предупрежу дежурного, вас проведут ко мне.

– В какое время?

– С утра. Скажем, в девять часов. Вас устроит?

– Да.

– Мы сможем уложиться в один час?

Хольгер бы почти уверен, что одного часа не хватит.

– Нет.

– Могу я хотя бы узнать, по какому поводу вы хотите со мной встретиться? У меня какие-то проблемы?

– О, нет. Дело не в вас. Я хочу спросить вас о Хинтеркай-феке...

Слова Хольгера были неожиданностью для Ульриха. Он закрыл глаза и почти на минуту замолчал. Наконец, Габриель открыл глаза и произнес:

– Я понимаю, о чем вы. Но я ничем не смогу вам помочь, я даже уже не жил к тому времени в Лааге...

– Но вы их знали?

– Да, знал.

– Поэтому я и прошу вас о помощи. Нам нужны все, кто знал их и общался с ними.

– Хорошо, тогда в понедельник в девять утра я буду вас ждать и постараюсь ответить на ваши вопросы. А сейчас простите нас, мы опаздываем на ужин.

– Да, конечно! Это вы простите меня за беспокойство.

Хольгер поймал растерянный взгляд Хенрика, для которого произошедший разговор был совершенно непонятен, и, улыбнувшись ему, сказал:

– Поздравляю вас, молодой человек. Успех в учебе – первый шаг к успеху во взрослой жизни.

– Спасибо.

– Еще раз прошу простить меня за беспокойство. До свидания, господин Габриель, и вы, юный Хенрик.

– До свидания, оберкомиссар Вюнш.

Хольгер вернулся к Хелене. Почти все девушки уже ушли, и она сидела в одиночестве. Он сел рядом и позволил себе наклониться к самому ее уху:

– Прости, что пустил работу в этот вечер. Ты даже не представляешь, сколько времени ты сэкономила для полиции, вытащив меня сюда сегодня.

– То есть ты не дуешься?

– Нет, не дуюсь. Считай, что мы квиты.

– Хорошо. Тебе не кажется, что здесь слишком многолюдно?

– Кажется, и я как раз собирался тебе об этом сказать. В «Охотника»? У меня хорошее предчувствие насчет сегодняшних шахмат.

– Ты с утра то же самое говорил...

– И у меня еще – Хольгер посмотрел на часы – четыре с половиной часа, чтобы оказаться правым.

Глава 32

Рождение чудищ

Минуты текли одна за другой. Глаза болели от пристального всматривания в туман. Французов все не было видно. Лишь раз разнеслись с той стороны крики, быстро съеденные туманом. Хольгер почувствовал, что упадет от усталости если не найдет опоры. Он лег животом на разбитую стену око-

па и, даже, смог задремать на несколько минут.

– Господин лейтенант! Вестовой!

– А? Что? Их или наш?

– Да просыпайтесь же, господин лейтенант Вюнш! Наш!

– Что же ты так кричишь, Розенберг?!

– Я вас уже две минуты пытаюсь разбудить, уже решил, что вы ранены...

Хольгер с трудом встал, оправил свою испачканную форму и посмотрел в ту сторону, куда показывал рукой Розенберг. Вюнш успел обратить внимание, что винтовка Розенберга была приставлена к стенке бруствера, а не находилась в его руках. «Надо будет сделать ему замечание, но не при курьере из штаба полка». Теперь Хольгер уже хорошо мог рассмотреть направлявшегося к ним человека. «Да нагнись же ты, дурак! Окопы специально придумали, чтобы такие, как ты, мишенями для снайперов не становились». Боец шел не таясь, будто гулял по Потсдамерплатц⁵⁶, а не пробирался через простреливаемое со всех сторон поле, затерянное где-то на франко-бельгийской границе. Хольгер прекрасно видел, что это свой, но не смог удержаться от того чтобы сбить со штабного спесь.

– Стой! Пароль или буду стрелять!

– Голубика! Это свои!

– Клен. Спускайся в окоп, пока тебя какой-нибудь глазастый француз не шлепнул!

⁵⁶ Потсдамерплатц – одна из центральных площадей Берлина.

Когда вестовой спустился в траншею, брови Вюнша удивленно поползли вверх – от солдата несло алкоголем, и не просто несло, а по-настоящему разило, а сам он достаточно заметно пошатывался.

– Лейтенант Вюнш.

– Унтер-офицер Круспе.

– Почему вы пьяны?

Хольгер был старше по званию, поэтому позволил себе сразу спросить, по какой причине боец решил довести себя до непотребного состояния еще до полудня?

– Я не пьян, лейтенант Вюнш, просто не выспался... А почему вас так мало?

Зиберт опередил Хольгера на доли секунды и Круспе согнулся от тяжелого удара в живот.

– Ах ты, штабная крыса! Почему нас так мало?! Почему нас так мало?! Ублюдок! Сволочь! Мы больше суток здесь без жратвы, без патронов, без подкрепления, а ты, мразь, приходишь с бодуна и спрашиваешь, почему нас так мало?!

Долль и Розенберг попытались оттащить его, но только когда на помощь им пришел Хольгер и один из ребят из штурмового отряда, это удалось сделать. Долль увел Зиберта подальше, а Розенберг попытался поднять Круспе на ноги.

– Извольте докладывать по форме, унтер-офицер!

Хольгер решил сделать вид, что никакого инцидента не было. Круспе сам был виноват, и то, что Зиберт его не бил, Вюнш подтвердил бы перед любым судом.

– Докладываю, господин лейтенант Вюнш. Сегодня, одиннадцатого ноября в пять утра подписано перемирие, оно вступает в силу в одиннадцать часов утра этого дня. Мы выходим из Франции и Бельгии. Война законч...

Круспе, не договорив, согнулся, и его вырвало прямо на собственные сапоги. Время остановилось. Хольгер поднес руку к лицу и увидел, что корпус его часов треснул, а стрелки встали.

– Розенберг.

Ответа не последовало, а Вюнш едва узнал свой голос.

– Рядовой Розенберг!

– Да, господин лейтенант Вюнш.

– Сколько времени?

– 10:30 утра, господин лейтенант Вюнш...

«Больше пяти часов...» Земля завертелась под ногами, он привалился к стене окопа, чтобы не упасть. «Пятнадцать моих парней, еще одиннадцать из штурмовой роты – сколько это будет? Двадцать шесть человек за эту ночь...»

– Это что, французам тоже не сказали, что Война кончилась?

– Да, Эрлих. Помнишь, они кричали что-то полчаса назад? Наверное, радовались...

– Эй, Каче! Ты что делаешь?! Нет, не вздумай!

Хольгер повернул ставшую неимоверно тяжелой голову в сторону возникшего шума. Тот самый боец штурмовой группы, который с безумным взглядом ждал французскую атаку,

вырывался из рук пяти человек, пытаясь вылезти из окопа в ту сторону, где были вражеские позиции. Он ничего не говорил, только рычал и выл подобно зверю.

– Да помогите! Он же контуженный!

Вой и рык перешел в плач. Боец катался по земле в истерике. В его руках все еще были зажаты револьвер и траншейный шестопер – страшная игрушка из детских книжек, получившая новую жизнь в тесных окопах.

– Круспе! Слышишь меня, Круспе?!

– Да... господин лейтенант.

Унтер-офицер все еще приходил в себя после удара Зиберта.

– У тебя с собой есть?

– Что, есть?

– Что угодно, что поджечь можно... Пойло, которым вы ночью надрались вместо того, чтобы послать к нам вестового...

– До вас было не добраться, вы оказались оторваны от полка, а французы либо не знали о перемирии, либо решили, что до одиннадцати часов Война продолжается.

– Это уже не важно... Так что там с выпивкой?

– Простите, господин лейтенант, не взял.

– Даже выпивку не взял...

Было четыре часа утра. Голова нещадно болела. Хольгер открыл настежь окно и закурил. Сон о конце Войны оставил тяжелый осадок на душе и принес боль, которую в этот раз

не разрушила своим вмешательством Хелена. Вчера вечером она уехала к себе домой. «А что, если ее на самом деле не существует, и я понемногу схожу с ума? Это бы объяснило, почему после двухнедельного знакомства я так привязан к ней и почему начинаю бояться засыпать в одиночестве. А еще это объяснило бы ее лояльность к демонам в моей голове и, даже, любовь к шахматам... Представь, что это именно так, ты бы хотел узнать, что ее не существует, а ты просто сошел с ума?» – Вюнш выпил два стакана холодной воды подряд, еще раз закурил и лишь после этого ответил на вопрос внутреннего голоса: «Нет. Она существует потому, что я видел, как с ней разговаривают другие люди. Харрер и Фредерика Линдемманн общались с ней в моем присутствии, а значит, она не является порождением моего воображения». Внутренний скептик победил и Хольгер немного успокоился. Только теперь он обратил внимание, что отчаянно потеет, стоя при этом перед открытым окном. «Да, вот чего мне сейчас не хватает, так это слезь с лихорадкой...» Вюнш закрыл окно и забрался под одеяло. Его начинал бить озноб.

Попытки уснуть оказались тщетны. Хольгер промучался полчаса, а после этого решил прибегнуть к лучшему снотворному средству, которое было у него дома. Он достал из прикроватной тумбы небольшой том, содержащий одну из самых странных вещей, которые Вюнш когда-либо встречал.

На простом сером переплете была отгиснена и окрашена красным рамка. В рамке той же красной краской было на-

писано: «Франц Кафка», а ниже: «Замок». Хольгер купил ее года четыре назад в одном из книжных магазинчиков рядом с домом. Роман был написан неинтересно, бессодержательно и слишком неопределенно, но удивительным образом цеплял за душу и не отпустил, пока Вюнш не дочитал до конца. Каково же было его разочарование, когда повествование в романе просто оборвалось без всякой кульминации и завершения. Хольгер решил поначалу, что это только первый том, однако разговор с хозяином книжной лавки разрушил его надежды узнать окончание истории господина К. Вместо этого хозяин лавки рассказал Вюншу печальную историю о молодом пражском страховщике писавшем в свободное от работы время книги, которые он обычно бросал, не закончив. Здоровье подвело страховщика. Он умер от туберкулеза в сорок лет и так и не успел закончить ни один из своих романов.

Хольгер скупил всего Кафку, которого смог найти, и просиживал целые вечера после работы за этими книгами. Не в последнюю очередь его интерес был вызван тем, что после Кафки сон Вюнша был ровен, глубокий и, самое главное, совершенно не содержал сновидений. В особенно тяжелые периоды, когда кошмары грызли его едва ли не еженощно, Хольгер до сих пор прибегал к этому средству. Он открыл книгу, и строки побежали перед его взглядом: «Был поздний вечер, когда К. добрался до места. Деревня тонула в снегу. Ни горы, ни Замка не было видно, мрак и туман окутывали

гору, и в этой крошечной мгле...»

Через пятнадцать минут Хольгер отложил книгу и закрыл глаза. Он собирался, как следует, насладиться последними двумя часами выходных. Перед тем как окончательно провалиться в сон, Вюнш успел подумать, что эта ночь прошла все же не зря – он наконец-то вспомнил, где видел такие же крестообразные раны, как у Груберов. Образ траншейного шестопера с чередующимися широкими острыми гранями и гранями с крестообразными шипами был последним, который он увидел перед сном.

Глава 33

Брат

Дом №45 по Бриеннерштрассе был штаб-квартирой НСДАП всего три года, но уже успел получить в народе прозвище «Коричневый дом». Несмотря на успех нацистов на последних выборах и на то, что почти все лидеры партии перебрались в Берлин, Коричневый дом не пустовал. Штаб-квартира партии оставалась в Мюнхене – городе, где началась НСДАП и где она предприняла первую попытку получить власть. По мнению Хольгера, здание было откровенно небольшим для вмещения всего партийного аппарата. Впрочем, большая часть партийного аппарата располагалась все же не здесь, а в Берлине. А низовые службы и вовсе были рассеяны тут и там по стране.

Было без пятнадцати девять и Франц с Хольгером дожидались нужного часа в салоне авто, не желая лишний раз баламутить сонное царство, которое представляло из себя в это время дня главное здание правящей партии страны.

– Почему здесь так безлюдно?

Майер задал очевидный, при взгляде на Коричневый дом, вопрос.

– Утро, понедельник, выборы только недавно прошли, да и все руководство теперь в Берлине. Здесь остались только баварские партийные органы да несколько внутрипартийных организаций.

Франц кивнул, а затем спросил:

– Вы что, просто увидели его на митинге? Не следили специально, а просто столкнулись с ним?

– Именно так. Знаете, как меня прозывают в Управлении, Франц?

– Да, знаю, Счастливым. Это за подобные случайности вы получили такое прозвище?

– Не совсем, но и за них тоже. Нам пора.

Они вошли в завешанный флагами со свастикой холл. На полу свастика была выложена из плитки. «А то я уже начал беспокоится, не ошиблись ли мы адресом...» – о принадлежности этого здания нацистской партии говорили лишь ее эмблема, висящая на фасаде, да табличка перед входной дверью. Никаких, ставших уже привычными, флагов и штандартов – просто и со вкусом. За стойкой приемной сидела жен-

щина, одетая в строгий серый китель и со свастикой на плече.

– Доброе утро, фрау. Мы из полиции. Оберкомиссар Вюнш и комиссар Майер. Нам назначена встреча с господином Габриелем.

Ей на вид не было и тридцати, но Хольгер просто не смог обратиться к столь представительной выглядевшей чиновнице «фройляйн».

– Доброе утро, господа. Да, он меня предупредил. Вас интересует сорок второй кабинет. Это на третьем этаже направо. Найдете сами?

– Да, конечно, фрау. Благодарю.

Пока они поднимались по лестнице, Вюнш обратил внимание, что в коридоре каждого этажа висит большой портрет Гитлера. «А он и среди сопартийцев насаждает культ своей личности...» – Хольгер понимал, зачем это делалось на улице и в общественных учреждениях, но здесь это его удивляло.

Полицейские остановились перед дверью с номером 42. Вюнш постучал и, дождавшись разрешения, прошел в просторный кабинет. Майер не отставал.

– Доброе утро, оберкомиссар Вюнш и...?

– Комиссар Майер.

– Доброе утро, господин Габриель.

Хольгер обвел взглядом кабинет, стараясь зацепить как можно больше деталей, которые могли бы охарактеризовать

личность хозяина. Помимо ожидаемого портрета Гитлера ему в глаза бросилась некоторая неаккуратность в книжном шкафу да, изрядно позабавившее Вюнша, пресс-папье в виде бюста все того же Гитлера.

– Присаживайтесь, господа.

Ульрих Габриель встал из-за стола, но руку пожимать, ни Вюншу, ни Майеру не стал. Хольгер обратил внимание на то, что правая рука Ульриха, в отличие от левой, была в перчатке.

– Правильно ли я вас понял в субботу, оберкомиссар Вюнш, вы хотите спросить меня об убийстве Груберов?

– Да, и об этом тоже.

– Признаться, я действительно не понимаю, чем могу вам помочь.

– Вы не будете против, если мы просто будем задавать вопросы с коллегой? Некоторые из них покажутся вам не имеющими отношения к убийству, но поверьте, нам важна любая информация.

– Хорошо, спрашивайте. Я налью себе воды, мне трудно подолгу разговаривать, поэтому я часто смачиваю горло. Вы позволите?

Габриель подошел к графину с водой и взял его левой рукой. Хольгер еще в субботу обратил внимание, что Ульрих на полголовы ниже него. Учтывая, что Вюнш был достаточно высоким, это означало, что Габриель имел рост в пределах среднего. Также Хольгер обратил внимание на тяжелую по-

ходку Ульриха. «Если верить фрау Мюлленбек, он родился в 84-м, значит сейчас ему... сорок восемь или сорок девять, а шаркает как старик...» Габриель вернулся за стол и жестом показал, что готов говорить.

– Откуда вы знали Груберов?

– Их многие знали. Они были достаточно зажиточны, а Андреас славился дурным характером. Лично я тесно общался только с Викторией.

– При каких обстоятельствах?

– Мы познакомились еще, когда были детьми. Я старше был, наверное, года на три-четыре. Дайте-ка вспомнить... Получается, если мне было четырнадцать, то ей десять или одиннадцать лет. Помню, это было на каком-то фестивале в Кайфеке. Она уже тогда была красивой, а может быть, мне просто было четырнадцать, и я был готов влюбляться в кого угодно...

Габриель закашлялся и отпил воды. Хольгер воспользовался паузой, чтобы достать папиросу.

– Я попросил бы вас не курить. Я очень плохо реагирую на дым.

– Хорошо.

«Придется без курева...» – несмотря на досаду Вюнш убрал папиросу обратно в пачку.

– Так вот, мы иногда виделись с Викторией в Кайфеке. Я тогда подрабатывал помощником почтальона и объездил все окрестности на велосипеде, хотя к ним почту никогда не за-

возил. Вы ничего такого не подумайте – мы просто общались с ней иногда. Она вообще была открытой в то время, часто гуляла, легко заводила друзей.

Майер сделал свой фирменный укол:

– У нее не произошло резкой перемены в поведении лет в шестнадцать?

Габриель замолчал и закрыл глаза, шрам на лице покраснел. Очевидно, выпад Франца задел самое сердце.

– Произошла... Я видел у нее синяки на запястьях и на лице еще лет с тринадцати. Я имею в виду, с ее тринадцати лет. Я не был наивен и примерно понимал, что происходит, уговаривал ее рассказать, но она все отнекивалась, придумывала отговорки... Да вам по роду службы наверняка приходилось слышать от женщин, что синяки появились от падения с лестницы или от еще какой-нибудь чуши.

А в шестнадцать синяки ни с того ни с сего перестали появляться... Сама Виктория стала спокойной до полного равнодушия. Стала меньше гулять в компании. Тогда мне было двадцать, в голове у меня были уже другие интересы. Знаете, как это бывает? Еще вчера ты сам шатался до поздней ночи по окрестным полям с друзьями, а сегодня смотришь на такие компании свысока...

Ульриха прервал очередной приступ кашля. Прокашлявшись, он попросил небольшой перерыв и заговорил снова только через пару минут:

– Тогда с ней больше общался мой брат Карл. Я думаю,

что он уже в те годы был в нее влюблен. Он рассказывал, что она увлеклась сбором трав и хочет стать аптекарем. Я тогда еще посмеялся: женщина-фармаколог... Сейчас-то я понимаю, что у нее вполне могло получиться – в семнадцать лет она сделала для Карла отвар, который он пил во время приступов. У него астма была. Карл вообще был болезненным с рождения. Мы его с трудом выносили. Так вот: он этот ее отвар выпьет и ему сразу легче становится.

Насколько я знаю, через пару лет Виктория уже только с моими братьями общалась близко. Я уехал в Ингольштадт работать в пивоварне. Тогда же женился. Детей только никак не удавалось... В общем, уехал я из Лаага и Виктория из моей жизни надолго исчезла.

Про то, что там тогда происходило вам лучше у моего брата Вольфганга спросить.

– А вы знаете, где его найти?

– Конечно. Он в Нюрнберге живет, на Адлерштрассе восемь. Карл за Вольфгангом с раннего детства приглядывал. Тот часто за ним бегал, а значит и с Викторией общался.

– Когда отношения вашего брата Карла с Викторией переросли в романтические?

– Не могу точно сказать. Как я уже говорил, он лет с шестнадцати был ее единственным близким другом. Они примерно одного возраста были, Виктория чуть старше, может, на год. Вдвоем они провели очень много времени, но в какой момент все началось, я не знаю.

– Вы не возвращались в Лааг до Войны?

– Вернулся в 12-м году после расставания с первой женой.

– После возвращения вы с Викторией или с кем-то из ее родителей не общались?

– С Викторией общался. Тогда я и узнал, что Андреас ее насилует...

– Как это произошло?

– Карл рассказал. Он рассказал, что уже несколько раз звал Викторию замуж. Карл решил по отцовским стопам пойти – чучела делал. У отца имя громкое в этом деле было, а у Карла руки откуда надо росли, так что будущее у него было. Виктория долго отказывалась от его предложения. В итоге призналась Карлу, а после этого дерьмо всякое... простите... чепуху всякую про то, что она сама во всем виновата, начала рассказывать.

Вы бы видели лицо Карла, когда он мне об этом говорил. Я его в таком бешенстве не видел никогда. Он всегда спокойный был, а тут... Не могу представить, каково ему было. Карл ведь общался с Андреасом, вынужден был разговаривать с ним, вести себя вежливо, и с матерью Виктории тоже. Я не уверен, что смог бы такое выдержать – мило улыбаться насильнику любимой женщины. Признаться, я очень хотел заставить Андреаса заплатить за все, что он с ней сделал. Убеждал Карла сообщить в полицию, но он сказал, что Виктория будет все отрицать, а прямых доказательств не было. Помню, он умолял меня никому не говорить, убеждал, что

все кончится, когда они поженятся. А я, дурак, согласился...

– Но в итоге они все-же поженились.

– Да, Виктория согласилась. По окрестным деревням уже тогда ходили слухи, не знаю, кто их распускал, о том, что происходит в доме Груберов, поэтому мама сразу сказала «нет». Отец всегда был мягче, поэтому свое благословение дал и маму смог убедить. Свадьбу сыграли, не скрываясь, но и без шума. Я был шафером.

– Почему Карл переехал в Хинтеркайфек, а не забрал Викторию оттуда?

Ульрих налил полный стакан воды и выпил, потом подумал, налил еще один и выпил его тоже. По его лицу ходили багровые пятна – эмоции двадцатилетней давности до сих пор перехлестывали через край.

– Потому что она не захотела!

Он почти выкрикнул эти слова, которые перешли в очередной приступ кашля. На этот раз Габриель приходил в себя почти пять минут. Хольгер даже начал беспокоиться, но Ульрих жестом показал, что все нормально.

– Я не знаю, что именно произошло. Может быть, Андреас запретил ей, может быть, ее мать, но в итоге Виктория сказала, что либо Карл едет на ферму с ней, либо она вернется туда одна. Возможно, она думала, что если в доме будет ее муж, Андреас не станет... Но зачем вообще было возвращаться на эту проклятую ферму?! Мы готовы были ее принять, даже мама!

– Что было дальше?

– Карл выдержал в Хинтеркайфеке около месяца, точно не помню, а после этого вернулся в Лааг.

– Он говорил о причинах отъезда?

– Нет. Он вообще не говорил на эту тему. Случившееся морально убило его – он мог часами сидеть и молча смотреть на стену, мог начать пить ни с того ни с сего и не останавливался пока не падал без памяти. И родители, и мы с Вольфгангом пытались поговорить с ним, как-то помочь ему, но как только речь заходила о Виктории, он уходил от разговора. А потом началась Война...

Установилась тишина, которую нарушил Майер:

– Почему Карл попал на фронт? Он не был годен.

– Да, не был. Он пошел добровольцем. Я не знаю, как у Карла получилось пройти медкомиссию, может быть, он подкупил доктора, а может быть смог его убедить. Оберкомиссар Вюнш, вы, наверное, помните, какое возбуждение тогда царило, как все были уверены, что Война закончится к Рождеству, причем непременно в нашу пользу?

Хольгер кивнул. Он хорошо это помнил.

– Карл записался добровольцем, а вместе с ним записался Вольфганг. Я, признаюсь, был никудышным братом, а вот они вдвоем были очень близки. Вольфганг больше всех переживал за Карла, наверное, так же сильно, как и мать. Знаете, как это иногда бывает – старший заботится и приглядывает за младшим, а потом, наоборот, младший опекает стар-

шего. Только Вольфганг уберечь Карла не смог... А я попал под мобилизацию на Восточный фронт.

Я узнал, что Карл погиб, когда сам в госпитале лежал после ранения. Горящей балкой придавило, если бы однополчанин меня послушал и оставил, я бы там заживо... к счастью, он не послушал. Я так у него на горбу и отрубился, потом в себя прихожу в госпитале – половина тела огнем горит, трех пальцев на правой руке нет и дышать могу только с трудом. В общем, комиссовали меня. Возвращаюсь домой, а отец только неделю как мать похоронил. И сам он в ту же ночь...

– Простите, что заставляем вас вспоминать об этом.

– Нет, вы знаете, я вам даже благодарен. Я никому, даже своей супруге, все это не рассказывал, по крайней мере, все за раз.

– Вы поддерживали переписку с Вольфгангом?

– Да, поддерживал. От него узнал, что Карл погиб сразу, не мучился. Он от меня узнал о смерти отца. Его ранило на Войне дважды – в первый раз в 15-м лицо осколком задело, на том же месте, что и у вас, оберкомиссар Вюнш, только глубже. А во второй раз в 17-м в ногу, он с тех пор прихрамывает немного на правую ногу.

– После возвращения вы встречали Викторию?

– Да, один раз. В 15-м году она призналась отцу Хаасу – это священник из Кайфека – что Андреас ее насилует. Хаас смелее меня оказался – решил, что тайна исповеди не долж-

на позволять такой мрази как Андреас остаться безнаказанной. Полицейские искали свидетелей, которые могли бы подтвердить слова отца Хааса – Виктория-то, разумеется, отказалась обвинять Андреаса – и я согласился выступить на суде. Я знал, что у Виктории родилась дочка от Карла, моя племянница... Но, признаюсь, тогда я не думал о ней, мне хотелось чтобы Андреас заплатил за то, что сломал жизнь Виктории, а она из-за этого привела моего брата к гибели.

– Вы считаете, что он пошел на Войну из-за нее?

– Да, считаю. Карл знал о своих проблемах с равновесием, знал о своей астме – он отправился на фронт не за Германию и не чтобы снискать себе славу. Он просто искал смерти. И Виктория была единственной причиной, по которой мой брат захотел бы умереть.

– Андреаса осудили. Что было дальше?

– Не знаю, я больше не следил за жизнью Виктории. Я был тогда не в лучшей форме. Тяжелые боли и большое хозяйство привели меня к зависимости от морфина. Не подумайте, что я оправдываюсь, просто сначала ты принимаешь его потому, что боль рвет тебя на части, потом, чтобы спать без кошмаров, а после, потому, что не можешь не принимать.

Я слышал, что Андреаса арестовывали зимой 20-го года за инцест, так как у Виктории родился сын, но Лоренц Шлиттенбауэр – уважаемый в Кайфеке человек – признал, что это его сын, и Андреаса отпустили. Правда, как я понял потом, когда читал об убийстве в газетах, Виктория поступила с

Шлиттенбауэром так же как и с Карлом...

– А когда Вольфганг вернулся с Войны?

– В 1922-м. Он сражался в Балтийском ландесвере. Потом, когда ландесвер сдался, он остался в Литве военным специалистом. Но это вам лучше у него спросить, я плохо знаю этот период жизни Вольфганга. У нас тогда оборвалась связь, и мы смогли найти друг друга только в 22-м году.

В разговор вновь вступил Франц:

– То есть он не был в Лааге с 1914-го года?

– Да. А если и был, то не дал о себе знать. Дело в том, что я тогда уже не жил в Лааге. К весне 20-го года я бывал в родном доме от силы раз в два месяца. Просто проверял, все ли в порядке.

– А почему вы уехали оттуда?

– Как я уже говорил, мне было тяжело справляться с хозяйством в одиночку. Кроме того, я встретил женщину – Марину Ламбергер. Ее супруг погиб в 16-м году, а уже после его смерти она родила Хенрика. Вы его видели в субботу, оберкомиссар Вюнш. Мы познакомились в Мюнхене, когда я приехал разбираться с очередной задержкой пенсии. Ей нужен был отец для ее сына, а мне нужен был хоть кто-нибудь. Мы начали встречаться и, в конце концов, я перебрался в Мюнхен и женился на ней.

Слова фрау Мюлленбек полностью подтверждались, но Хольгер все-же решил уточнить:

– А что произошло весной 20-го года?

– Наш дом в Лааге сгорел.

– Из-за чего?

– Не знаю. Поговаривали о каких-то поджигателях, но точно ничего установить не получилось, да никто и не пытался особенно. Я, конечно, был опечален гибелью дома, в котором прошла большая часть моей жизни, но повторяюсь, я там практически не бывал к тому времени...

На этот раз Ульриху удалось подавить приступ кашля, вовремя выпив воды.

– Постарайтесь вспомнить, когда конкретно вы смогли найти Вольфганга?

– На самом деле это он меня нашел. Это было весной, точнее, в середине весны 22-го года. Кстати, да, вы правы, он перед этим побывал в Лааге, потому, что сразу же спросил у меня о том, что случилось с домом. Мой брат очень неохотно рассказывает о том, что происходило с ним с 1918-го по 1922-й. По большому счету, я рассказал вам все, что знаю об этом периоде его жизни.

Франц вновь взял слово:

– Ваш брат сильно изменился с вашей последней встречи?

– Молодой человек, в вас когда-нибудь стреляли?

Майер отрицательно помотал головой.

– Тогда спросите у своего коллеги. Я по его глазам вижу, что он был там, что он тоже через это прошел. Когда в тебя стреляют, когда ты видишь смерть вокруг, это не оставляет тебя прежним. Я видел брата, когда ему было девятнадцать, а

потом сразу двадцать семь. Конечно, он изменился. Я помню его непоседливым сорванцом везде бегавшим за Карлом. Я помню, как он вырос в улыбчивого парня. Он был красивым и умным, хотя порой позволял ветру гулять в голове.

В 22-м году я встретил неразговорчивого отстраненного мужчину со шрамом на пол лица и сединой в волосах. Вы представляете, каково это – увидеть своего двадцатисемилетнего младшего брата седым?

Франц ответил вслух:

– Нет, не представляю.

– И это очень хорошо, что не представляете, никому не пожелаю такого... Я впервые разговорить-то его толком смог через пару лет только, до этого он просто замолкал, когда я спрашивал его о прошлом. Сейчас у него все неплохо. Он вступил в Штурмовые отряды, борется за дело нашего фюрера, но он по прежнему один и я за последние одиннадцать лет ни разу не видел, чтобы он смеялся.

Ульрих встал и подошел к окну, заложив руки за спину. Полицейским нужно было прояснить еще одно обстоятельство, поэтому Хольгер спросил:

– А как вы узнали об убийстве?

– Как и все, прочитал в газетах. Сначала были просто сообщения о «Резне в Хинтеркайфеке», потом появилась передовица с зарисовкой фермы и именами жертв...

Ульрих Габриель замолчал, а после этого отвернулся от окна и посмотрел в глаза поочередно Хольгеру и Майеру. Ко-

гда Габриель заговорил, его хриплый голос звучал зловеще:
– Я понимаю, зачем вы здесь. Я понимаю, что вы не можете не считать меня подозреваемым. Я хорошо знал одну из жертв и имел мотив. И вы правы: я бы с превеликим удовольствием убил Андреаса и его жену. Я презираю этих людей всем сердцем и не испытываю к ним жалости – они косвенно повинны в гибели родного мне человека и напрямую в извращении человека, которого я некогда считал другом. Если бы речь шла только об их убийстве, а мне было бы известно имя преступника, то я бы без зазрения совести наплел вам чуши, пытаюсь выгородить его. Однако я никогда бы не тронул Викторию. Несмотря ни на что именно она была самой пострадавшей во всем этом, пусть и считала саму себя виноватой. И уж тем более я бы не причинил вред своей племяннице и тому малышу.

Я знаю, что после разговора со мной вы направитесь к Вольфгангу. И я готов сказать за него как за себя – он не посмел-бы причинить вред вдове Карла и ее детям. Да, он появился в Мюнхене примерно в то время, когда произошло убийство, но он был настолько ослабшим и выхолощенным, что почти падал с ног и хотел лишь отдыха, а вовсе не мести за какие-то давние обиды. Я понимаю, что мои слова не отменяют ваших подозрений, просто хочу обозначить свою позицию.

Сказав это, Габриель уставился в окно, будто увидел в нем что-то интересное. На этот раз тишину нарушил Хольгер:

– Спасибо за откровенность, господин Габриель. Постарайтесь вспомнить, ваш брат упоминал когда-нибудь, что служил в штурмовой группе?

Вюнш не без некоторого ехидства отметил, что его вопрос вызвал у Майера неподдельное изумление.

– Нет, не припоминаю. Как я уже сказал, он очень неохотно говорит о Войне.

– Может быть, в письме с фронта?

– Не помню, возможно, что-то и было, но мимоходом. Он точно не уделял этому повышенного внимания в письме. Я прекрасно понимал, что в письмах из дома он не хотел-бы читать о Войне, и мы почти о ней не говорили. В основном мы просто делились самочувствием, новостями да вспоминали какие-то моменты из мирной жизни.

«Если и служил, то брату не распространялся...» – насчет того, что сам Ульрих служить в штурмовой группе не мог, Хольгер был уверен. Они были созданы только в 1916-м. Тогда же появились и серийные траншейные дубинки. Самоделки, правда, использовали и раньше. «Так или иначе, к этому времени Ульрих Габриель уже был дома. И все равно не факт, что это не он...»

– Господин Габриель, раз уж вы понимаете, что мы считаем вас подозреваемым, значит должны понимать, что мы не можем не спросить о вашем алиби...

– Понимаю. Так, давайте подумать, речь идет об апреле 22-го...

– С тридцать первого марта по четвертое апреля, если быть точнее.

Ульрих Габриель вернулся на рабочее место и немигающим взглядом уставился в лакированную поверхность стола. Хольгер молчал, не отвлекая его от воспоминаний. Майер следовал примеру старшего коллеги.

– Да, я вспомнил, более того, я даже знаю, как его подтвердить! Второго апреля 1922-го года вечером я был в «Придворной пивоварне». Я помню это потому, что в тот день мне довелось поговорить с нашим фюрером!

Есть лишь одно сомнение: второго или седьмого апреля это произошло? Но велась фотосъемка, так что мы сможем легко и быстро выяснить точную дату.

– Вы храните фотографии с того вечера?

– К сожалению, нет, но они наверняка хранятся в нашем архиве. Нужно лишь спуститься туда и запросить их.

«И потратить несколько часов на ожидание» – добавил про себя Хольгер.

– Нас пропустят в ваш архив?

– Прямо в него, разумеется, нет, но запросить эти фотографии для ознакомления вы можете.

Полицейские спустились на первый этаж вслед за Габриелем, прошли мимо дежурной в сером и направились в правое крыло здания.

– А вы что, весь архив партии храните в этом здании?

– Нет, для этого оно слишком мало. Здесь только докумен-

ты за 1920-й – 1925-й годы. Есть еще одно здание на Шеллингштрассе, там хранится большая часть архива. Я точно не уверен, все же это не моя сфера деятельности, но вроде бы скоро для архива оборудуют отдельное здание неподалеку отсюда.

Даже в помещении архива нашлось место свастике и портрету Гитлера. Заспанный человек в гражданской одежде читал газету и не отложил ее до тех пор, пока к нему не обратились:

– Доброе утро, господин Кляйстерс.

– Доброе утро, господин Габриель. Вы по мою душу?

– Да, но только не я, а эти двое господ.

Господин Кляйстерс посмотрел на полицейских так, будто только что их увидел. Хольгер решил взять разговор на себя:

– Доброе утро, господин Кляйстерс. Мы из полиции. Я, оберкомиссар Вюнш.

– Комиссар Майер.

– Нам нужны фотографии, сделанные в «Придворной пивоварне» второго апреля 1922-го года.

– С какой целью?

– Для ознакомления.

– Это я понял. С какой целью вам нужно с ними ознакомиться?

Хольгер посмотрел на Ульриха, пожал плечами, как бы извиняясь, и ответил:

– Для подтверждения алиби господина Габриеля.

– У вас какие-то проблемы с законом, господин Габриель?

– Возникнут, если не удастся найти те фотографии, о которых говорит оберкомиссар Вюнш. Поэтому я прошу вас заняться их поиском как можно скорее, господин Кляйстерс.

Архивариус пожевал губами в нерешительности:

– Вообще, желательно, конечно, оформить официальный запрос... Вы собираетесь выносить их из архива?

– Нет, нам достаточно только на них посмотреть.

– Хорошо, но вы мой должник, господин Габриель.

Ульрих усмехнулся и зашелся сильным кашлем. Прокашлявшись, он нашел в себе силы улыбнуться и сказал:

– Хорошо, если вы найдете эти фото, господин Кляйстерс, я буду вам должен...

Кляйстерс кивнул и ушел в глубину полок и стеллажей. Хольгер извинился перед своими спутниками и вышел перекурить. Когда от папиросы начал подниматься дым, мысли Вюнша заработали быстрее.

Как и в случае с Шлиттенбауэром Хольгер очень сомневался, что только что общался с убийцей. Ульрих говорил убедительно, его слова совпадали с показаниями, прежде всего фрау Мюлленбек. Помимо этого, у Вюнша были сомнения в том, что Ульрих Габриель был способен на это физически. Его движения явно были ограничены, скорее всего, из-за шрама от ожога. Он был вынужденным левшой – это соответствовало описанию доктора Аумюллера, но Хольгер вспомнил дело, а точнее, описание временного убежища

преступника. Убийца проникал туда по веревке. Ограниченные движения и искалеченная рука вполне могли просто-напросто не позволить Ульриху сделать это. Или, по крайней мере, делали этот процесс для него очень хлопотным и небыстрым.

Не мог понять Вюнш и мотивацию Ульриха. «Даже если он все же решил убить Андреаса и Цицилию, которых ненавидел, почему убил остальных? Допустим: он не хотел убивать Викторию, Маргариту, Йозефа и Марию Баумгартнер, просто они оказались рядом и он решил избавиться от свидетелей. Но все еще неясно, почему именно в 22-м? Ульрих жил неподалеку один с 15-го по 20-й годы. В 1920-м дом сгорел, что подтверждают материалы дела, слова вдовы Мюлленбек, самого Ульриха и мои личные наблюдения. Вместо того чтобы напасть на Груберов в этот период он уезжает в Мюнхен, возвращается через два года, убивает их, а потом уезжает обратно в Мюнхен – нелогично...» Не осталось без внимания Хольгера и неожиданное появление Вольфганга Габриеля в 22-м году. «Вдова Мюлленбек не исключила, что видела Вольфганга в Лааге весной 1922-го года. Подтвердил его появление в Мюнхене в этот период и Ульрих...». Вюнш затушил окурок и вернулся в здание. Так или иначе, фотографии, в существовании которых Ульрих был так уверен, могли полностью подтвердить его невиновность.

– Вот она! Это я, а это наш фюрер! Тогда я только недавно пришел в партию. Нас тогда было совсем немного, и мы

только начинали нашу борьбу. А вот видите – за плечом фюрера Курц Нейбауэр? Он погибнет во время Пивного путча. Да, сколько славных ребят полегло за наше дело в эти годы...

Габриель углубился в воспоминания. По его лицу блуждала улыбка, придававшая ему жуткий вид. Он, казалось, забыл о причинах заставивших его обратиться к этим фотографиям.

Ульрих Габриель не был убийцей. Теперь это было окончательно ясно. На фотографиях была надпечатка с датой: «2 апреля 1922 год». Конечно, он мог совершить убийство, а после этого вернуться в Мюнхен и прийти в «Придворную пивоварню», но Вюнш ни капли не сомневался, что если они с Майером начнут копать, то найдут тех, кто видел Ульриха и в другие дни, когда убийца был на ферме.

Хольгер с интересом посмотрел на Гитлера. В то время фюрер еще не обрел того культового статуса даже среди сопартийцев, и фотографы еще не пытались снимать его так, чтобы он казался значительнее. «Железный крест. А он не стеснялся в те годы его носить. С другой стороны, почему бы и нет?».

– Спасибо вам за помощь, господин Габриель.

Ульрих вынырнул из омута воспоминаний, на сей раз достаточно приятных, и вернулся к реальности.

– Не за что, господа. Искренне желаю вам удачи.

Хольгер направился к выходу, а Майер остался на месте и спросил:

– Вы бывали в Лааге с 1920-го года?

– Нет, и, наверное, не появлюсь. Некоторые вещи должны оставаться в прошлом. Да и некуда мне приезжать. Так получилось, что мы не оставили там следов.

Франц кивнул и попрощался.

– До свидания, господин Габриель.

– До свидания, господа. Господин Кляйстерс, смотрите, а это Эрнст Рем. В те годы он был стройнее...

Глава 34

Оружие

– Почему вы спросили про штурмовую группу?

Тон Франца был весьма требователен. Хольгер не посвящал Майера в свое откровение насчет орудия убийства потому, что сам до сих пор не был уверен в своей правоте.

– Штурмовые группы появились в 16-м. Их использовали для прорыва линии фронта. Ребят туда набирали отчаянных, потери они несли страшные. Я дважды слышал о том, как во время атаки штурмовая группа погибла в полном составе. Именно они первыми полностью перешли на стальные шлемы, оружие им поставлялось передовое, как и амуниция. В частности, специально для использования в штурмовых группах наладили заводское производство траншейных дубинок и булав. До этого некоторые ребята делали их из подручных материалов...

Франц перебил объяснение Вюнша, что было ему несвойственно:

– Но ведь булавы использовали еще в Средние века. Как они могут помочь в условиях современной войны?

Вюнш не смог сдержать улыбку. Он был рад, что наконец-то выросло поколение, которому приходилось объяснять, зачем затачивать кромку саперной лопаты, почему в пехотной роте так мало офицеров и как в окопах могут пригодиться дубинки и булавы.

– А вы представьте, Франц, что бой идет уже в окопе. А окоп в ширину едва позволяет одному человеку пройти. У кого будет преимущество: у того, кто пытается колоть штыком на длинной винтовке или у того, кто пользуется маленькой дубинкой? «Надо будет рассказать ему как-нибудь про кольчуги, которые использовали англичане и американцы в конце Войны».

Франц молча кивнул, а Хольгер продолжил:

– Помните, я спросил вас, не видели ли вы крестообразные раны похожие на те, которые были обнаружены у жертв? Очередной кивок.

– Так вот, я все никак не мог вспомнить, где я видел подобные раны...

Майер правильно понял ход мыслей Хольгера:

– Вы думаете, что убийца воспользовался такой булавой?

– Да. К концу Войны производили несколько видов траншейных дубинок, в частности, образцы, которые обладали

длинными острыми гранями и небольшими шипами, оставившими раны очень похожие на те, что на телах наших жертв. По-хорошему, это была не дубинка, а самый настоящий шестопер.

– А почему об этом не догадался никто из группы Рейнгрубера?

Франц задавал дельный вопрос. Если эта рана настолько специфична, то почему никто не смог узнать ее раньше? Хольгер повращал вопрос в голове, а затем ответил:

– Потому что ни Рейнгрубер, ни Шварценбаум, ни Вебер с Аумюллером не служили в Войну, а Юнгер был комиссован в самом начале 1916-го еще до создания штурмовых групп. Дело Хольца, помнится, смотрели вы, там не говорилось о его службе в армии?

Франц призадумался, положив руку на подбородок.

– Говорилось. Он был призван, кажется, в 17-м. Ранен не был, так что воевал до конца.

– Хольц мог не сопоставить эти раны, мог не пересекаться со штурмовыми группами, а может, к его словам просто не прислушались...

Хольгер только сейчас понял, что они вполне могли запросить у господина Кляйстера справку на Вольфрама Хольца, члена НСДАП в 1922-м году. «Так или иначе, это теперь не важно» – Вюнш очень сомневался, что сейчас Хольц смог бы рассказать им что-то интересное об этом деле. Франц впервые за долгое время обратился к Хольгеру по

имени:

– Оберкомиссар Вюнш: следы армейских сапог, нож армейского образца, траншейная дубинка... «Один раз – везение, два раза – совпадение, а три раза – это уже статистика» – Майер процитировал старую поговорку.

– Давайте не будем спешить с выводами, Франц. Насчет ножа и булавы нужно кое с кем посоветоваться.

– Мы сейчас не в сторону Нюрнберга едем.

Майер только теперь обратил внимание, что они двигались к Управлению.

– Да, нужно захватить фотографии со вскрытия, а после этого заедем к одному специалисту по оружию, который может нам помочь. А в Нюрнберг поедем завтра с утра.

– Вы не боитесь, что Ульрих предупредит Вольфганга и тот решит сбежать?

– Так нам же лучше. «Если бежит, значит виновен». Это не всегда верно, но в данной ситуации так и есть. И в таком случае мы его поймем: шрам на левой щеке, хромота на правую ногу, мы знаем его имя, знаем, что он штурмовик – никуда не убежит.

Это был риск – Вольфганг мог все же ускользнуть. Однако Вюнш считал необходимым определить орудие убийства до разговора с главным подозреваемым, а не после.

– А почему вы не обратились к вашему специалисту по оружию раньше?

– Потому что не было идей насчет того, что послужило

орудием. Уго – человек очень знающий, но увлекающийся. Ему нельзя задавать вопрос: «Чем?». У него нужно спрашивать: «Вот этим?». В противном случае можно выяснить, что орудием убийства послужил какой-нибудь моргенштерн XIV века.

– Вы уверены, что Ульриха Габриеля можно исключить из числа подозреваемых?

– Практически. Вы же видели фото, Франц. Или у вас есть соображения на его счет?

Майер отрицательно помотал головой. Оставшаяся часть пути до Управления прошла в молчании.

Уго Франчини был швейцарцем из итальянского кантона. Он как-то говорил Хольгеру название родного города, но Вюнш запомнил. Швейцарцы традиционно оказались умнее всех, а потому Война прошла мимо них. Сам Франчини в бою никогда не был, но имел страстную любовь к оружию. Главным образом к холодному, но и в огнестрельном Уго разбирался неплохо. То, что люди использовали для умерщвления друг друга, вызывало в нем просто-таки детский восторг. А коллекции ножей, кинжалов и мечей Уго мог позавидовать не один музей. На жизнь он зарабатывал, торгуя все тем же оружием, как антиквар, и занимался этим вполне успешно.

Хольгер познакомился с Франчини в 28-м году. Неподалеку от дома по РобертКохштрассе, где жил Уго, нашли изрезанное тело молодой женщины. Сердобольные соседи тут

же рассказали полиции, что их сосед мало того что иностранец, так еще и все время возится с ножами. Своего увлечения Франчини никогда не скрывал, натываясь, порой, на обывательское непонимание. Решив проверить наводку соседей, Хольгер пришел к Франчини и обнаружил милейшего человека лет сорока имеющего странное хобби, но абсолютно безобидного. Более того, именно Уго помог тогда Вюншу раскрыть дело, указав, что для убийства использовался нож для забоя скота.

После этого Хольгер несколько раз обращался к Франчини, когда не мог определить орудие убийства. Как консультант Уго был незаменим, но требовал определенного подхода: он мог спокойно заявить, что раны жертве нанесены флорентийским стилетом времен Лоренцо Великолепного. Вюнш даже не очень представлял, кто такой Лоренцо Великолепный и когда он жил, оттого испытывал серьезные сомнения в том, что кто-то стал бы использовать для убийства сапожника столь старинное и редкое оружие. Тем не менее, однажды именно настойчивость Уго, твердившего, что раны нанесены прусским кавалерийским палашом середины XVIII века, помогла раскрыть убийство, совершенное из-за споров о наследстве в одной аристократической фамилии.

– Хольгер, дорогой друг, как я рад тебя видеть! Как поживаешь? Говорят, что на улицах беспокойно из-за постоянных склок штурмовиков с коммунистами...

– Болтают, Уго. Сейчас уже тихо. Я тоже рад тебя видеть.

Франчини, как всегда, немного витал в облаках.

– Ты не один, Хольгер! Познакомь нас!

– Хорошо, хорошо! Это мой коллега комиссар Майер.

Франц, а это антиквар и коллекционер Уго Франчини.

– Уго Галлеаццо Франчини из Лугано к вашим услугам!

– Франц Майер. Рад знакомству.

– С чем пожаловали, господа? Впрочем, что это я? Совсем забыл о гостеприимстве! Прошу в мой кабинет.

Пройдя в глубину просторной квартиры, полицейские увидели часть коллекции Франчини. Для Хольгера зрелище стен, увешанных кинжалами, ножами, саблями, булавами и мечами, было не в новинку. Лицо же Майера говорило о его крайнем изумлении. Коллекция действительно впечатляла, причем, не только размером, но и разнообразием. Изогнутые вперед ножи – кукри – отличительный знак служивших в Британской армии гуркхов – народа из Гималайских предгорий. По соседству даги испанской работы и острейшие японские мечи, которые Уго называл красивым словом «катана». В гостиной нашлось место даже для двух бердышей и арбалета, аккуратно приставленного к стене.

Хольгер с интересом следил за Майером. За короткий период их знакомства он впервые видел своего коллегу настолько изумленным. Как и Хелена в «Гизелле», Франц напомнил Хольгеру, насколько он еще молод. Майер ходил, зачарованно переводя взгляд с одного предмета на другой. «Он еще не был в спальне, где Уго хранит огнестрельное

оружие, и в другой спальне, которую Франчини переделал в склад для тех экспонатов, которым не нашлось места на стене».

Кабинет тоже весь был увешан колюще-режущим великолепием. Особое место прямо над спинкой кресла хозяйна кабинета занимала коллекция двуручных мечей: устрашающий немецкий цвайхендер, фламберг с волнистым лезвием, настоящий швейцарский эспадон, тонкий четырехгранный панцерштекер, предназначенный для пробивания брони и часто заменявший кавалеристам прошлого пику, и тяжеленный шотландский клеймор. Эта коллекция до сих пор повергала выдавшего виды Хольгера в трепет, вызывая в нем детское желание: потрогать, подержать, взмахнуть пару раз.

– Вы, конечно, по делам. Верно, Хольгер?

– Да, Уго. Нам нужна твоя консультация.

– Холодное, огнестрельное?

Франчини становился деловитым и сконцентрированным, когда речь заходила об оружии.

– Холодное. Я принес фотографии.

Вюнш передал Уго сверток с фотокарточками жертв. Тот сначала быстро просмотрел их все, а после этого начал рассматривать их заново, на сей раз, внимательно вглядываясь в каждую. В это время на лице Уго появилась заинтересованность, а его губы сложились в легкую улыбку. «До сих пор жутковато» – когда Хольгер в первый раз принес Уго фотографии жертвы убийства, его изрядно удивило, что Франчи-

ни не показал никаких отрицательных чувств, рассматривая их. У большинства людей вид трупа, а тем более вид жертвы убийства вызывает отторжение и страх, но дело было в том – и Вюнш это быстро понял – что Уго не видел трупы. Когда он смотрел на фотографию бедной Маргариты, он видел только раны на ее шее и лице, а не истерзанную девочку. Хольгер понял это, когда спросил у Франчини, двадцать минут разглядывавшего рану на лбу, о том, носила ли жертва усы, а Уго не смог ответить.

– У меня есть идеи. Даже не одна, но ты наверняка пришел со своими.

– Верно, Уго. Давай начнем с девочки.

– С какой девочки?

– С резаных ран на шее и округлой раны на лице.

– Ааа! Да, очень интересная рана на лице! Убийство недавно произошло?

– Давно, одиннадцать лет назад.

– Так это недавно... И какие у тебя идеи, Хольгер?

– Армейский нож образца 1916-го года.

– Возможно... Вполне возможно. Ты имеешь в виду с Западного фронта с выступающей вперед крестовиной?

Увидев непонимающие взгляды полицейских, Уго пояснил:

– С гардой!

– Да, именно такой.

– Ты знаешь, это вполне возможно. Позволь, я сейчас его

принесу.

Франчини вышел из комнаты, а Майер обратился к Вюншу:

– Он что, действительно не обратил внимания на жертв?

– Я же предупреждал, что Уго – человек своеобразный.

Но можете не сомневаться – все, что касается ранений, он увидел и запомнил.

Франц кивнул, а затем, быстро глянув на Хольгера, вдруг спросил:

– А какой бы вы выбрали?

– Вы о чем?

– Какой бы вы меч выбрали?

– А зачем мне меч?

– Ну, представьте, что вас вызвали на дуэль или, например, вы оказались в бою, где используют только мечи.

– Хм, на дуэль я взял бы свой Люгер и это была бы самая короткая дуэль в истории... А насчет боя...

Хольгер начал озираться по сторонам. Двуручные варианты он отмел сразу. В тесном строю или в окопе с железной оглоблей не развернешься. Взгляд Вюнша упал на короткую широкую саблю. «Тяжелая гарда – можно наносить удары по лицу». Гарда хорошо защищала руку, а клинок подходил для боя в условиях тесноты. Он указал Майеру на свой выбор. Хольгеру понравилась эта игра, и он решил ее продолжить:

– А вы?

Майер, очевидно, заранее решил, так как ответил почти

сразу:

– Для дуэли эспаду – это испанский вариант шпаги – и клинок дагу. Я видел их в гостинной. Испанская традиция более прагматична, чем французская, более сконцентрирована на результате.

Франц открывался с новой стороны.

– Вы учились фехтованию?

– Да, немного в Париже для развлечения.

Хольгеру стало интересно, что Майер взял бы в бой:

– А что бы вы выбрали для сражения, Франц?

Однако ответить он не успел, так как вернулся Франчини.

Уго положил на стол три ножа. В среднем из них Хольгер узнал тот самый нож, который встречал на Войне.

– Который из них ты имел в виду?

– Вот этот, средний.

Уго отложил остальные ножи в сторону, а указанный Хольгером взял в руки.

– Вы, немцы, все же делаете отличное оружие. Нужно отдать вам должное в этом. – Произнес Франчини после того, как еще раз тщательно осмотрел фотографии тела Маргариты, то и дело поглядывая на нож, который он все это время не выпускал из правой руки.

– Отличная режущая способность. Материал крепкий и надежный. Вот эта идея с выступающей вперед крестовиной – просто и очень удобно. Я бы сказал, очень по-немецки. Пожалуй, ты прав, Хольгер, это тот самый нож. Только убийца

как-то неловко им пользовался. Может, волновался? Он мог одним сильным ударом убить жертву, но вместо этого сделал много порезов разной глубины. Но при этом удар в лицо был нанесен с расчетом именно на полученный в итоге результат. Рана на лице четкая – убийца знал, что она останется. Хотя это уже твоя работа...

Уго широко улыбнулся, что, с учетом сказанного им до этого, выглядело пугающе.

– То есть ты согласен, что такой нож был орудием убийства девочки?

– Да, это вероятно... Но другим жертвам проломил чеп да и этой нанесли удары по голове. Ты обратил внимание на крестообразные проломы, Хольгер?

– Да, я думаю, что это траншейный шестопер.

– Именно шестопер? Заводской или кустарный?

Заводской для штурмовых групп. У тебя есть такой?

Франчини посмотрел на Вюнша укоризненно.

– Конечно есть, Хольгер. У меня имеется все вооружение Германской армии с 1898-го года.

– Прости, Уго... Так ты согласен, что это может быть он?

– Пожалуй, да. Хотя, конечно, такие шипы использовались не только вами. Я его сейчас принесу и сравним.

На этот раз Уго вернулся быстро. Он принес два очень похожих друг на друга шестопера. Вюнш похвалил свою память – он почти точно запомнил оружие, которым пользовались бойцы штурмовых групп. Стальная палка, на одном

конце которой была деревянная рукоять, заканчивающаяся широким набалдашником, а на другом конце приварены стальные пластинки, на каждой второй из которых был, в свою очередь, приварен стальной шип крестообразной формы.

Второй шестопер имел похожие очертания, но был значительно более старинным, покрытым слоем ржавчины. Кроме того, он был немного длиннее.

– Удивительно! Немецкий траншейный шестопер 1916-го года и шведский шестопер из XVI века оказались так похожи! Посмотрите господа – только слой ржавчины и разная длина позволяют их отличить!

– Это может быть орудием убийства?

– Да, вполне возможно. Конечно, точно сказать нельзя, сам понимаешь, Хольгер... Но похоже, очень похоже.

Майер во второй раз за время визита вступил в разговор с Уго:

– А что насчет тупого тяжелого предмета?

– Ну, тут мне понадобится время, чтобы определить хотя бы ближний круг предметов, которые могли оставить такие следы. Учитывайте, что это могло быть и вовсе не оружие...

Франц понял, что совершил ошибку и перефразировал вопрос:

– Набалдашник такой булавы мог послужить этим предметом?

– Вполне. Только удар должен быть очень сильным. Кста-

ти, вы обратили внимание, что убийца левша?..

Через полчаса Хольгер и Майер вышли на улицу.

– Выезжать будем рано. До Нюрнберга сто семьдесят километров. Нам нужно быть там с утра, а не днем, так что отсюда поедem ночью.

Франц кивнул. В голове Вюнша всплыл вопрос, на который Майер ему не успел дать ответ, пока они были у Уго:

– Так какой для боя?

Франц посмотрел на Хольгера непонимающе, но вспомнил недавний разговор и ответил:

– У господина Франчини такого нет, но я выбрал бы римский гладиус. Он очень плох в открытом бою, но в условиях тесного строя – то, что нужно. Такими мечами были вооружены римские легионеры.

Хольгер не знал, как выглядел гладиус, поэтому просто представил Франца с коротким мечом в плотном строю. Получилось достаточно комично. Эспада и дага явно шли ему больше.

– Мне за вами заехать завтра или вы приедете к Управлению?

– Лучше вам за мной, если это вас не затруднит.

– Хорошо, я часа в четыре утра буду ждать вас на Рамбергштрассе. А какой дом?

– Шестнадцатый.

– Хорошо, проверьте оружие с вечера, Франц.

– Думаете, Вольфганг Габриель – наш убийца?

– Думаю, что он наш последний шанс раскрыть дело.

Глава 35

Волчья тропа

Нюрнберг был вторым по величине городом Баварии после Мюнхена. Готическая архитектура Старого города привлекала сюда многих людей со всей Германии. Привлекла она в свое время и Адольфа Гитлера, когда он выбирал постоянное место для проведения съездов НСДАП. Первый съезд партии в Нюрнберге состоялся в 27-м году на юго-восточной окраине города в так называемой «Роще Луитпольда». Роща Луитпольда представляла собой огромную площадь для демонстраций и могла вместить несколько десятков тысяч человек. С тех пор Нюрнберг играл особую роль для национал-социалистов и их вождя, став чем-то вроде столицы НСДАП.

Хольгер бывал в Нюрнберге несколько раз, но ему все время не везло с этим городом. То он оказывался здесь по работе и на слишком короткий срок, то все впечатление от старинных зданий центра города портил проливной дождь. Сейчас Нюрнберг еще не до конца проснулся – была только половина девятого утра.

Вюнш пребывал в плохом настроении сразу по двум причинам. Во-первых, просыпаться пришлось рано и, что особенно расстраивало Хольгера, в одиночестве. Хелена ноче-

вала у себя дома. Умом Вюнш понимал, что это даже хорошо – не пришлось будить ее посреди ночи – но все-же ему хотелось побыть с ней подольше. А вторая причина заключалась в том, что даже столь раннее пробуждение могло не позволить им застать Вольфганга Габриеля дома. Дорога получилась долгой, и Хольгер мог винить только себя, что не догадался выехать еще раньше. Майер мирно проспал большую часть пути и сейчас выглядел немного помятым.

– Какой там адрес, Франц?

– Адлерштрассе, восемь.

Вюнш плохо знал Нюрнберг и поэтому еще вчера озабочился покупкой карты города.

– В бардачке лежит карта, ведите меня, Франц, а то мы тут долго будем плутать...

Через полчаса Wanderer Хольгера остановился перед двухэтажным домом конца прошлого века. Улица была безлюдной, хотя и находилась недалеко от центра. В окнах первого этажа горел свет. «Может быть, и успели...». Прежде чем выйти из автомобиля Вюнш достал свой Люгер. Он внимательно его проверил, повторяя про себя как молитву: «Проверить количество патронов в обойме, зарядить пистолет, взвести, снять с предохранителя, поставить на предохранитель». Проговаривание каждой процедуры про себя было для Хольгера привычным еще со времен Войны, когда он так же разбирал и собирал винтовку. Кроме того, это помогало ему сосредоточиться. Майер тоже не терял времени зря и за-

рядил свой револьвер. «И все же далеко не факт, что это он! Да, Вольфганг появился в Мюнхене как раз тогда, когда произошло убийство, да, он служил в армии, а также имел мотив, но все это лишь теория. Далеко не факт, что это он...» Вюнш глубоко вздохнул и вышел из машины.

На звонок в дверь долго никто не отвечал. Наконец, дверь открылась, и полицейские увидели человека с глубоким шрамом на левой щеке и обильной проседью в волосах. Лицо Вольфганга Габриеля было безучастно, а сам он был одет в домашний халат.

– Доброе утро. Вы, господин Габриель?

– Да, это я. Чем могу служить?

Голос Вольфганга был глубоким, сильным и совсем не напоминал хрипение его старшего брата, что, впрочем, не было удивительно.

– Мы из Баварской полиции. Оберкомиссар Вюнш.

– Комиссар Майер.

– Чем могу помочь полиции? Что-то случилось?

– Дело в том, что мы расследуем убийство в Хинтеркай-феке, и нам нужно с вами поговорить.

– Про убийство Виктории и Груберов?

– Да.

Вольфганг на мгновение замер, будто принимая какое-то решение, а потом произнес:

– Хорошо, господа. Я постараюсь вам помочь. Проходите, пожалуйста, не на пороге же нам об этом разговаривать.

Взгляду Хольгера предстала широкая прихожая, на стенах которой висели жизнерадостные, хотя и недостаточно профессиональные, акварели.

– Прошу за мной.

Вольфганг прошел в одну из четырех дверей ведущих из прихожей. Вюнш обратил внимание, что при ходьбе Габриель немного припадал на правую ногу. Как Хольгер не прислушивался, он не мог услышать в доме каких-либо посторонних звуков. Очевидно, Вольфганг был один. Полицейские проследовали за ним и оказались в кабинете, который обставлял человек склонный к аскезе.

Один шкаф с непрозрачными дверцами и красивой резьбой по ним, стол, два жестких стула и узкое кресло составляли все убранство комнаты. Стол был девственно чист, если не считать лампы и пустой пепельницы. Шторы были плотно задернуты, поэтому в кабинете царила тьма вплоть до того момента, когда Вольфганг включил лампу.

– Присаживайтесь, господа. Если желаете, могу предложить вам кофе.

Хольгер, который и так сварил себе с утра крепчайший кофе, отказался, а Майер кивнул. Когда Вольфганг вышел из комнаты, Вюнш еще раз прикинул, с чего бы начать разговор: «Скорее всего, имеет смысл сразу спросить, сообщал ли ему брат о нашем визите...». Габриель вернулся очень быстро с двумя большими чашками кофе. Одну он поставил перед Майером, а вторую на стол перед креслом.

– Позвольте, я закурую?

– Это ваш дом, господин Габриель. Признаться, я и сам хотел попросить у вас разрешения.

– Конечно, можете курить, оберкомиссар Вюнш.

Габриель открыл ящик стола в поисках портсигара, но когда над столешницей появилась левая рука Вольфганга, в ней был не портсигар. На полицейских был направлен Walther PP.

Эти пистолеты появились еще в 29-м году. Несмотря на то, что сделаны они были специально для полиции, Хольгер да и многие другие (особенно фронтовики) сохранили верность старым Люгерам. Вюнш несколько раз видел Walther в деле, а один раз и сам из него стрелял. Ничего плохого он сказать про эту игрушку не мог: компактный, но обладающий отличной останавливающей способностью, надежный, меткий. Единственными недостатками этого пистолета были высокая цена и некоторая капризность при эксплуатации. Несмотря на все плюсы, Хольгеру казалось, что Walther не очень подходил на роль именно полицейского пистолета. Все же цель полицейского не застрелить преступника, а заставить его сдаться. Когда обычный человек видел длинное дуло тяжелого Mauser C96 направленное прямо на него или вороненый ствол Люгера колени его обычно подкашивались, а руки сами собой поднимались вверх. Полицейский же с Walther не внушал в неопытного человека трепет.

Впрочем, Хольгер знал, на что способен этот ствол, осо-

бенно в руках хорошего и решительного стрелка, к которому, без сомнения, относился Вольфганг Габриель. Поэтому он не стал делать резких движений и остался неподвижен. К счастью, Майер тоже не стал геройствовать и последовал примеру старшего коллеги. Вюнш, между тем, нещадно корил себя за расслабленность, обвиняя в ней раннее пробуждение и долгую дорогу.

– Господа, надеюсь на ваше благоразумие. Можете не сомневаться, я без промедления выстрелю в того из вас, кто решит бесцеремонно прервать наш разговор. Я тот, кого вы ищете – это я убил Викторию, ее дочь и сына, ту женщину, а также Андреаса с женой. Я никого не выгораживаю, не беру на себя чужое злодеяние и я в своем уме. Что бы доказать это предлагаю такой вариант: вы задаете мне вопросы, которые хотели задать изначально, а я даю честные ответы, которые, надеюсь, убедят вас в моей виновности.

Вольфганг замолчал, давая полицейским осмыслить сказанное. Хольгер совершенно не был готов к такому повороту дела. Он понимал, что Вольфганг может оказаться убийцей, даже рассчитывал на это, но не ожидал от него столь отчаянных действий. «Ну что же, поиграем в эти игры...» – другого выхода, кроме как согласиться с условиями Габриеля, Вюнш не видел:

– Вам брат рассказал о нас?

– Ульрих? Нет, а вы с ним уже разговаривали?

– Да.

– Мы с ним не очень близки... Пейте, молодой человек – кофе вкусный. Только не забывайте о том, что я держу вас на мушке.

Это был шанс. «Если Майеру удастся плеснуть горячим кофе в лицо Габриеля, ситуацию можно будет изменить в нашу пользу» – однако Вольфганг неотрывно следил за подносившим чашку к губам Францем. «Успеет выстрелить, если Майер сделает резкое движение». Хольгер мысленно умолял Франца верно оценить ситуацию. «Если не убил нас сразу, значит, скорее всего, вообще не хочет нас убивать. Да и объяснять ничего тем, кого планирует убрать, он не стал бы...». Рисковать жизнью сейчас было нецелесообразно. Майер сделал несколько глотков и поставил чашку на стол.

– Как вам?

– Неплохо. Недостаточно горячий.

– Прошу меня простить, я не стал его подогревать для вас, а сам я не люблю, когда кофе жжет язык и не чувствуется вкус. Впрочем, мы отвлеклись...

Вюнш понял, что можно начинать:

– Почему вы это сделали?

На лице Вольфганга появилось даже не само раздражение, а скорее его отголосок.

– Вы не с того начали, оберкомиссар Вюнш. Я не могу ответить на этот вопрос в двух словах, даже в двадцати не смогу. Начните с начала. Я могу вам подсказать: начало – это Виктория.

– Хорошо, тогда расскажите о том, как вы познакомились с ней.

– Я не помню. Наше знакомство состоялось в столь юном для меня возрасте, что можно сказать, я знал ее всегда. Она дружила с моими старшими братьями: Ульрихом и Карлом. Потом Ульрих вырос и отделился от нас. Мы много времени проводили втроем – я, Карл и Виктория. Тогда я был слишком мал, но сейчас понимаю, что их двоих уже тогда связывали нежные чувства.

Вступил Майер:

– Вы знали тогда об отношениях Виктории с ее отцом?

– Нет. Ульрих рассказывал мне через много лет, уже перед Войной, что раньше Виктория была менее замкнутой, но я был слишком мал, когда это началось, чтобы заметить эту перемену.

– А какими образом вы об этом узнали?

– Ходили слухи. Я не особенно обращал на них внимание, хотя пару совсем наглых носов пришлось разбить. А потом, когда мне было пятнадцать, Виктория сама мне рассказала. Это был один из дней, когда мы были без Карла – он, кажется, плохо себя чувствовал... Я очень хорошо помню, как она говорила, что сама виновата в том, что это происходит. Как умоляла не говорить Карлу...

– Вы сказали ему?

– Нет. Через год она сама ему призналась. Мы тогда с Карлом единственный раз в жизни подрались. Он все кричал,

что я не должен был скрывать это от него, и он был прав.

В этот момент Вольфганг очень напомнил Вюншу Ульриха, несмотря на то, что внешне они не были похожи. Франц замолчал и сделал еще несколько глотков кофе. Пришла пора Хольгера задавать вопросы:

– Вы были знакомы с Андреасом и Цицилией?

– С Андреасом – да, немного. Это было еще до того как я узнал, что он спит с Викторией. Ее мать я видел, но никогда с ней не разговаривал.

– Расскажите о браке Карла и Виктории.

– Он звал ее замуж еще до того как узнал об Андреасе, а после начал звать с удвоенной силой. Хотел забрать ее из Хинтеркайфеха. В итоге она согласилась, но только при условии, что он переедет к ней, а не наоборот. Карл вернулся через три недели в полном отчаянии. О Виктории, да и вообще о Груберах говорить отказывался. Только один раз под хмельком рассказал мне, что часть фермы принадлежит теперь ему. Я спросил, как это могло получиться, он ответил, что это подарок на свадьбу, а после этого ударил кулаком в стену так сильно, что разбил себе руку в кровь.

– Что вы испытывали по отношению к Груберам в то время?

– Хорошая попытка, оберкомиссар Вюнш, но не попали. Я хотел бить Андреаса так сильно и так долго, чтобы его череп превратился в пыль, а мозги остались на костяшках моих кулаков. Виктория же была для меня кем-то вроде старшей

сестры, я не испытывал к ней злобы, скорее обиду и непонимание. Злобу по отношению к ней я испытал только один раз...

– Почему никто из вас не сообщил в полицию?

– Из кого из нас? Виктория рассказала только мне и Карлу. Карл потом, когда Ульрих вернулся из Ингольштадта, рассказал ему. Слухи ходили, но наверняка никто кроме нас не знал. Виктория сразу сказала мне, что если я расскажу об этом кому-нибудь, она будет все отрицать. Скорее всего, Карлу она сказала то же самое. Я часто корю себя за то, что послушал ее. Нужно было сообщить в полицию или убить Андреаса еще тогда.

– Ваш брат считает, что Карл записался добровольцем из-за Виктории. Вы с ним согласны?

– Да. Ульрих всегда был умником. Карл ничего никому не говорил, но я видел, что он стоит на грани из-за произошедшего, а тут, очень кстати для него, началась Война. Карл заплатил врачу на медицинском освидетельствовании почти сотню марок, прекрасно зная, что иначе не сможет его пройти. Мой брат всегда был болезненным: астма, проблемы с координацией движений. Я обязан был за ним приглядеть, поэтому записался в тот же полк.

Теперь наступал очень ответственный момент, потому что следующий вопрос мог вызвать болезненную реакцию со стороны Вольфганга, но Хольгер не видел возможности его не задать:

– Как погиб Карл?

На лице Габриеля не дрогнул ни один мускул, а голос был абсолютно ровным, когда он заговорил:

– Это было на четвертый день пребывания нашей роты на передовой. Прямое попадание осколочного снаряда. Моего брата и двоих ребят разорвало на части, а еще двоим оторвало ноги. Я смог его опознать только по часам на руке. Разбираться не стали – некогда было – похоронили в братской могиле все, что от них осталось.

Вы знаете, вскоре я начал ему завидовать. Через неделю пришло письмо от отца, где он говорил, что Ульрих обгорел, а мать слегла после известия о смерти Карла. Вскоре отца и матери не стало. Я продолжил воевать. Переписывался с Ульрихом, судя по письмам, ему в тылу было не особенно легче, чем мне на фронте.

– Вы служили в штурмовой группе?

– А вы проникательны, оберкомиссар Вюнш. Судя по всему, у меня неплохо получалось убивать людей, потому что, когда создавались штурмовые группы, гауптман порекомендовал меня. К тому моменту меня уже ранило осколком в лицо. Я не жалею – многие ребята вернулись с Войны все без зубов, а я лишился лишь четырех. Войну я закончил лейтенантом во Фландрии. А вы, оберкомиссар Вюнш?

Как и его брат, ранее, Вольфганг быстро определил в Хольгере ветерана.

– Тоже лейтенантом во Франции.

Майер впервые за долгое время вступил в разговор:

– Вы знали, что Виктория родила от Карла дочь?

– Да, Ульрих написал мне об этом.

– Что было после?

– После чего, оберкомиссар? После Войны? Вы прекрасно знаете, что нет никакого «после». Я уехал в Прибалтику, там все еще сражались имперские войска. Воевал до 1920-го. Опять не погиб.

– Почему вы не вернулись домой?

– Потому что в Прибалтике были нужны солдаты. В это же время письма, которые я писал Ульриху, стали возвращаться ко мне со штемпелем «адресат неизвестен». Вскоре я перестал писать. Я плохо помню те дни: года до 24-го я жил будто часы или иной хитроумный механизм, выполняя потребности организма, выживая, но не испытывая никаких чувств по этому поводу. Как вы полагаете, сколько мне лет?

– Тридцать восемь.

– Угадали, хотя, наверное, вы не гадали, а спросили у Ульриха. Это значит, что я ушел на Войну в девятнадцать. Окоп не самая лучшая школа жизни, впрочем, судя по вашему возрасту, оберкомиссар, не мне вам об этом рассказывать.

Пистолет по-прежнему был направлен прямо на Майера, а возможности что-то сделать все не было. Кофе Франца был выпит, а чашка Вольфганга осталась нетронутой. Хольгер продолжил. С пистолетом или без, его очень увлекла эта беседа:

– Ваш брат сказал, что после капитуляции Ландесвера вы остались в Литве...

– Да, только в Латвии, а не в Литве. Я остался в Латвии военным специалистом. Им нужны были люди, прошедшие через Войну, и таких людей было предостаточно: наши, русские, поляки, я даже видел нескольких англичан. Платили неплохо.

– Почему вы оттуда уехали?

– Начал слышать слишком много грязной лжи в свой адрес. Первое время после Войны они еще остерегались, наверное, боялись, что мы вернемся, но чем больше времени проходило, тем наглее они становились. Представьте себе, оберкомиссар, эти сволочи действительно считают, что мы и русские виноваты во всех их бедах. Конечно, легко проклинать нас, живя в городах построенных нами, молясь Богу, принесенному нами и стреляя в нас из произведенного нами же оружия. Пора было возвращаться домой.

Все сказанное ранее, в общем и целом, либо было уже известно Вюншу и Майеру, либо не играло особенной роли. Теперь начиналось то, чего они не знали.

– Я хотел спросить, а как вы вообще вышли на меня?

– Фрау Мюлленбек вывела нас на вашего брата, а он, в свою очередь, на вас.

Это было не до конца верным, но Хольгер решил не упоминать факт поразительного везения с нахождением Ульриха потому, что это могло показаться Вольфгангу неправдо-

подобным.

– Да, вдова Мюлленбек ведь меня тогда видела... Хорошо, что она еще жива. Она дружила с моими родителями, я именно к ней обратился когда не нашел нашего дома. Она мне сказала, что дом сгорел еще за два года до того. Ульрих потом извинялся передо мной за это, будто он был в чем-то виноват.

– После этого вы направились в Хинтеркайфек?

– Нет, не сразу. Сначала я пошел к дому, в котором до Войны жила Лаура Эккель. У нас с ней было что-то, что можно было назвать романом. Я увидел через окно, как она ужинает со своей семьей. Она совсем не изменилась за эти годы. Ее поцеловал какой-то усач, почтальон, судя по форме, но до Войны я его не видел. Я не уверен, но, кажется, там было двое детей. Разумеется, я не стал их беспокоить. Оставалось последнее место, где мог быть близкий мне человек.

– Какого числа это было?

Этот вопрос прозвучал от Франца.

– Самый конец марта. Тридцатое или тридцать первое число, точнее сказать не могу.

– Почему вы не остановились в гостинице?

– На то, чтобы добраться до дома, у меня ушли все сбережения. В тот момент у меня немного не хватало денег на поезд до Мюнхена, где, как мне сказала вдова Мюлленбек, нужно было искать Ульриха. А потому тратить деньги на трактир было неразумно.

– У вас был с собой фонарь?

– Да, я украл его в Лааге, но я, разумеется, вернул его на следующий день. «А вот этого он стыдится!»

– Вы были в армейских сапогах?

– Да, они со мной с самой Войны были...

Это не имело прямого отношения к ферме, но Хольгера этот вопрос мучил с тех пор, как в деле начали фигурировать армейские сапоги, к которым впоследствии добавились нож с булавой:

– Почему вы не сдали армейскую амуницию при демобилизации?

– Кому? Той штабной крысе, которая смотрела на нас как на дерьмо? Нет, винтовку я не сдать не мог, но пистолет, сапоги и холодное оружие оставил себе. И знаете, оберкомиссар Вюнш, ни разу об этом не пожалел. Они мнегодились и не единожды.

– Что было дальше?

– От Лаага до Хинтеркайфека было недалеко идти, но дорога шла через лес. Я добрался до фермы, но встал в лесу так, чтобы меня нельзя было увидеть из дома. Видимо, в доме заметили свет фонаря, потому что Андреас вышел на улицу и долго всматривался в ту сторону, откуда я пришел, но я быстро потушил фонарь и он меня не заметил. За те восемь лет, что я его не видел, он ни капли не изменился. Я стоял там долго, наверное, не меньше часа, пока совсем не замерз. Не знаю, чего я ждал.

Очень не хотелось разговаривать с Андреасом, поэтому я прошел к окну Виктории и негромко постучал в него. Я очень старался ее не напугать, но она все равно вскрикнула, когда увидела меня. Она сначала было приняла меня за Карла, на шею бросилась. Я шептал ей, что я, Вольфганг, но она не отпускала...

Длинный монолог Габриеля прервался из-за того, что он пытался зажечь спичку одной рукой, которая, к тому же, не была для него ведущей. «Если он и имеет скудную эмоциональную реакцию, то мастерски это скрывает» – Хольгер все еще не был до конца уверен, что именно Вольфганг являлся убийцей. Тот, наконец, справился со спичками, прикурил и продолжил:

– Я попросил у нее поесть и переночевать. Она сказала, что сарай не заперт, и велела ждать ее там, попросив вести себя тихо, чтобы не разбудить никого.

– Вы были в ее комнате в тот раз или, может быть, заглядывали внутрь через окно?

Майер опять брал слово

– Хороший вопрос, господин Майер, очень хороший... Нет, я не был в комнате Виктории, а свет в ней был погашен, поэтому я не разглядел коляску, которая, скорее всего, стояла рядом с кроватью. Если бы тогда я смог увидеть эту деталь, возможно, что-то пошло бы по-другому. Так или иначе, я прошел в сарай и стал ждать ее. Виктория появилась через полчаса, принесла одеяло, хлеб, сыр, копченое мясо и

вино. Она провела со мной там всю ночь почти до рассвета, а утром принесла мне немного денег и попросила уйти.

«Огни и следы, о которых Андреас рассказывал торговцу из Шробенхаузена. Раскрытый кошель на кровати в комнате Виктории...»

– Я, как и мой брат, звал ее с собой. У меня не было ни гроша за душой, но я хотя-бы не был насильником. Я убеждал ее собрать дочь в дорогу и пойти со мной. Твердил, что смогу остановить Андреаса, если он попытается ей помешать, но она только поцеловала меня и проводила до леса...

– Вы видели тем утром на ферме еще кого-нибудь, кроме Виктории?

– Нет.

Вюнш глубоко вдохнул, досчитал до четырех, выдохнул, вновь набрал в грудь воздух и спросил:

– Почему вы решили вернуться?

– Я ходил по лесу и в моей голове роились мысли. Виктория была добра ко мне, и я был ей благодарен, но... почему я должен был скрываться? Почему должен был уйти? Чтобы не разозлить Андреаса? А как насчет того, чтобы не злить меня? Скажите мне, оберкомиссар, только откровенно без патетического дерьма: зачем мы прошли через Войну? Ради чего или кого погиб один мой брат, а второй остался калекой?

Хольгер часто задавал себе этот вопрос и не мог найти ответа. Он прекрасно знал о Германском предназначении, о

Жизненном пространстве, о Войне на упреждение, но ничто из этой пропагандистской шелухи не было ответом, который смог бы его удовлетворить. Зачем лично он прошел через Войну? Вюнш увидел перед внутренним взором изувеченные руки Калле, бешеный взгляд Дитера Юнгера, наркоманскую улыбку Каспара Шнайдера и еще десятки лиц и имен тех, чья жизнь была искалечена Войной. Хольгер не мог соврать, даже не Вольфгангу Габриелю, а самому себе, поэтому ответил просто:

– Я не знаю.

– Спасибо за честность. Я тоже не знаю, но разве то, что мы сделали, то, чем пожертвовали, от этого становится менее значимым? Разве не заслуживаем мы уважения в нашей собственной стране от нашего собственного народа? Да черт с ним с уважением – я прошел через ад, уцелел, вернулся, а вернувшись, выяснил, что никто так ничего и не понял, никто так ничему и не научился. Так почему же в то холодное утро я вынужден был бежать как ободранный пес от людей, которые волоса на голове моего бедного брата никогда не стоили?! Груберы ни капли не изменились. Зато изменился я.

– И вы вернулись...

– Да, я вернулся.

Глава 36

Жертвоприношение

– Я вернулся, но не сразу. Сначала я отнес фонарь обратно в Лааг. Я брал его на участке, который выходил почти прямо к лесу, поэтому меня никто не увидел. После этого я долго блуждал по лесу. Спорил сам с собой. Наверное, это прозвучит странно, но я просто бродил по лесу до самых сумерек. Мартовский лес – безлюдное место. Я толком не знал, чего именно хочу. Солгу, если скажу, что у меня был четкий план, но общее направление мыслей вело к тому, чтобы убить Андреаса и, возможно, его жену, а после этого?.. Одно я могу сказать точно – в тот момент я не планировал убивать никого кроме них. Когда видишь столько смертей, сколько довелось увидеть мне, восприятие жизни бесповоротно меняется...

Мне кажется, что я и так владею вашим вниманием в достаточной степени. Вы не против продолжить без пистолета?

Резкий переход Вольфганга стал для Хольгера полной неожиданностью. Вюнш буквально почувствовал, как напрягся и подобрался Майер, как бы изготавливаясь к прыжку. Не осталось это незамеченным и для Габриеля, поэтому он произнес:

– Я не стал бы этого делать, молодой человек. Пистолет все же лежит прямо передо мной и я успею выстрелить, если вы решитесь броситься на меня, кроме того, даже если вам удастся меня повалить и арестовать, я не скажу больше ни слова, и вы никогда не докажете, что нынешний разговор вообще имел место.

После этих слов Вольфганг положил Walther на стол таким образом, чтобы иметь возможность выстрелить во Франца, даже не поднимая пистолет с лакированной поверхности. После этого Габриель продолжил свою исповедь:

– Я говорил о том, что когда видишь много смертей неминуемо и необратимо меняешься. Странно, но как только мысль об убийстве Андреаса пришла в мою голову, появились и идеи, как его лучше всего организовать. Я как будто снова был на фронте и решал боевую задачу. Помню, идея заманить его в сарай пришла ко мне на берегу небольшого ручья. Летом это место нельзя было бы разглядеть с тропы из-за густой зелени, но была весна.

Я решил, что заберусь в сарай, который, скорее всего, снова будет не заперт, привлеку внимание шумом, а после этого буду ждать того, кто явится первым. Если придет Андреас – я убью его, если Цицилия – то убью ее, а потом дождусь, пока Андреас придет посмотреть, почему она не возвращается, и тогда убью его.

– А если бы пришла Виктория?

– Не знаю наверняка. Скорее всего, снова попытался бы убедить ее пойти со мной, а когда она вновь не согласилась бы, связал бы ее веревкой, которую заметил в сарае еще в прошлую ночь.

Вольфганг посмотрел в глаза Майеру и спросил:

– Я, наверное, кажусь вам зверем, молодой человек?

Лицо Франца было спокойно, но в его глазах плеска-

лась ледяная ярость способная заморозить штормовой океан. Хольгер даже испугался, что Майер бросится на Вольфганга, несмотря на все предупреждения. Голос Франца оставался ровным, когда он ответил:

– Да, кажется.

– И это правда. В тот момент я был больше зверем, чем человеком. Именно поэтому я и рассказываю вам сейчас все это. Впрочем, всему свое время.

Когда пришли сумерки, я пробрался на ферму. Было около шести часов вечера. За час до этого к дому подъехал автомобиль, и я начал опасаться, что Груберы куда-то уедут или кто-то приедет к ним. Скорее всего, именно тогда приехала та хромоногая женщина, потому что в ее комнате был нераспакованный багаж, но точно я сказать не могу, так как с того места, где я стоял, не было видно. Так или иначе, автомобиль уехал и больше к ферме никто не подходил и не подъезжал.

Как я и ожидал, сарай был не заперт. Я стал ждать, когда настанет ночь. Скорее всего, я задремал, и мне повезло, что за это время никто не зашел в сарай...

Франц прервал монолог Вольфганга:

– Почему шестопер?

– Признаться, я впечатлен! Вы и о шестопере знаете? Сначала я хотел использовать нож, но решил перестраховаться, так как не был уверен, что смогу убить Андреаса ножом сразу, одним ударом. Он был физически сильным и, если бы завязалась потасовка, у него были бы шансы меня остановить.

А дальше все начало происходить слишком быстро...

– Вы говорили, что у вас был пистолет. Почему вы не воспользовались им?

– Оберкомиссар Вюнш, объясните потом своему молодому коллеге, что такое скрытное нападение. Кроме того, господин Майер, у меня не было пуль.

«Сейчас все произойдет...» – Хольгер сосредоточился, готовясь представлять картину убийства, которую будет описывать Габриель.

– Я долго ждал. До одиннадцати часов. Потом начал стучать о стены сарая киркой, которая стояла у стены там же. Я то и дело поглядывал на дом в щель между досками. Наконец оттуда вышел Андреас. Он, как видно, уже готовился ко сну, потому что был одет лишь в исподнее. Я сразу обратил внимание на то, что в руках у него был только фонарь. Это было хорошо для меня, так как он вполне мог прихватить ружье, и в этом случае сделать все по-тихому не вышло бы. Я притаился за дверью. Так как он был с фонарем, сделать все надо было максимально быстро, чтобы в доме не успели ничего заметить.

Андреас вошел, успел увидеть меня, даже вскрикнул, но очень тихо. Я помню, что успел увидеть удивление в его глазах в свете фонаря, а потом ударил его прямо в лицо. Он сразу осел мешком – у меня получилось свалить его одним ударом. После этого я сразу затушил фонарь. Совру, если скажу, что не получил удовольствия когда услышал хруст его

черепа. Еще на фронте я неплохо орудовал дубинкой и, как оказалось, не растерял навык.

Вольфганг говорил абсолютно спокойно, не демонстрируя ни раскаяния, ни страха, ни, напротив, возбуждения или радости. Он просто отчитывался в своих действиях, стараясь не приукрашивать, но и не умалять их.

– Почему вы не ушли сразу после того, как убили Андреаса?

– Не успел. Как видно, либо за ним все время следили из дома и успели заметить меня, либо просто быстро забеспокоились. Так или иначе, вскоре вышла Цицилия. Уходить было уже поздно, кроме того, к ней я тоже не испытывал добрых чувств – она была виновата не меньше Андреаса. Помню, мне тогда показалось странным, что она, в отличие от мужа, была одета в повседневное платье,

Я повторил схему, но в этот раз так чисто сработать не вышло... Она была ниже меня, я этого не учел, поэтому первый удар получился скользким. Она оперлась о стену рукой, но не упала, и, самое главное, заблокировала собой открытую дверь. Я втащил ее внутрь, повалил на пол и начал бить...

Вольфганг умолк и ушел в себя. Впервые за все время разговора возникла длинная пауза. «Если мы ждали удачный момент, чтобы напасть, то это определено он». Вюнш дернулся к пистолету, на долю секунды опередив Майера, однако реакция Габриеля оказалась еще лучше. Walther мгновенно скользнул ему в руку и устался прямо в лоб Хольгера.

Вюнш успел остановить себя и медленно вернулся на место. Франц сделал то же самое.

– Я же говорил, что даже если вы сможете арестовать меня, я буду отрицать все, что сейчас вам рассказываю. Единственный шанс для вас получить меня – это вести себя разумно и больше не нарываться на пули. Еще одна такая выходка – и я выстрелю. Давайте сделаем вид, что этого досадного эксцесса не было, и вернемся в тот сарай.

Хольгеру очень не хотелось возвращаться в тот сарай, особенно в компании Вольфганга, но выбора не было.

– Я поднял взгляд от тела Цицилии и увидел Викторию, которую держала за руку девочка лет семи. За каким чертом она потащила в сарай девочку, та ведь уже была одета в сорочку и готовилась ко сну?!

Вюнш не смог удержаться:

– За вами.

Вольфганг посмотрел на него непонимающе, а после – широко улыбнулся впервые за весь разговор.

– Метко отметили, оберкомиссар Вюнш. Очень метко... Самое обидное, что Виктория так до конца жизни и не отреклась от своего проклятого отца. Она бросилась к нему, а поняв, что он мертв, посмотрела на меня таким взглядом, что новый план сложился в моей голове мгновенно, и тело принялось его исполнять. Помехой было то, что шестопер застрял в голове Цицилии. Я дернул его раз, другой, но он не поддался. До того, как Виктория и ее дочь поднимут крик,

были доли секунды, поэтому я вытащил нож и бросился на них. Сначала я ударил девочку – ткнул ей в лицо гардой. Она сильно выступает...

– ...Вперед, поэтому ее легко использовать в качестве кастета.

– Вы и про нож знаете... После этого я откинул девочку подальше и, опрокинув Викторию, начал ее душить. У нее всегда были очень красивые зеленые глаза, я смотрел в них и не видел страха, скорее умиротворение. Она совсем не сопротивлялась. Может быть потому, что привыкла, что ее берут силой, а может – была согласна умереть. Она перестала шевелиться, но я не был уверен, что убил ее. Я повернулся к девочке. Она все звала Викторию. Из раны на ее лице текла кровь. Я всмотрелся в нее, и моя рука дрогнула – она была копией моего несчастного брата. Глаза, подбородок, нос, скулы – все это было от него. Бедная девочка, если бы она была не так сильно похожа на Карла, я смог бы одним ударом прервать ее жизнь, но руки не слушались меня, когда я резал ее шею. Она больше никого не звала, только хрипела и неотрывно смотрела на Викторию. Я выдернул шестопер из черепа Цицилии и ударил девочку по голове несколько раз. Кажется, я зачем-то сломал ей нижнюю челюсть, но не уверен. Несмотря на все раны, душа все еще отказывалась покидать ее маленькое тело. Мне показалось, что Виктория пошевелилась, и я ударил ее по голове, и еще раз, и еще...

Последние пять минут Хольгер тратил значительные си-

лы, удерживая Майера за плечо. Франц не контролировал себя, холодная ярость сменилась бешенством. «Запомнит на всю жизнь. И ведь молчит, мог бы осыпать проклятиями, выть, ругаться, но нет – молчит, даже лицо почти ничего не выражает, только скоро я не смогу больше его сдерживать»

– Девочка еще была жива, еще шевелилась, когда я вышел из сарая. Перед уходом я сложил тела у двери и присыпал соломой – даже не знаю, зачем я это сделал. После этого я направился к дому. Помню, залаяла собака, но я пнул ее несколько раз, и она замолкла. Сарай и хлев были единственными стоящими отдельно от дома строениями. Все остальные помещения сообщались друг с другом, это очень помогло мне впоследствии. Дверь, ведущая в дом, была заперта. Меня это раздосадовало, но я решил не возвращаться в сарай, чтобы найти среди трупов ключи. Я вообще больше в него не вернулся – не смог заставить себя. Я обошел дом и забрался внутрь через кухонное окно.

Майер чуть пришел в себя и Вюнш смог задать вопрос:

– В доме горел свет?

– Да, но я не думал, что в доме кто-то есть, решил, что этот свет зажгли те, кого я уже к тому моменту убил. В кухне было темно. Я был голоден, но больше голода меня терзала усталость. В гостиной тоже не было света. Я шел, не таясь, но все равно нагрязнул на ту женщину внезапно. Сначала я услышал какой-то шум, решил проверить и заметил полоску света из-под двери. Я приоткрыл ее и увидел, как она хо-

дит, переваливаясь с ноги на ногу, по комнате. На ее лице была тревога. После этого я рывком распахнул дверь, быстро подлетел к ней и нанес удар, от которого ее развернуло, а затем сразу еще один удар по затылку, чтобы не повторилась ошибка с матерью Виктории. Она даже не успела ничего понять. Я валился с ног, поэтому решил сразу пойти в комнату Виктории и лечь спать. Только теперь, когда я вошел в ее спальню, я увидел коляску. В ней спокойно спал младенец, мне показалось, что это мальчик, на вид ему было около года. Я ударил его два раза в висок.

– Его-то за что? – Майер выдавил из себя этот вопрос.

– Это были удары милосердия, как мне тогда казалось. Все его близкие лежали в сарае мертвыми. Только потом, читая в газетах об убийстве, я узнал, что младенец был сыном местного фермера Лоренца Шлиттенбауэра. Я не был с ним лично знаком, но если бы я знал, что у мальчика остался отец, я бы, возможно, не стал его убивать, хотя не уверен. Я решил, что он от Андреаса, не помню точно почему. Так или иначе, я вернулся в гостиную, лег на диван у камина и почти сразу уснул.

«На этом же месте спал Лоренц Шлиттенбауэр через пять дней...» Лицо Вольфганга ничего не выражало, а голос был ровным. Лишь раз, когда он рассказывал, как убивал Викторию, на его лице промелькнула тень эмоции похожей на печаль. Вновь повисла тяжелая тишина. Хольгер нашел в себе силы ее нарушить:

– Почему вы остались в доме?

– Мне нужно было восстановить силы. Я вообще сделал все это потому, что хотел получить достойный приют. В итоге мне пришлось взять его силой. Вы наверняка знаете, что я бросил животным корм, чтобы они не кричали, привязал в хлеву собаку, а для себя сделал убежище над гаражом.

– А чем вы занимались в эти дни?

– В основном спал. Если не спал, то читал, ел и пил вино. Я покидал свое убежище не больше пары раз в день. Один раз разжег печь и камин, чтобы немного прогреть дом, но решил, что это очень заметно и больше так не делал. В сарай, а также в комнаты Виктории и домработницы я не ходил. Состояние, охватившее меня в лесу у того ручья, понемногу слабело и приходило осознание совершенного. Впервые я попытался уйти еще в второй день после убийства, но кто-то заметил и окликнул меня. В тот раз я решил вернуться в свое убежище.

– Почему вы не взяли деньги, которые хранились в доме?

– Я взял. Единственный раз я зашел в комнату Виктории, чтобы взять в кошельке, так и оставшемся лежать на кровати с моего первого визита, сумму, которой мне не доставало, чтобы добраться до Мюнхена. Я точно не помню сколько, но не очень много.

– А почему вы не взяли остальные деньги?

– Потому что я пришел не за этим.

– Кто-нибудь приходил в течение времени, которое вы

провели на ферме?

– Да. Почтальон каждый день бросал почту в окно кухни, которое я решил не запирать чтобы не вызвать подозрение. Приходили и другие люди. Один из визитеров и вынудил меня уйти...

– Сколько вы пробыли на ферме?

– Четыре ночи, считая ночь, когда убил Груберов.

«Его спугнул Хофнер! Вольфганг все это время просидел прямо над механиком».

– Вы не пытались замести следы?

– Нет. Пятна крови и следы от сапог были везде на полу. Сапоги я вымыл только в лесу, в том самом ручье. Там же вымыл и нож с шестопером. Немного крови попало и на мою одежду – на левый рукав, насколько я помню, но от нее я смог избавиться только в Мюнхене.

– Расскажите про то, как вы покинули ферму.

– С самого утра приехал мужчина. Он долго стучал в дверь. Потом долго ничего не происходило, но я знал, что он остался ждать у двери, так как он насвистывал. После этого он вошел в гараж. Я напрягся, готовясь атаковать, если он каким-то образом сможет меня обнаружить, но он принялся чинить двигатель и возился с ним несколько часов, не отвлекаясь. Я даже смог поспать за это время. Когда он ушел, я понял что не смогу больше скрываться на ферме, так как долгое отсутствие Груберов начинает вызывать подозрения, а значит скоро сюда придут и обязательно найдут трупы в

сарая. Когда это произойдет, лучше быть далеко.

Я собрал свои вещи, взял деньги из кошелька Виктории, выбрался через окно в кухне и ушел в лес. Я оставлял за собой следы на снегу, но с этим ничего нельзя было сделать. Снега было еще много, хотя уже был апрель. Я почистился в ручье и вышел на дорогу, ведущую в Кайфек. Сперва я опасался, что капли крови на одежде будут сильно бросаться в глаза, но никто не обратил на них внимания, видимо сочли за обыкновенную грязь. Я добрался до Кайфека, но в саму деревню не заходил, а сразу пешком пошел в Ингольштадт. Идти было довольно далеко, так что я добрался только к ночи.

– Вы встречали кого-нибудь по пути? Может быть полицейского?

Этот вопрос ничего не решал, но мог окончательно подтвердить правдивость слов Вольфганга.

– Дайте вспомнить. Да! Вы продолжаете удивлять меня степенью собственной осведомленности. Я встретил сломавшуюся машину, в которой сидел полицейский, а его спутник, очевидно, водитель, был занят ремонтом. Я и запомнил-то это только потому, что удивился, что полицейский едет на обыкновенном гражданском автомобиле.

– Как вы нашли вашего брата?

– Это прозвучит странно, но у Ульриха есть удивительное умение. Он умеет оказываться рядом в тот момент, когда ты его ищешь. Я и сам не знаю, как он это проворачивает, но я просто столкнулся с ним в пивной. Я зашел туда, чтобы по-

греться – весь день бродил по Мюнхену и продрог как собака – и увидел его за столиком вместе с несколькими нацистами, у него и у самого на руке была повязка. Я сразу его узнал, несмотря на то, что у него обгорело лицо и полностью изменился голос, а вот он признал меня не сразу.

Я очень благодарен Ульриху, так как если бы не он, я бы умер той весной в мюнхенской подворотне. Он пустил меня пожить в свой дом, он же познакомил меня с тем, что стало новым смыслом моей жизни...

– К вам или к вашему брату приходили полицейские насчет этого дела?

– Нет, во всяком случае, ко мне никто из ваших не приходил. Я удивлялся этому – в доме осталось довольно много моих следов, да и раны от шестопера были очень характерными...

Повисла долгая тишина. Все слова были сказаны, но их осмысление требовало времени. Наконец, Хольгер начал говорить:

– Вам удалось убедить меня в собственной виновности. Вы действительно это совершили. Но я не понимаю, зачем вы рассказали нам об этом? Если вы хотели сознаться в содеянном, то могли просто прийти в полицейское управление и рассказать об этом дежурному полицейскому. Однако вы этого не сделали тогда и, судя по всему, не планировали делать сейчас. Я правильно понимаю, что вы не ждали наш визит?

Вольфганг кивнул, после чего Хольгер продолжил:

– В таком случае, зачем вы признались нам в этом?

Габриель закурил, сделал глубокую затяжку и лишь после этого ответил:

– Вы правы во всем что сказали, оберкомиссар Вюнш – я действительно не планировал обращаться в полицию. Два с половиной месяца назад произошло событие, которое изменит всю историю нашей страны – национал-предателей сменили у власти национал-социалисты. Я тоже внес свою скромную лепту в этот исторический успех, работая во славу Новой Германии последние одиннадцать лет. Начинается Новая эпоха, Новая весна, которая, я надеюсь, будет вечной. Но чтобы эта Новая эпоха наступила нужно очистить страну от шлака и пепла старой эпохи. Наше поколение несет на себе тяжкое бремя поражения. Кто-то из нас сможет найти себе место и будет строить и укреплять Великую Германию, но точно не я. После того, что я совершил, мне в новом мире не должно быть места. Это уже начинает происходить, пусть пока и едва заметно. Скоро штурмовых отрядов, старых товарищей и меня самого не станет – мы выполнили нашу задачу, привели Партию и фюрера к власти. Больше мы не нужны. Теперь нужны строители, а на наших руках слишком много крови, мы не можем строить, мы способны лишь уничтожать. Я планировал дождаться момента, когда на нас начнут охоту, и достойно принять свою судьбу, но вы пришли раньше и изменили мои планы.

– То есть вы хотите сдаться?

– Нет. Есть некоторые люди, среди них и мой брат Ульрих, и многие другие для кого я героический ветеран, образцовый нацист, настоящий ариец. Они не знают о существовании зверя, которого я иногда вижу в зеркале по утрам, и я не хочу, чтобы они узнали. Разочарование в том, во что веришь, всегда очень болезненно. Поэтому сдаваться я не планирую.

И, опережая ваш вопрос, как я уже ранее сказал – если вам удастся меня арестовать, я буду все отрицать и не дам признательных показаний. Доказательств у вас против меня нет, а от орудий убийства я давно избавился, поэтому в камере я не задержусь. Вы, возможно, будете протестовать, даже пригрозите отставкой, но моя организация пока еще очень влиятельна – в итоге меня все равно отпустят.

– Вас видели.

– И кто же?

Вюнш припомнил слова полицмейстера Рауша про грязного бродягу со шраминой на пол лица, которого тот видел, когда добирался до Хинтеркафека. Сомнений в том, что этим бродягой был Вольфганг Габриель, у Хольгера не было.

– Тот самый полицейский, который сидел в гражданском автомобиле.

– А вы уверены, что он видел именно меня? Что еще важнее, а он сам будет в этом уверен? Одиннадцать лет назад, в потемках, в течение очень недолгого времени – сможет ли ваш полицейский однозначно узнать меня в том, кого он ви-

дел тогда? Нет, оберкомиссар Вюнш, у вас на меня ничего нет.

Хольгер отчаянно пытался найти лазейку в словах Вольфганга, но не находил. В итоге он спросил:

– Так чего вы от нас хотите, господин Габриель?

– Я хочу, чтобы вы убили меня, оберкомиссар Вюнш.

Слова Вольфганга повисли в кабинете вместе с папиросным дымом.

– Я не очень понимаю...

– Завтра в восемь часов утра на Мессерштрассе – это тихая улочка на западной окраине города – кто-то из вас застрелит меня, а тело бросит в протекающую рядом реку, инсценировав самоубийство. Сами решайте, кто это будет, но что-то мне подсказывает, что завтра я увижу там вас, оберкомиссар Вюнш. За сегодняшний день я приведу дела в порядок и составлю предсмертную записку, в которой буду жаловаться на усталость и хронические боли в ноге.

– Откуда нам знать, что вы не блефуете и не сбежите, стоит нам уйти или, что того кто завтра придет на Мессерштрассе не будет ждать засада?

– Неоткуда. Вам придется мне поверить. По большому счету у вас нет выбора, вернее, он есть – вы можете не приходить вовсе, но тогда вы оставите убийцу шестерых человек безнаказанным.

Голос Франца прозвучал тихо, но отчетливо:

– А что если я убью вас прямо сейчас?

– А зачем вам это, молодой человек? Я предоставляю возможность убить меня без большого риска для вас, а вы вместо этого хотите, чтобы мой труп обнаружили в моем кабинете, без предсмертной записки, сразу после визита полицейских. Вы горячи сейчас и не рассуждаете логично, но ваш коллега, надеюсь, сможет удержать вас от необдуманных действий, как он делал это последний час.

– Почему вы сами не можете убить себя?

– Потому, что боюсь. Боюсь, что рука дрогнет в последний момент. Человек я или зверь, но у меня есть инстинкт самосохранения и я не хочу, чтобы он помешал мне.

Вольфганг все предусмотрел и Хольгера он прочитал мастерски. Если не было способа предать Габриеля суду, Вюнш готов был пойти на его убийство. Хольгер не видел иного выхода для себя, кроме как согласиться:

– Хорошо, господин Габриель, я согласен. Завтра в восемь утра на Мессерштрассе. Я хочу вас предупредить, Вольфганг: если вас там не будет, если вы решите обмануть меня – я найду вас. Я осушу все моря, если вы решите залечь на дно, вырублю все леса, если вы решите уйти в них. Вы до конца своей жизни будете оглядываться, ожидая увидеть меня. Вы поняли меня, Вольфганг?

– Да, оберкомиссар Вюнш. Поберегите моря и деревья – они ни в чем не виноваты. Я буду завтра там.

В разговор вновь вступил Франц. Он уже немного успокоился:

– Вы раскаиваетесь в том, что совершили?

– До 24-го года я не испытывал ничего. Я и сейчас не уверен, что испытываю это чувство, скорее понимаю умом, что должен раскаиваться. Хотя иногда во снах я вижу Викторию с моей племянницей, ту несчастную хромоногую женщину и младенца. Что касается Андреаса и Цицилии – я не чувствую и не собираюсь чувствовать вину за их смерть. Вы удовлетворены, молодой человек?

Майер отрицательно помотал головой. Хольгер встал и протянул руку Вольфгангу:

– Поклянитесь, что будете завтра на Мессерштрассе в восемь утра, один и без оружия.

– Оставьте это, оберкомиссар, я буду там. Впрочем, если вам так хочется... Клянусь именем своего отца, своей матери, своих братьев, своей душой и своей Родиной, что буду завтра там.

Глава 37

Этой весной в Нюрнберге

– Нельзя этого делать!

– Можно.

Стоило им отъехать от дома Вольфганга, как Майер начал убеждать Вюнша в том, что тот зря согласился на условия убийцы.

– Почему вы решили, что он не соврал?

Хольгер вспомнил, как они уходили из кабинета Вольфганга. Тот остался сидеть в полутьме, освещаемый лишь светом лампы. Он показался Вюншу очень одиноким и уставшим. «Габриель придет завтра. Без сомнения».

– Потому что он поклялся в этом.

– Да вы что, серьезно, что ли?! Мы ведь не школьники – он вполне мог соврать!

Хольгер не хотел спорить. Он принял решение и собирался воплотить его в жизнь независимо от того, удастся ему убедить Франца в своей правоте или нет. Все же грубить Майеру Вюнш не хотел, поэтому и продолжал этот разговор:

– Мог, но тогда я действительно достану его из-под земли. Кроме того, что вы предлагаете, Франц? Арестовать мы его не можем, доказать, что он убийца без его признания тоже, а отпускать его я не собираюсь.

– Я не говорю, что его надо отпустить, но почему мы не можем арестовать и как следует... обработать его в камере?

«Это его в Париже таким методам ведения расследования научили?..»

– Он не расколется, а мы вылетим с работы.

Франц был необычайно эмоционален:

– Да почему не расколется?!

– Потому, что такие люди не раскалываются. Поверьте моему опыту, Франц. А учитывая то обстоятельство, что Вольфганг является штурмовиком и, судя по его дому, не самым последним штурмовиком, мы огребем очень много по-

следствий, стоит нам только надеть на него наручники.

– Вы что, боитесь?!

Это начинало выходить из-под контроля – Хольгер не без труда подавил волну гнева.

– Да вы что, Франц?..

Майер, поняв, что зашел за край, даже покраснел от смущения:

– Простите.

– Забудем. Я уверен, что он придет, и я уверен, что он не солгал нам сегодня ни о чем. Вольфганг дал нам шанс остановить его, так почему мы должны от этого шанса отказываться?

– Может быть, установить за ним слежку, вдруг его что-то выдаст?

– Нет, не выдаст. Как он сказал, от орудий преступления он избавился. Да и... Габриель прожил одиннадцать лет, ничем себя не выдав. С чего бы ему давать нам шанс арестовать его сейчас? Тем более учитывая, что он сможет сложить два и два и поймет, что если я не пришел на встречу, значит, за ним установлена слежка. И еще, Франц, в конце этой недели Калле... то есть, оберст Иберсбергер перекинет вас на другое дело, да и мне работать над ним больше месяца не дадут, так что шансов, что мы сможем что-то узнать благодаря слежке, практически нет.

Хольгер начинал побеждать. Майер искал все новые варианты, но все они либо вообще не годились, либо были на-

много хуже того, который предложил Вольфганг. Наконец Франц сдался:

– Хорошо. Мне это не нравится, но вы правы. Куда мы сейчас едем?

– Мне нет смысла возвращаться в Мюнхен сегодня, поэтому сейчас я везу вас на вокзал.

– Простите, оберкомиссар Вюнш, но я не оставлю вас одного.

– Оставьте, Франц. Вы сядете на поезд, приедете в Мюнхен к вечеру сегодняшнего дня, посветитесь перед несколькими знакомыми, желательно зайти в Управление, чтобы Пауль вас увидел – он все запоминает. Может быть, стоит и в пивную зайти, чтобы вас кто-нибудь там запомнил. Я даже хотел бы попросить вас зайти в «Охотника» и предупредить девушку с каштановыми волосами, которая будет сидеть за столиком у окна справа от входа, что я сегодня не смогу прийти и чтобы она меня не ждала. Ее зовут Хелена, Хелена Кренц. Сделаете это, Франц?

– Я мог бы помочь вам, если что-то пойдет не так...

– Вольфганг сказал, что ждет только одного из нас, поэтому если мы приедем вдвоем, он может начать нервничать. Кроме того, если что-то действительно пойдет не так и о нашей сделке станет известно, к вам нельзя будет предъявить никаких претензий и у вас будет алиби.

Франц хотел снова начать спорить, но по взгляду Вюнша понял, что это бесполезно и кивнул, не сказав, больше, ни

слова, пока они добирались на вокзал.

Вокзальные часы показывали без пятнадцати минут час дня, а значит, до отправления поезда на Мюнхен оставалось двадцать минут. Полицейские сидели в привокзальном ресторане, который Хольгер назвал бы русско-французским словечком «бистро». Майер прикончил шницель и теперь потягивал кофе.

– Будьте осторожны, оберкомиссар Вюнш.

– Конечно, Франц, как и всегда.

В глазах Майера вдруг промелькнул испуг, как будто он увидел призрака:

– Скажите мне, оберкомиссар Вюнш, вы ведь не планируете его отпустить?

Хольгер задал себе этот вопрос, еще сидя в кабинете Габриеля. Тогда на ответ у него ушла примерно минута:

– Нет, не планирую. То, что пережил Вольфганг, пережили многие, но не все утратили человечность. Я тоже видел много смерти и несправедливости, но это совершенно не дает мне права убивать людей. Он много говорил об армии, о том, сколько он сделал для Германии и чем для нее пожертвовал, но солдат не должен воевать против собственного народа – это полностью обесценивает его жертву. Нельзя к мирной жизни подходить как к фронту. Нельзя мирных людей судить военными мерками. У Груберов было много грехов, но они совершенно не были виноваты в том, что Вольфганг так и не смог вернуться с Войны... Я не отпущу его,

Франц.

Майер пристально посмотрел в глаза старшего коллеги, пытаясь уловить в них неискренность, но ничего похожего не нашел, поэтому кивнул и отпил кофе.

Через пятнадцать минут Майер сидел в вагоне. Хольгер дождался пока поезд отойдет от перрона, чтобы Франц не сошел с него раньше времени. Поезд шел как экспресс, поэтому до Мюнхена остановок не было. Теперь, когда за Майера можно было не беспокоиться, Вюнш поехал в гостиницу. Чтобы не переплачивать он решил не останавливаться ни в центре, ни в привокзальной гостинице. Нашел на карте заведение с названием «Белая башня» и отправился в его сторону. «Белая башня» оказалась средней руки гостиницей, но Хольгер был неприхотлив. Взяв номер, Вюнш отправился на Мессерштрассе, чтобы осмотреть место, где завтра предстояло встретиться с Вольфгангом.

Габриель не соврал – Мессерштрассе была безлюдной улочкой на западной окраине города, на которой жилых домов-то было всего несколько и вид они имели весьма непрезентабельный. В основном на улице располагались склады и какие-то гаражи, большинство из которых было заперто на ключ, несмотря на будний день. Небольшая неухоженная набережная реки Пегниц, очевидно, и должна была стать местом их встречи. Пегниц был неширокой, медленной рекой, которая в том месте, где располагалась Мессерштрассе, уже вытекала из города, а потому была довольно грязной. «В та-

кой медленной воде труп быстро найдут» – прикинул про себя Вюнш.

Несмотря на то, что у него была еще половина дня в запасе, Хольгер решил вернуться в гостиницу, оставив осмотр достопримечательностей города Нюрнберга на другой раз. В течение следующих трех часов Вюнш принял ванну, пообедал и набросал письмо Хелене, которое передал портье с просьбой переслать его по адресу ее квартиры в Мюнхене, если он не придет в течение суток.

Вечером, сидя в зале ресторана при гостинице за кружкой не самого лучшего в его жизни пива, Вюнш занес в свою записную книгу содержание разговора с Габриелем. Несмотря на то, что официальный рапорт об окончании расследования никогда не будет подан, он отчеркнул свои записи по делу №44518 и подписал: «Дело раскрыто, в суд не передано». В своей книге Хольгер написал без утайки обо всем, что знал об этом деле. Так как официальным документом его журнал не был, в случае если бы он попал в чужие руки, Вюнш мог бы сказать, что в журнале лишь его домыслы. К одиннадцати часам Вюнш уже спал, предварительно попросив портье разбудить его в половину седьмого.

Утро выдалось туманным. Хольгер ехал по направлению к Мессерштрассе. По его подсчетам, он успевал туда за пять-десять минут до назначенного Вольфгангом срока. Туман был практически непроглядным, и Вюншу приходилось ехать не спеша, чтобы ненароком не сбить кого-нибудь, не

заметив вовремя.

Когда он уже выехал на нужную улицу и приближался к набережной, раздался одинокий хлопок. Этот хлопок мог быть чем угодно, например, автомобильным выхлопом, но Хольгер слишком много таких хлопков слышал в своей жизни, чтобы не узнать в нем звук выстрела. Он придавил педаль газа. В его голове метались мысли: «Неужели он все-таки решился на самоубийство? Или это вообще не имеет отношения к Вольфгангу? Какие-то криминальные разборки? Район самый подходящий для них...». Вюнш остановил автомобиль, немного не доезжая до набережной. «Проверить обойму, зарядить пистолет, взвести, снять с предохранителя» – он проверил свой Люгер и, не убирая его в кобуру, вышел из машины.

Хольгер шел, ориентируясь на звук. Где-то зашумел двигатель автомобиля, но из-за тумана трудно было определить как направление, так и расстояние до источника звука. Вюнш уловил легкий запах, которому здесь не было места. Он осмотрелся, ища возможный источник, но ожидаемо не увидел ничего, что могло источать запах карамели. Хольгер отогнал от себя наваждение и направился дальше. Вскоре он увидел очертания еще одного авто, но, когда подошел поближе, понял, что в салоне никого нет. «Возможно, это его машина». Где-то слева, со стороны реки раздался звук, будто в воду упало что-то тяжелое.

Наконец, Вюнш увидел человеческий силуэт. Человек

стоял, переминаясь с ноги на ногу, будто дожидался чего-то. Он то и дело подносил одну руку к лицу, очевидно, курил. Хольгер оценил его фигуру и понял, что это вряд ли мог быть Вольфганг Габриель – слишком высокий и затягивался, держа сигарету правой рукой. Несмотря на это, расслабляться Вюнш не спешил. Человек тоже заметил Хольгера и повернулся к нему грудью. В тумане прозвучал бодрый зычный голос:

– Доброе утро! Вы, наверное, оберкомиссар Вюнш.

– А вы кто? Только без резких движений! Я вооружен.

– Штурмфюрер СС Карл Вольф, секретарь полицейпрезидента Мюнхена Гимmlера. Если вы разрешите подойти, то я смогу предъявить вам свои документы.

Хольгер был не просто удивлен, он был в изумлении: «Что здесь делает секретарь Гимmlера и откуда он знал, что я тоже здесь окажусь?». Вюнш стер со своего лица удивленное выражение и разрешил Вольфу подойти. Тот был одет во все черное, на его плече была повязка со свастикой, а на голове фуражка с кокардой в виде Мертвой головы⁵⁷. Он был широкоплеч и высок, и более подходил на роль телохранителя, а не секретаря. По его лицу гуляла полуулыбка, которая резко контрастировала с колючим и внимательным взглядом.

– Что вы здесь делаете в такой час, господин Вольф?

– Я решил проблему с господином Габриелем...

Детали мозаики, только что абсолютно разрозненные,

⁵⁷ Мертвая голова – стилизованное изображение человеческого черепа.

вдруг, как по волшебству, легли на свои места, выстроившись в цельное изображение. Хольгер поставил пистолет на предохранитель, вложил его в кобуру и тяжело вздохнул. Последние две с половиной недели были очень утомительными.

Глава 38

Разрубленный узел

– Франц Майер вам рассказал.

Хольгер утверждал, а не спрашивал, но Вольф все равно ответил:

– Да.

– Он с самого начала докладывал полицейпрезиденту Гиммлеру о ходе расследования?

– Нет. Пришел вчера вечером и стал требовать встречи с рейхсфюрером⁵⁸... простите, с полицейпрезидентом. Господин Гиммлер с самого первого дня на этой должности уделял повышенное внимание делу №44518, поэтому принял вашего коллегу, а после отправил меня сюда.

– Я, кстати, хочу спросить, откуда у него такой интерес именно к этому делу?

– Спросите лично, если представится возможность – он ждет ваш отчет.

– С Вольфгангом все прошло гладко?

⁵⁸ Рейхсфюрер СС – первоначально специальная должность, а затем высшее звание в СС.

– Да. Он был удивлен, что встретил не вас, но принял смерть спокойно.

– А тело?

– В реке.

Хольгер закурил. «В конце концов, все вышло не так уж плохо. Вольфганг Габриель получил по заслугам, а мне не пришлось брать на себя убийство». Вопрос Вольфа отвлек его от размышлений:

– Вы на машине?

– Да, а что?

– Моя сломалась в нескольких кварталах отсюда – бензобак где-то пробил. Не могли бы вы оказать мне услугу и подбросить до Мюнхена?

– А эту просто оставите на улице?

Вюнш был удивлен подобной безалаберности.

– Нет, она служебная. Скоро ее заберут и доставят в Мюнхен.

– Хорошо, но только мне нужно заехать в гостиницу и забрать оттуда кое-что, а потом необходимо будет заправиться.

– Для меня так даже лучше. Я позвоню из гостиницы, чтобы об автомобиле позаботились.

Через час с небольшим черный Wanderer Хольгера ехал в сторону Мюнхена. Вольф, который всю ночь провел без сна, клевал носом. Вюншу не давал покоя один вопрос, и он не мог его не задать:

– Почему полицейспрезидент Гиммлер приказал вам убить

Вольфганга Габриеля?

– Потому, что он начальник. У него работа такая – приказывать. А моя работа – его приказы выполнять, а не спрашивать его о мотивах.

– Вы хотя бы знаете, что совершил Вольфганг?

– Да, убил шестерых человек...

Вольф провалился в сон и проснулся, только когда они подъезжали к Мюнхену. Когда машина въехала в город, он спросил:

– Вы сразу в Управление?

– Да, планировал сразу отчитаться перед полицайпрезидентом. Вы же сами сказали, что он меня ждет.

– Хорошо. Только, скорее всего, вам придется подождать – у рейхс... у полицайпрезидента в это время должно быть заседание начальников отделов. Я вас вызову, когда он будет готов вас принять.

Они прошли через двери Управления и разошлись в разные стороны. Вюнш, прежде всего, зашел в пятьдесят шестой кабинет, где было рабочее место Майера. Тот сидел за небольшим столом и что-то писал.

– Доброе утро, Франц.

Майер поднял на него взгляд. На его лице появилось какое-то отчаянное выражение, будто он готовился встречать мощный порыв ветра или прыгать в воду с трамплина. Хольгера это позабавило. Вслух же Франц произнес:

– Доброе утро, оберкомиссар Вюнш, как все прошло?

В комнате были другие люди, поэтому пришлось перейти на язык недомолвок и полусмыслов.

– Все сложилось наилучшим образом.

– Вы не злитесь на меня?

– Отнюдь. Вы проявили инициативу и оказались правы.

Хорошо, что все закончилось именно так.

Хольгер мотнул головой в ту сторону, где располагался его кабинет, Майер кивнул, соглашаясь. В кабинете Вюнша ничего не изменилось, как и было положено. На лице Хольгера появилась легкая улыбка – ему пришло в голову, что у его кабинета много общего с кабинетом Вольфганга Габриеля. Вюнш закурил и посмотрел на Франца. Тот явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Я, правда, не злюсь. Вы все сделали правильно. Вольф убил Габриеля. Как я могу судить, для него это было не первое подобное поручение. Так или иначе, официально дело мы не раскрыли, но зато преступник получил по заслугам, а никто из нас не оказался замешан в его убийстве напрямую. Признаться, я планирую, как следует, за это выпить, но вечером – у меня еще сегодня разговор с Гиммлером.

Майер немного расслабился, но явно прибывал не в лучшем расположении духа.

– Франц, а вы чего такой смурной?

– Не знаю... Часто у вас так заканчивается расследование?

– Бывает, хотя, конечно, с первым делом вам не повезло... Посмотрите на это с другой стороны: мы смогли нака-

зять убийцу, попутно вычистив мошенника и его прихлебателей – минус две язвы на теле общества. Разве не для этого нужна полиция?

– Вы правы, но ведь наша задача – передавать преступника суду, а не судить его самим. Я понимаю, что в данном случае это было невозможно, но все равно... Чувство как-будто мы не лучше тех, за кем охотимся.

– Ну, лично я не убивал шесть человек, в том числе трех женщин и двух детей, да и людей из их домов в декабрьскую ночь не выгонял. А вы?

Франц помотал головой, словно не заметив иронии в словах Вюнша. «Ничего. Такое с каждым хотя бы раз бывает...» Хольгер хотел хоть как-то подбодрить поникшего коллегу и поэтому решил его похвалить:

– Между прочим, Франц, вы здорово себя проявили. Такими темпами повышение будет вашим через год, максимум два. Вы умны, начитанны, обладаете хорошей дедукцией, вам известны методы расследования, которые неизвестны мне и, только это между нами, даже оберсту Иберсбергеру. Я очень рад, что мне довелось с вами работать и надеюсь, что доведется впредь. Только не загордитесь.

Вюнш широко улыбнулся и протянул Майеру руку. Тот пожал ее. Похвала немного подняла ему настроение.

– Знаете, Франц, раньше я часто сомневался в том, что наша работа действительно делает мир лучше. На самом деле я до сих пор в этом не уверен. В такие моменты сомнений

я стараюсь вспоминать не тех, кого убили, а тех, кого смогли спасти. В Хинтеркайфеке никто не спасся, но Франц, езжайте в Кайфек, посмотрите в ясные глаза Хельги Шлиттенбауэр и подумайте о том, что вы, пускай и не официально, но все-же сняли с ее отца тень подозрения, тянувшуюся за ним последние одиннадцать лет. Так и скажите ей, да и ему тоже, что вы знаете, что Лоренц невиновен в этом убийстве.

– Но откуда вы...

– Оттуда, что я служу в полиции уже девять лет, из которых шесть – следователем, а у вас из нагрудного кармана пиджака выглядывает ее шпилька для волос.

Удивление на лице Майера сменилось смущением.

– Я серьезно, Франц, съездите туда, а потом возвращайтесь. Нас ждет много работы.

Когда за Майером закрылась дверь, Хольгер откинулся на спинку стула, вновь закурил и прикрыл глаза. Воодушевление других людей всегда давалось ему с большим трудом.

Вскоре за Вюншем пришел Вольф. Свежеиспеченный начальник Мюнхенской полиции Генрих Гиммлер был худощав, невысок, носил очки и всем своим видом производил впечатление писаря или секретаря при бургомистре какого-нибудь маленького городка. Это впечатление не могла сгладить даже черная форма СС, которую он носил вместо полицейского мундира. Речь Гиммлера была тиха и отрывиста. Он внимательно выслушал рассказ Хольгера о ходе расследования, не перебивая и неотрывно глядя на него сквозь

стекла очков.

– Хорошая работа, оберкомиссар Вюнш. – произнес он, когда Хольгер закончил – Я представлю вас с Майером к поощрению. Не беспокойтесь насчет того, что дело осталось нераскрытым. Я позабочусь, чтобы это не имело для вас отрицательных последствий. Не стоит распространяться о том, как завершилось ваше расследование. Тем более о моей роли в нем или о роли Вольфа. Надеюсь, вы еще не раз принесете пользу государству. У вас есть вопросы?

– Да, если позволите, два. Почему вы с таким вниманием отнеслись к этому делу?

– Я читал о нем в газетах еще тогда в 22-м году. Меня заинтриговали как обстоятельства убийства, так и личность преступника. Дело так и осталось нераскрытым, что меня разочаровало. Когда меня назначили полицейпрезидентом Мюнхена, я вспомнил об этом деле и решил отдать его на доследование. Я ни на что особенно не рассчитывал, однако первая же неделя вашей работы убедила меня, что убийца может быть найден. А какой второй вопрос?

– Почему вы решили отправить в Нюрнберг господина Вольфа?

– Потому, что полицейский детектив из моего ведомства намеревался совершить убийство. Полицейский должен быть чист перед законом. Если это не так, значит, это плохой полицейский или плохой закон.

Гиммлер замолчал, однако взгляд его, как и прежде, был

направлен на Хольгера. Наконец, он вновь заговорил:

– Оберкомиссар Вюнш, как вы относитесь к нашей борьбе и к нашему фюреру?

«Так, теперь ты стоишь на очень тонком льду, поэтому ступай как можно более осторожно» – внутренний голос давал дельный совет. Хольгер взвесил каждый возможный вариант, после чего ответил:

– С уважением.

– Но в нашей партии не состоите.

Гиммлер не спрашивал. Личное дело Вюнша вполне могло лежать у него в столе, и полицейспрезидент, скорее всего, прекрасно знал каждую деталь биографии Хольгера.

– Нет, не состою.

– Это принципиальная позиция для вас?

– На данный момент, да.

– Я хочу предложить вам должность в новой политической полиции. Далее, если ваша работа будет устраивать меня, я готов предложить вам вступить в СС. Это откроет перед вами хорошие перспективы, а нам нужны такие люди как вы – настоящие немцы готовые на все ради достижения цели. Для этого вам нужно вступить в НСДАП и, разумеется, подтвердить чистоту своей крови. Комиссар Майер получил такое же предложение и обещал его рассмотреть.

– Хорошо, господин полицейспрезидент, я подумаю. Разрешите идти?

– Да, идите. Занесите дело №44518 Вольфу, он сдаст его

в наш архив. Доброго дня, оберкомиссар Вюнш. Подумайте над моим предложением...

Глава 39

Новая жизнь

– Черт возьми, Хольгер, да проснись же ты!

– Да... Я здесь... Я проснулся. Неужели я опять кричал?

Хелена рывком села в кровати и взгляду Вюнша представила ее обнаженная спина. Родинка на правом плече была на месте. Он положил руку ей на спину и провел сверху вниз.

– Прости меня.

– Ты опять ничего не помнишь?

– Нет.

Вюнш встал и закурил, открыв настежь окно. Он повернулся к Хелене и увидел, что она неотрывно следит за ним взглядом. Хольгер любил ее спину и плечи, равно как и ее волосы, и ее лицо, по которому нельзя было определить возраст наверняка. Вопреки воле Вюнша, слова вылетели из его рта, повиснув в воздухе:

– Я солгал. Я запоминаю почти все свои кошмары.

Она закрыла глаза, а после этого положила руки на свое лицо, как бы прячась от него. Так прошла минута, а за ней еще одна. Вдруг Хелена оторвала руки от лица:

– Тогда расскажи мне.

– А ты уверена, что хочешь этого?

– Я хочу, чтобы ты перестал мучиться.

«В конце концов, почему бы и нет...» – Хольгер закурил вторую папиросу от окурка и начал:

– Это было поздней осенью, в самом конце ноября 18-го года. Я вернулся в Берлин. Вышел из поезда и не узнал людей вокруг. За четыре года люди изменились до неузнаваемости, или, может быть, это я изменился. Не было больше моего Берлина – города, в котором я вырос, и в который я все время возвращаюсь, но никак не могу вернуться.

Я вышел из здания вокзала и удивился грязи и... пыльности, что ли. Не знаю, как это объяснить. Вокруг сновали люди, многие были в военной форме, многие улыбались, но даже улыбки были печальны и усталы. Недалеко от вокзала был кабачок. Я не помнил его, мне кажется, до Войны его не было. Я понял, что не проживу больше ни минуты без родного берлинского пива и зашел в этот кабачок. Это было не просто пиво. Я уверен, что Бог пьет именно это по вечерам. Я осушил кружку в считанные мгновения, даже не заметив, и тут же заказал вторую. Уже не помню, откуда у меня были деньги. Вторую кружку я пил уже медленно, растягивая удовольствие, и смотрел на людей. Ты видела меня в подпитии, знаешь, что я люблю иногда просто пялиться вокруг.

В пивную вошли несколько парней. Они были молоды – наверное, им было столько же, сколько и мне, но тогда мне показалось, что я старше лет на десять. У них были красные повязки на рукавах, а у некоторых они были прикреплены на

грудь. Я не помню точно, сколько их было – четверо, может, пятеро. Они были безобразно пьяны. Начали шуметь. Один из них толкнул меня случайно, но отчего-то решил, что это я его толкнул.

Я был в лейтенантской форме. Он разглядел это и решил взять меня на испуг. Вытащил откуда-то Наган и начал трясти им у меня перед носом. У него руки ходуном ходили. Я пытался не реагировать, собрался уходить, но он сказал то, чего я не мог стерпеть – оскорбил моих родителей. Помню, его дружки захохотали.

Я резко развернулся и врезал прямо по его пьяной роже, а потом, пока они не успели прийти в себя, выхватил свой пистолет. Я разбил ему нос, на пол закапала кровь, а его дружки остолбенели. Я сплюнул и приказал ему петь «Der gute Kamerad»⁵⁹. Кто-то из посетителей попросил отпустить их, мол, обычные пьяные дети, но я перегородил им выход и сказал, что пока он не споет «Der gute Kamerad», я никого не выпущу. Один из них, самый глупый, крикнул, что я не стану стрелять. Тогда я прострелил фотографию какой-то женщины, висевшую прямо за его спиной. Звук выстрела мог привлечь внимание прохожих, а женщина могла быть чьей-то матерью или супругой, но мне было плевать – эти ребята всерьез меня разозлили. После этого тот, с разбитым носом,

⁵⁹ Der gute Kamerad (рус. Хороший товарищ) – немецкий похоронный марш. Исполняется на похоронах солдат немецкой, австрийской, чилийской армии, Французского иностранного легиона, а так же на похоронах пожарных погибших при исполнении служебного долга в Германии.

начал гундосить:

Ich hatt' einen Kameraden,

Einen bessern findest du nit.

Die Trommel schlug zum Streite,

Er ging an meiner Seite

In gleichem Schritt und Tritt...⁶⁰

Он пропел первый куплет, а дальше не смог. Я увидел, что у него намокли штаны, а на полу растекается лужа. Меня тогда передернуло от отвращения. Я отошел с их пути и велел им проваливать.

Через пять минут, расплатившись за пиво и за испорченный портрет, я тоже вышел на улицу. Я помню, что улыбнулся. Тогда мне казалось, что начинается новая жизнь...

Хольгер замолчал. Из окна дуло, и он закрыл его. Хелена искала своими глазами его глаза. Когда ей удалось их найти, он произнес:

– Наверное, я плохой человек.

– Нет, ты не плохой, просто ты видел слишком много пло-

⁶⁰ Перевод В. А. Жуковского: *Был у меня товарищ, Уж прямо брат родной. Удалили тревогу, С ним дружным шагом, в ногу Пошли мы в жаркий бой...*

хого. Ложись и постарайся уснуть, до утра еще далеко.

Эпилог

Вена. 31 декабря 1939 года.

Падал снег. Венские улицы были припорошены им. Хелена держалась за локоть Хольгера, опасаясь поскользнуться. Они подходили к зданию Венского музыкального общества, где сегодня должен был пройти концерт местного симфонического оркестра.

Вюнш, всегда с любовью относившийся к музыке, решил приехать в Вену – самый музыкальный город мира – на Рождество. Они с Хеленой давно никуда не выбирались, и Хольгер чувствовал себя немного виноватым перед ней.

Неделя в австрийской столице пролетела как красивый сон. Они побывали в Хофбурге, где видели корону и меч императоров Священной Римской Империи Германской нации. Видели они и наконечник копья, которым, по легенде, была нанесена смертельная рана Христу. Вюнш долго вглядывался в него, но так и не смог избавиться от сомнения, что этому наконечнику действительно было почти две тысячи лет. Не забыли они прогуляться и по знаменитому парку Пратер, а также осмотреть Собор Святого Стефана.

Вишенкой на этом торте, главной целью посещения Вены для Хольгера был благотворительный концерт, устраиваемый по программе зимней помощи бедным. Венский симфо-

нический оркестр, Вильгельм Фуртвенглер с дирижерской палочкой, великая музыка семейства Штраусов, Моцарта, Шуберта, Николаи и многих других, многокрылые вальсы, стремительные мазурки, торжественные марши, наконец, сама Вена, ставшая южной жемчужиной в ожерелье городов Германского Рейха.

Хольгер был особенно рад, что хворь, навалившаяся на Хелену в последние пару дней, отступила, позволив ей составить ему компанию. Беременность давалась ей тяжело. Ее легкое тело с трудом справлялось с созданием новой жизни. Больше всего страданий Хелене приносили боли в спине. Вюнш как мог, пытался ей помочь, но силы его были не безграничны.

Они вошли в широкий холл и погрузились в мир мрамора, скульптуры и позолоты. Не обошлось, разумеется, без знамен со свастикой. Роскошная хрустальная люстра ярко освещала это интерьерное великолепие. Хольгер на мгновение остановился, чтобы окинуть взглядом узоры на стенах и потолке. Хелена тоже смотрела вокруг с изумлением.

Концерт вызвал большой интерес у публики. Вюнш видел как людей в форме, так и гражданских. Ему бросились в глаза Железные кресты на груди совсем молодых парней, стоявших небольшой компанией и заразительно смеявшихся над чем-то. Эти ребята были детьми, когда закончилась Великая война и никак не могли служить на ней. «А вот и первые плоды новой войны...» – подумал Хольгер с некоторой грустью.

Они сдали вещи в гардероб, и Вюнш в очередной уже раз залюбовался своей супругой. Хелена была в вечернем платье, которое получила из ателье аккурат перед отъездом. Вышло не дешево, но она заявила, что без выходного платья в Вену не поедет. Впрочем, Хольгер не особенно собирался с ней спорить. Платье, специально сшитое для того чтобы носить его во время беременности, было сработано настоящим мастером – оно не пыталось спрятать живот, а, напротив, подчеркивало его, делая частью образа. Вюнш не удержался и поцеловал ее.

– Ты чего?

– Ничего. Просто ты очень красивая.

– Лжешь...

– Нет, не лгу. Нравится платье?

– Да, удобное, а смотрится как?

– Превосходно!

Они прошли в концертный зал, называемый за обилие позолоты Золотым залом. Зал превосходил холл своим великолепием и роскошью, а венчали эту красоту трубы органа закрытого, правда, в значительной степени большим полотнищем со свастикой. «Жаль, что сегодня нет органной музыки...». Хольгер с превеликим интересом вглядывался в очертания этого могучего инструмента.

Ему не удалось достать билеты на балкон, поэтому пришлось довольствоваться местами в зале, но Вюнш не расстраивался по этому поводу, так как места были отличные

– почти ровно по центру, не очень далеко, но и не совсем близко от сцены.

До концерта оставалось пятнадцать минут, но люди уже начинали занимать свои места. Хольгер узнал в толпе мужчину и женщину, пробиравшихся в их с Хеленой сторону, и не смог сдержать улыбку:

– Добрый вечер, Франц! Вот это встреча!

Майер ничуть не изменился за те три года, что Вюнш его не видел, разве что немного заматерел. Он принял предложение Гимmlера и перешел в ГЕСТАПО сразу с момента ее создания. Через год вступил в СС, а три года назад был переведен в Берлин.

Хольгеру до сих пор было немного досадно, что им не довелось больше поработать вместе. Репутация Майера крепла с каждым днем и шла впереди него, а его звание уже было выше, чем у Вюнша. «Ну и хорошо» – Хольгер искренне радовался успехам Франца и не без гордости вспоминал что, пусть и немного, но поучаствовал в его становлении как полицейского.

– Оберкомиссар Вюнш! Вы и впрямь счастливчик, хотя, в данном случае скорее я. И вы здесь, фрау Вюнш! Очень рад нашей встрече! О, да вы ждете пополнение! Примите мои поздравления!

– Добрый вечер, господин Майер. И вам, фрау Майер. Спасибо за поздравления.

Хельга Майер смотрела на мир все тем же пронзительным

взглядом, как и в тот вечер, когда вымокшие под дождем Хольгер и Франц впервые ее увидели. Она улыбнулась Хелене и продолжила давний разговор:

– Когда вы уже, наконец, начнете обращаться ко мне Хельга, а к нему Франц?

Хелена тоже улыбнулась и достойно ответила:

– Когда вы станете обращаться ко мне Хелена.

Вюнш и Майер между тем жали друг другу руки.

– Три года?

– Чуть меньше, два с половиной.

– Как дела в Берлине?

– Много работы, много людей и совсем мало времени – все как всегда.

Хольгер молча кивнул, а затем предложил:

– Может быть, после концерта поужинаем вчетвером? Мы с Хеленой здесь уже больше недели и нашли неплохой ресторанчик. Там даже есть пиво, которое почти не кажется мочой, наверное, лучшее в Австрии.

– Договорились. С большим удовольствием.

– Не знал, что вы поклонник классической музыки, Франц.

– Я, скорее, равнодушен, а вот Хельга обожает вальсы. Она меня долго убеждала приехать.

– Как поживают фрау Лагард и юная Стефания?

В 34-м году Майер исполнил свое желание перевести сестру и племянницу в Германию. Хольгер пару раз общался с

темноволосой – в отца – Стефанией и твердо уверился, что эта женская версия Франца имеет хорошее будущее. «Сейчас ей должно быть уже... шестнадцать...» – Вюнш провел в уме нехитрые вычисления.

– У Марии все нормально, а Стефания с головой погрузилась в дела Союза немецких девушек и на хорошем счету.

– Продолжает заниматься живописью?

Стефании Лагард очень неплохо удавались пейзажи и изображения животных.

– Да, но уже меньше – много времени уходит на учебу и на дела Союза... А вам скоро слать поздравительные открытки?

Хольгер недоуменно посмотрел на Франца, но быстро понял, о чем он:

– Через три месяца. Если, конечно, все будет хорошо.

– Имя уже придумали?

– Да. Решили, что если мальчик родится, Хелена имя выберет, а если девочка, то я. Она хочет имя Карл-Хайнц в честь Иберсбергера, а я думаю над именем Ида.

– Я слышал о смерти оберста Иберсбергера. Соболезную, вы ведь были друзьями.

Калле не стало год назад. У пышущего энергией сорокавосьмилетнего мужчины, храброго солдата и отличного друга не выдержало сердце. Вюнш вспомнил, как успокаивал на похоронах рыдавшего Зигмунда Шигоду.

– Ничего не поделаешь. Теперь он пирует в Вальгалле.

Установилось молчание, продержавшееся до начала кон-

црта. Хольгер вернулся на свое место и следующие полтора часа прошли в музыкальном восторге.

Грянул Марш Радецкого. Зал начал хлопать в ладоши и топтать ногами в такт музыке, написанной Иоганном Штраусом-отцом в честь победы в Италии австрийского маршала Йозефа Радецкого. Столь странное для воспитанной венской публики поведение было давней традицией. Когда Марш Радецкого исполнялся впервые во время триумфального возвращения маршала в Вену, народ хлопал и топал ногами. С тех пор исполнение этого произведения на концертах сопровождалось именно такой реакцией слушателей.

Музыка унесла Хольгера очень далеко. Ноты били его по голове, а перед глазами маршем шли его боевые товарищи – те, кого он потерял. Вюнш видел их всех: и тех, кто погиб на Войне, и тех, кто умер много позже. А еще он увидел Вольфганга Габриеля.

На лице Вольфганга не было трупных пятен. Его тело не раздуло от долгого пребывания в воде. Он почти не изменился за эти шесть лет, разве что седины стало еще больше. Он сидел на балконе справа от Вюнша и тоже слушал Марш Радецкого. Габриель был, как и Майер, одет во все черное, а на его плече была повязка со свастикой.

Хольгер застыл с удивленным выражением на лице, но через несколько мгновений удивление сменилось гневом. Вюнш понял, что Гиммлер просто его обманул: рейхсфюрер послал Вольфа не для того, чтобы убить Габриеля, а чтобы

предложить ему работу. «Вот почему у штурмфюрера не было машины – он отдал ее Вольфгангу, чтобы я увидел автомобиль Габриеля и ничего не заподозрил...» Гиммлер с Вольфом придумали отличную комбинацию и блистательно ее разыграли.

Марш закончился. Он закрывал концерт. На сцену вышел тщедушный, худой человек. Его звали Йозеф Геббельс, и он был министром пропаганды. Все встали. Геббельс начал произносить речь, но Хольгер не слышал ни слова. Он ничего не слышал – в его мозгу все еще грохотал марш: «Пистолет остался в гостинице, так что застрелить его не получится. Если забраться по той занавеске на балкон, то я смогу задушить его. Можно пройти на балкон и с другой стороны...»

Где-то на границе своего поля зрения Вюнш заметил объект. Хольгер старался не отвлекаться на него, но какая-то часть его разума твердила, что этот объект очень важен, что к нему нужно присмотреться всенепременно. Вюнш поддался этому стремлению, сфокусировал свое внимание на объекте и понял, что это вовсе не объект – это его жена Хелена, которая носит их общего ребенка и очень внимательно слушает Геббельса. Ее взгляд был устремлен на сцену, а на лице зависла торжественная улыбка.

Взгляд же Вюнша скользнул еще дальше и он увидел Майера и Хельгу, лица которых сейчас были так похожи на лицо его жены. Душа Хольгера металась между этими тремя молодыми людьми и Вольфгангом Габриелем. Он не знал, как

ему поступить.

Геббельс закончил и вскинул правую руку. Хольгер, в голове которого продолжал звучать марш, посмотрел на Хелену и произнес одними губами:

– Зиг Хайль, Хелена!

А после этого громко и отчетливо вместе со всеми:

– Зиг... Хайль! Зиг... Хайль! Зиг... Хайль!

Примечания.